

Николай Юрконенко

Вернись после
смерти

Роман

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Николай Юрконенко
Вернись после смерти

«Автор»

2019

Юрконенко Н. А.

Вернись после смерти / Н. А. Юрконенко — «Автор», 2019

Новое произведение писателя Николая Юрконенко посвящено жестокому и бескомпромиссному противостоянию советской и японской разведок на территории Забайкалья в годы Великой Отечественной войны. Книга написана на основе архивных материалов Читинского Управления НКГБ – ФСБ. Вниманию читателей предлагается правдивое описание драматичных событий того непростого времени – малоизвестных, но грандиозных по своим масштабам, картины неповторимой по красоте забайкальской природы, а также исторические экскурсии и в радостное, и в горестное прошлое нашей Великой Родины. Содержит нецензурную брань.

© Юрконенко Н. А., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава	12
Глава 3	22
Глава 4	32
Глава 5	40
Глава 6	46
Глава 7	54
Глава 8	62
Глава 9	71
Глава 10	77
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Николай Юрконенко

Вернись после смерти

Пролог

За Россию паivism

Пронзительно свежи и прохладны первые летние ночи в Забайкалье. Медленно согреваются после диких зимних холодов лесистые сопки, а на высоких каменистых гольцах, окруженных мрачными кедровыми урманами, на глухих таёжных полянах долго лежат девственно-белые снега. Сухой знойный, напоенный ароматами зацветающих степей Монголии южный ветер, еще не долетает до этих могучих станových хребтов и гранитных отрогов. Тихо кругом. Лишь едва слышно булькают в падах и скалистых разломах прозрачные таёжные родники, пробившиеся, наконец, к свету, сквозь толщу подземных ледяных линз.

В одну из таких зябких лунных ночей шел тайгой одинокий путник. Казалось, что человек продвигается наощупь – так часто он останавливался, замирал в полной неподвижности, чутко вслушиваясь в темноту, потом снова устремлялся вперед, посматривая на темный свод неба, словно прокладывая свой путь по звездам. Его шаги были едва слышны, ноги, обутые в легкие охотничьи и'чиги, ступали осторожно и мягко.

Туманное предраcсвeтьe застало путника у подножия крутого хребта, вершину которого венчал высокий и длинный скалистый гребень. Человек настороженно замер у закрайка леса перед широкой поляной и стал напряженно всматриваться в четкие на фоне светлеющего неба очертания скал. Было видно, что он колеблется: снова двинувшись по едва заметной тропке, вдруг остановился и, помедлив, присел на каменную глыбу. Его внимательный взгляд, в который уже раз, прошелся по крутому склону сопки, задержался на густой поросли ерникового кустарника. Так он просидел несколько минут, и, наконец, решительно поднялся. Сняв с плеча ружье, держа его наготове, скользким шагом направился в гору и дошел тропой до скалистого гребня. И только там, у самого подножия, встал, тяжело переводя дыхание. В это время за его спиной, одновременно, как по команде, поднялись из-за гранитного валуна две человеческие фигуры. Оглушительный грохот винтовочного выстрела расколол глубокую предутреннюю тишину. Страшная обжигающая боль пронзила тело путника. Выронив оружие, он рухнул ничком. Двое, осторожно ступая по склону, подошли к упавшему. Один наклонился, всматриваясь:

– Сквозняк! Поймал дед мордой грунт и даже ногой не дрыгнул. – удовлетворенно прохрипел он, распрямляясь. – Теперь уж точно – дуба'рь!

– Ты уверен? – требовательно спросил напарник.

– А то, как же, – первый поставил затвор винтовки на предохранитель и закинул ее за плечо. – После моей пули еще ни один не встал.

– Отойди-ка, – второй вскинул тускло блеснувший пистолет. – Я ему в башку шмальну на всякий случай, или забыл уговор?

– Охота «маслёнок» тратить – трать! Только погоди малость, я с него ичиги сдвину да переобуюсь, мои прохоря' по этим горам как есть расшлепались. Обшмонаю заодно.

– Давай пошустрее, нам еще топать да топать.

Через несколько минут сухо щелкнул пистолетный выстрел.

Глава 1

Унылой промозглой моросью истекал за окном поздний непогожий вечер. Майор Степанов, оперативный сотрудник отдела контрразведки Читинского областного Управления НКГБ, сидел за кухонным столом своей старой уютной квартиры. Ужин майора был собран на скорую руку: банка разогретого тушеного мяса, пара холодных картошин «в мундире», крупно нарезанная луковица, несколько галет и кусочков сахара-рафинада из военного пайка. На примусе посвистывал закипающий чайник. Степанов был вдовцом, жена умерла давно, и с той поры разносолов на его столе не водилось, довольствовался по-солдатски самым необходимым.

Домашнее тепло разморило немолодого человека. Осоловело моргая потяжелевшими веками, майор вяло жевал, плохо ощущая вкус того, что ест. За последние несколько дней он вымотался до предела человеческих возможностей, оголодал и ужасно хотел спать. Заканчивая своё позднее застолье, он вожаделенно предвкушал, как уже через несколько минут провалится в сладостный и беспробудный до самого утра сон. Хватило бы только сил раздеться. Резкая трель телефонного звонка заставила офицера встрепенуться и взять трубку.

– Слушаю, Степанов.

– Товарищ майор, – послышался чуть искаженный мембранной голос капитана Бутина, дежурившего по Управлению, – вам необходимо срочно прибыть в отдел, «эмка» уже послана.

– А что случилось, Сергей Павлович? – сгоняя сонное отупение, Степанов энергично потряс головой.

– Убийство, – помедлив, произнес Бутин. – Какого-то охотника в тайге застрелили.

– Кто застрелил, известно?

– Нет. Как я понял, это предстоит узнать нам.

– Выспался, рассобачья ты жизнь! – тяжело вставая, беззлобно ругнулся майор.

– В машине покемарите, Григорий Семёнович, – с сочувствием сказал Бутин. – До поселка Ерёмينو часа три, как минимум, ехать.

– Ехать... – Степанов выключил примус и снял закипевший, наконец, чайник. – А милиция для чего? Бытовуха, это же ведь её хлеб.

– Я тоже так подумал, когда мне доложили из «УгРо», даже их дежурного хотел отругать, но в это время позвонил товарищ полковник, приказал мне сдать дежурство, немедленно вызвать вас, собрать весь наш отдел и подготовить «полуторку» к рейсу.

– А что за срочность такая, почему до утра нельзя подождать?

– Почерк всё тот же, – пояснил Бутин, – как и в предыдущих убийствах: два выстрела...

– В сердце со спины и в голову позади левого уха?! – ошеломленно уточнил майор.

– Именно так. Метод, стопроцентно гарантирующий смерть, – последние слова капитан проговорил глухо и медленно. Степанов представил его лицо в эту минуту: угрюмое, застывшее.

– Еду! – коротко бросил майор. Положив трубку, он затянулся широким офицерским ремнем, застегнул португую, согнал назад складки гимнастерки, привычным движением сместил на правый бок потертую кобуру с пистолетом. Потом, коротко глянув на часы, взялся было за ручку чайника, но в это время у подъезда тревожно квакнула сигналом машина.

Убитый лежал на боку, уронив голову на вытянутую левую руку. Пальцы были настолько плотно сжаты, что создавалось впечатление, будто человек собирался зачерпнуть ладонью воду да не успел. Правая рука была неестественно завернута и покоилась на отлёте. Степанов присел

на корточки перед трупом, внимательно осмотрел его. На вид мужчине было лет под семьдесят, большого роста, плечист и при жизни, вероятно, обладал еще достаточной силой.

– Странно лежит, правда? – майор выпрямился, встал рядом с капитаном Бутиным.

– Да, я тоже это заметил, – кивнул тот, – руку имеете в виду?

– Именно... – Степанов неторопливо обошел труп, остановился в ногах, подумал. – Дело было вероятно так: убили его с первого выстрела, то есть попаданием в область сердца. Стреляли, скорее всего, вон из-за того камня, – майор показал глазами на высокий обомшелый валун. – Потом подошли, потянули за руку, перевернули на бок, чтобы произвести контрольный выстрел в затылок. Затем разули и обыскали, обратите внимание: карманы вывернуты... Всё правильно, капитан, это убийство по нашей разработке, почерк – тот же. И винтовка, и пистолет, наверняка, те самые... Игнатьев, идите сюда, – обратился майор к стоявшему поодаль пожилому, мрачного вида, мужчине с густой седой бородой. Его глубоко запрятанные светлые глаза смотрели настороженно. – Ну, теперь мы на месте происшествия, рассказывайте всё по порядку, не спеша. Итак, когда вы обнаружили труп Горяева?

– Вчерась, – старик приблизился к офицерам. – Аккурат дождь собирался. Я бы, однако, мимо прошел, торопился, шибко уж оте'мнился¹, а тут гляжу – чёрное штой-то мелькнуло в кустах, непривышное для таёжного цвету. Подошел. Оказалось – френчик это Николай Федотыча. Ево потрогал, а уж он – холодный.

– Горяев всегда налегке на охоту ходил?

– Не-е, он в ватной куфайке промышля'т, обнаковенно, как все'и. Холодно ишшо ночами – как вызвездит и вы'яснит небушко на приморо'з, дак забря'каш зубами-то без теплой одёжи.

– Понятно. Значит, сбросил он эту самую «куфайку»... Только вот почему? – Степанов осмотрелся вокруг пристальным взглядом. – Подозрительного здесь ничего не заметили?

– Да, навроде, ничаво'... – неопределенно пожал широкими вислыми плечами Игнатьев. – Я, верно, особо-то и не глядел, во'шкаться было нековда, в поселок поспешал, людям рассказать.

– Оружия не было при убитом?

– Не, не было.

– А чем Горяев был вооружен и во что обут?

– Известно, чем, берданой. Тридцать второй калибер. У нас, хто на промысел поставлен, все имя' обворужоны. И у меня вот она, таковская жа. – Игнатьев тронул ремень висевшего за спиной охотничьего ружья. – А обутой Николай Федотыч был в ичиги, мы летом по тайге окромя энтих обу'ток ни в чем не ходим. Со звериных шкурков шьём: и ногам легко, и не промокают.

– А зимой?

– Зимой – в ка'танках, а по-городскому – в валенках, али в ка'мусах² изюбриных.

– Ясно. – Степанов, сгоняя севшего на щеку слепня, устало провел ладонью по своему широкому, простому крестьянскому лицу. – Откуда мог идти Горяев, вы не знаете?

– Как жа, знаю, с Джарчи он шел, только... – старик сбился, сосредоточенно поскрёб пятерней затылок.

– Что, только? – насторожился офицер.

– Рановато ему было оттудова идтить, путём-то и не поробил. Пять дён, как с поселка ушел.

– А зачем он ходил в эти самые Джарчи?

¹ Оте'мниться – прийти из тайги поздно, по темноте (забайкальск.)

² Ка'мусы – мягкие унты с мехом наружу с высокими голенищами, сшитые из выделанных шкур с ног изюбря (забайкальск.)

– Джарча', правильно будет. Речка таковская есть, – старик показал рукой на юг. – Зимовьё Николай Федотыч рубил по Черному ключу, соболева'ть зимой собирался, белкова'ть, охотничать, словом. Наохотничал вот...

– Приступайте, – Степанов разрешающе кивнул стоявшим рядом следователю и экспертам и, повернувшись к старику, предложил. – Отойдемте, Прокофий... Как вас по отцу-то?

– Семеном батьку звали.

– И я тоже Семенович, а по имени, Григорий, – чуть приметно улыбнулся майор. – Значит, в некотором роде мы с вами – тезки.

– Выходит, што так, – покладисто согласился бородач.

Они отошли в сторону, присели на обломок сосновой валежины. Собираясь с мыслями, Степанов некоторое время молчал, задумчиво глядя на курившиеся горячим маревом лобастые таежные сопки. Старик, положив ружье на колени и достав из кармана дождевика матерчатый кисет, крутил огромную самокрутку. Закурил, сделал первую долгую затяжку, как бы наслаждаясь, почмокал губами.

– Кто это мог сделать, Прокофий Семенович? – наконец заговорил майор.

– Бог ево знат... – бородач выпустил из ноздрей две струйки горьковатого самосадного дыма. – Федотыч вообще-то мужик был смирной, никого в посёлке не трогал.

– А не в посёлке?

– Дак он, как сынов-то проводил на войну, однако из Ерёминскова и не выежжал ни разу. А када старуху схоронил, и на улицу-то редко казался, – охотник подумал, потом убежденно помотал головой. – Не-е-е, па'ря³, не было врагов у Николай Федотыча, не таковский он человек, да и года-то уж не те'и, штоба их наживать.

– Ну, хорошо, – Степанов снял фуражку, пригладил густые, начинающие сесть волосы. – А вот давние-давние враги могли быть у Горяева? Кстати, вы сами-то давно в Еремино живете?

– Сколько Игнатьевых было в нашем роде, столько и проживали здесь, окромя – нигде. И я ерёминский сызмальства. А с Николай Федотычем-то и произростали рядом, девкова'ли и обженилися в один год. А потома и партизанили вместе.

– Дружили, значит?

– Да оно особо-то и не дружили, но, однако соседствовали и жили по-людски, – уклончиво ответил старик. – В колхоз своих кляч в одно время притянули, вместе калихтивизацию делали, робили до седьмова поту.

– Вот именно этот период я имею в виду, – майор сломил ерниковый прутик, похлопал им по голенищу сапога. – С тех партизанских и послевоенных лет могли у Горяева остаться недруги?

– Дак, а времени-то уж сколь сошло, – недоуменно проговорил Игнатьев. – Неуж хтой-то моёт так долго злобу хоронить?

– Люди разные, Прокофий Семенович. Случается, что всю жизнь мысль о мести вынашивают, а потом, вдруг, удобный момент представился. Сойдутся на узкой тропке и – кто кого!

– Такое в жизнях бывает, чё уж там... – старик погрузился в глубокую задумчивость, припоминая, видимо, события тех давних лет.

Подошел капитан Бутин, высокий, стройный, приятный лицом парень:

– Закончили, товарищ майор, – доложил он, останавливаясь напротив Степанова. – По предварительному заключению медэксперта убийство совершено не менее двух суток назад.

Стреляли, действительно, из-за того камня из винтовки системы Мосина⁴, гильзу нашли именно там. Контрольный выстрел в упор из «Парабеллума»⁵ или «Вальтера-МП»⁶, вокруг

³ Па'ря – приятель, друг... Доверительно-уважительное обращение забайкальцев к собеседнику-мужчине.

⁴ Трехлинейная винтовка образца 1891 года калибра 7,62 мм конструкции русского оружейника С. И. Мосина.

⁵ Автоматический пистолет Борхард-Люгер П.08 калибра 9мм. В 1904 году его первую модель сконструировал немецкий

раны на черепе остатки пороха и ожёг. Пуля прошла навывлет, мы ее откопали, отыскивали также и гильзу, теперь имеется возможность идентифицировать убийство на элеваторе и это, – он кивнул в сторону мертвого охотника, вокруг которого толпились оперативники.

– Присаживайся, Сергей Павлович, – вздохнул майор, – подумаем, что делать дальше.

Бутин опустил на ствол дерева, тоже снял фуражку, отер платком пот с высокого чистого лба. Солнце поднялось уже высоко, и день становился по-настоящему жарким.

Смерив долгим изучающим взглядом капитана, старик медленно выговорил:

– Выходит, одного раза-то имя¹ мало показалось... – он сдвинул мохнатые кустистые брови, насупился и продолжил глухим голосом. – Ежели вспоминать, товаришши командиры, то вспоминать надоть многих людей и теи, ранешние, времена. Сколь боев мы прошли с Николаем Федотычем в нашем отряде! Пошти-што три года в тайге безвылазно. И рубились с беляками, и в разведку ходить доводилось, и в набег... Но здесь, однако, другое: Горяева в комбед председателем выбрали после войны, и получил он какую-никакую власть. А раскулаченных много было в Ерёминском, недовольных. Жили-то до революции тут некоторые шибко крепко. И скотоводы были богатые, и лабазники, и купцы-меховшники¹. А Вьюков Акешка, обретался у нас таковский, дак тот вобщше в миллионщиках ходил: большу¹ факторию держал: пушнину скупал, кожи, мясо и возил цельными обозами в Китай, а оттель манухвактуры пёр, фурфоры-посуды всякии, торговал, значитца. Но вот – калихтивизация! И пошло-поехало... Одне – за старое, другия – но¹ву жисть возмечтали увидать. И опять, как война. Сколь друг друга постреляли, сколь изб пожгли, злые все были, нервные! И в Николай Федотыча тожа однава¹ стрельнули, да хоть ладно – обще¹лились, скользом прошла пуля...

– Конкретно кого-либо назвать можете? – быстро спросил Бутин.

– Конкретно, сынок, как назовешь? Сам посуди: а вдруг не угадашь? Не, греха на старости лет я на себя не возьму... Конкретно – это уж вам самим разбираться.

– Может быть, в поселке кто-нибудь знает что-то? – осторожно поинтересовался Степанов.

– Можя и знат, – рассеянно произнес Игнатъев. – Хотя навряд, ближе-то меня и моей старухи никого у Федотыча не было. Думаю, я так: спрашивать вам, хто убил Горяева, дело пустое, никто не станет шибко-то разговаривать – народ у нас всё помалкавать норовит... А вот я, – он сделал ударение на слове, «я», – я вам так скажу: окромя, как из нашего поселка, Федотыча никто в тайге вытропить не мог.

– Ну-ну, – заинтересовался Степанов, отбрасывая в сторону ерниковый прут. – Это почему же?

– Эвон почему, – старик провел рукой вдоль высокого скалистого гребня, который, как Великая Китайская Стена, неприступно высился на вершине хребта и уходил бесконечно далеко, теряясь в пышной гриве кедровой тайги. Охотник задержал указательный палец на узком разломе в гранитном гребне. Едва приметная для глаз извилистая тропка убегала туда. – Знаете, товаришши командиры, как энто место прозывается?

– Откуда же нам знать?

– А прозывается оно: хонги¹л. По-нашенскому, по-забайкальскому, мере¹каете, нет?

– Нет, Прокофий Семенович, не местные мы оба, – ответил Степанов.

– Хонгил – это трещина в скале. Али другим словом – узкой пролаз, – пояснил Игнатъев и сделав очередную глубокую затяжку, продолжал. – Дак вот, хонгил здесь эвон где будет, – он снова показал рукой на едва различимый просвет в гранитной стене.

инженер Георг Люгер. Он же был инициатором того, чтобы это выдающееся оружие приобрело еще и громкое рекламное название «Парабеллум». Данное слово является частью изречения римского историка Корнелия Непота: «Си вис пасет парабеллум» (лат.) – «Хочешь мира – готовься к войне».

⁶ «Вальтер-МП» (милитари-пистол) – автоматический пистолет калибра 9мм конструкции немецкого оружейника Карла Вальтера.

– Ну, и что?

– А вы погодите, щас все разобъясню. Дело-то в чем: эту тропу через хонгил только промысловики с нашего поселка знают. Её не шибко давно здесь протоптали, посля того, как землетря'с случился и ка'менну стену порвал. Но не кажный, ох не кажный, сюды попрется! Круто здесь, чижало идтить. Вот и ходют наши охотники кругалем, по низине, где Джарча-то бегит. Вёрст на семь да'ле, но зато и человеку, и лошадёнке всё полегше. Энтю уж ежели хто без ноши да шибко спешит-торопится, сюды правит. Вот и я, к придмеру, пустой шел, на си'дье-то здря с запослевчера просидел – не пришел зверь⁷.

– Запослевчера? Это ж сколько дней, получается?

– Третьеводни, значитца, – пояснил старик. – Три денёчка.

– Вот теперь понятно... И что следует из вашего рассказа, Прокофий Семенович? – продолжил Степанов.

– А вот што, – старик отставил в сторону ружье, расстегнул дождевик, и, сняв его, бросил на камень. – Взять филоновских, али там кожуховских, а ближе к Ерёмину боле и деревень-то нету, дак ихние охотники через энтот хонгил тропу пошти што не знают, а хто успел узнать посля землетрясу, дак всё одно не пойдет сюды – кругала такого накручивать. Да оно и незачем: на нашинский угодыя оне не лезут, у самих есть, где промышлять. И не в придмер богаче ихняя таёжка: ува'лы покатее, кедрачи гушше, да и волковья зимой поменьше быват. У нас жа, как напасть – косяками по тайге ходют, быдто кормют их здесь, поганцов! В иной год и козулёшку не добудешь: всех поразгонют али порежут, варнаки!

– Та-а-ак, это уже зацепка! Ну, а все же, за что могли убить Горяева? Может, видел он в тайге что-то? Или кого-то, кто таится от посторонних глаз?

– Верно мере'кашь, Семеныч, – старик тцательно затоптал окурок, заговорщицки придвинулся к чекистам. – Тут ведь што выходит: Федотыч пошел, вернее, поплыл на низовья Джарчи зимовьё дорубить, штоба зимой на промысел тама стать. Нашему промхозу на нонешний сезон больш-о-ой оборонплан по мясу и пушнине спустили. А промышлять-то особо некому, все молодые мужики на войне, мать её так! Вот и поднавьючили нас, стариков, охот-участков новых нарезали. Мы и ставим зимовья, кому, где сподручнее. И вот поплыл Федотыч на лодке вниз по Джарче и через два дня на третий – был на месте. А ево'нное зимовье по Черному ключу версты на две вверх будет, в самом становике'. Пока бу'тор⁸ с лодки перетаскашь – ишшо день уйдет. А энтю уже три полняком. А таперя глядите сами: я ево пять дён назад зрил живого, а вчерась нашел здесь мертвого. Вот и гадайте: докудова он на лодке доплыл, кого встретил, и пошто на зимовье не остался, а в поселок прямым ходом через хонгил побёг? Через хонги-и-ил! – заключительную фразу старик произнес с многозначительным подтекстом.

– Скажите, Прокофий Семенович, – спросил Степанов, – вот вы утверждаете, что Горяев поплыл вниз по реке. У меня в этой связи вопрос: а как он собирался возвращаться домой, лодку ведь на себе через тайгу не потащишь?

– Да не надобно ее ташшить, – снисходительно усмехнулся старик. – Она сама кого хошь до ево'нной избы довезет. Эта наша Джарча уж такой петлиной по тайге легла, быдто сам черт ее закрутил. Отбегат она от Ерёминскова верст на'семьдесят. Петля'т, петлят промежду сопок, а все едино – к поселку возвращается, только с другого боку. И уж потом отворачиват на сол-нешный заход и уходит вниз, к большим речкам и с имя' вместе в Байкал-озеро впадат.

– Во-о-т оно что... – понимающе протянул майор и по-доброму улыбнулся. Неповторимый забайкальский сельский говор со «съеданием» глагольных окончаний всегда потешал и

⁷ Зверь – так местные охотники называют изюбря, благородного оленя. При охоте на солонце, на «солянке», его, как правило, караулят на си'дье, сооруженной в кроне дерева, на расстоянии действительного выстрела.

⁸ Буто'р – охотничье и рыболовное снаряжение (забайкальск.)

умилял его, уроженца подмосковья, заброшенного военной судьбой в Читинскую область. – Как мудро природа все устроила.

– А я так мерекаю, што и деды наши не дурее-то были, – с одобрением в голосе сказал старик. – Смикитили, што поселок надоть в самых сбегачах становить, где рукава пошти што сходятся. Вот и получилось: и лес на избу, и дрова, и сено с дальних покосов, и зверя, и все прочее – нам Джарча сама доставля'т. С левого рукава отплыл и через четыре-пять дён правым возвернулся. Разбуто'рился, на телеге лодку перетащил, а энто с версту будет, и снова могёшь заплывать.

– Тогда еще один вопрос возникает, – испытующе посмотрел на старика капитан Бутин. – А почему вы на лодке на охоту не поплыли?

– Потому, сынок, што сидьба моя, где я зверёв солью прикормил, не шибко далеко, отсюда, с версты четыре. – Игнатъев неопределенно махнул рукой в сторону пологого распадка. – Так што по Джарче кататься и неделю на то тратить – толку нету. Мне на охоте боле пешкова'ть ндравится.

– Ну, а если бы добыли зверя, то, как быть с ним, ведь это же почти центнер мяса?

– Пуда полтора утащил ба сам, – объяснил Игнатъев. И опережая дальнейшие распросы, добавил. – А остально мяско на леднике в ключе залаба'зил, штоба не сквасить. Мне председатель добыть зверя али сохатого⁹ велел, а да'ле – евонная забота...

Какое-то время все трое молчали, потом Степанов обратился к старику:

– За ваш рассказ огромное спасибо, Прокофий Семенович, в розыске это очень поможет. А вот не могли бы провести наших людей по примерному маршруту Горяева? Отсюда и до Черного ключа, где его зимовье находится.

– Думашь, што следы какии отышшим? – деловито и озабоченно уточнил тот.

– Уверен, – твердо сказал майор.

– Об чем разговор, Семеныч? – Игнатъев решительно поднялся. – Все обсмотрим по Черному ключу, по Джарче вверх-вниз от ево устья по паре вёрст пробегим. Тольки старухе моей перескажите, што я, мол, дня через два возвернуся, не ра'не.

– А в один день не сможете уложиться?

– Не-е, обыдёнкой никак неможно, шибко далеко, однако.

– Ну что ж, раз так... – встал и Степанов. – Мы, тем временем, в село поедем, там тоже работы много предстоит.

– Дак у меня и становитеся на ночлег-то, – обрадованно проговорил старик. – Бабка вас примет по-нашенскому. А уж мы скорой ногой туды-обратно.

– Спасибо за приглашение, Прокофий Семенович, не исключено, что им воспользуемся, – поблагодарил Степанов и повернулся к Бутину. – Ну, капитан, задача, думаю, ясна?

– Так точно, товарищ майор! Только разрешите вопрос?

– Слушаю.

– В случае если выйдем на кого-нибудь, брать или...

– Лучше без «или», капитан! – Степанов строго глянул на молодого чекиста. – Действуйте по обстоятельствам, но желательно хоть кого-нибудь захватить живым. Еще вопросы есть?

– Никак нет. Вы не против, если возьму людей из моей группы?

– Не возражаю, – майор пожал руку молодому офицеру. – И не нарывайся особо, осторожность – прежде всего. Сам видишь, волки, судя по всему, там стреляные...

⁹ Сохатый – лось (забайкальск.)

Глава

2

Расставшись с капитаном Бутиным и его людьми, майор Степанов, захватив с собой лейтенанта Тихонова, молодого розыскника-стажера, недавно прибывшего с фронта после ранения, отправился в поселок Еремино. Тело убитого охотника доставить поручил односельчанам Горяева, присутствовавшим при опознании.

Всадники ехали по узкой тропе, то петляющей по склонам сопок, то вдруг ныряющей в широкие пади и болотистые низины. Степанов торопился, и, где это было возможно, переводил свою каурюю на рысь. Взятые в поселке, лошади были приучены к тайге, по крутым увалам шли медленно и осторожно, в кочковатых ма'рях ступали точно по тропе, опасаясь провалиться на оттаявших зыбунах. Выполняя обязанности проводника, впереди, на лохматой чалой кобылёнке трусил охотник Игнатъев.

Отпустив поводья, майор привстал на стременах, поудобнее устроился в седле и обернулся к Тихонову:

– Петр Иванович, а ну-ка пристраивайся справа, тропа вроде шире пошла, давай порасуждаем, пока время есть.

Лейтенант, прищпорив коня, поравнялся с ним. Было видно, что ему, молодому, сильному, энергичному, по душе всё происходящее: и этот вороной норовистый конь со звездой во лбу, и этот солнечный день, и этот верховой поход по зелёным сосновым чащам. Загорелое худошавое лицо, фуражка с натянутым под подбородком ремешком, выбившийся из-под неё рыжеватый вьющийся чуб, ловкая прямая посадка, подтянутые высоко, по-казачьи, стремена, вызвали у Степанова невольную одобрительную усмешку:

– Бравый из тебя, Петро, получился кавалерист, вот только шашки не хватает!

– Да уж! – сверкнул белозубой улыбкой лейтенант. – Мне джигитовать – дело привычное. Я ведь действительную на границе служил, в Туркестане, а там без лошадей – никуда. А потом во втором гвардейском кавкорпусе генерала Доватора с сабелькой почти год воевал, рубил немчуру и под Смоленском, и под Волоколамском...

– Вот как! – подивился майор. О работниках своего отдела он знал многое, с этим же офицером, поступившим в его распоряжение буквально на днях, нужно было познакомиться поближе. – То-то смотри: на коне, как припаянный сидишь.

– Да и вы вроде по седлу не елозите...

– Немудрено, я ведь из крестьянского роду-племени, – тепло улыбнулся Степанов, – к лошадам сызмальства приучен.

– Люблю я их, – лейтенант с грубоватой нежностью потрепал за холку своего вороного. Тот злобно скосил глаз на всадника и, осерев зубы, раздраженно лязгнул удилами.

– Ты из каких мест родом, Петр?

– С Алтая, – грустно вздохнул лейтенант. – Есть там такая деревня: Крутояриха...

– Понятно, – сказал Степанов, и, проехав какое-то время молча, уже серьезно продолжил. – Ну, добро, казак, теперь давай думать, с чего начнем в Еремино?

– На мой взгляд, с пистолета. Сами посудите: уже год идет война. Оружие германского производства в эти места, откуда могло попасть? Только с фронта.

– Верно мыслишь.

– А теперь нам со слов Игнатъева известно, что к убийству причастен кто-то из местных. Значит, розыск надо вести по такой, примерно, схеме: немецкий пистолет – человек, доставивший его в Забайкалье с фронта, а может быть, взявший у пришедшего с войны, затем – убитый охотник Горяев. Главное, нужно узнать: кому старик встал поперек горла настолько, что дело дошло аж до убийства, глядишь, и появится какая-то связь с аналогичными убийствами

в городе... Потом необходимо перебраться тех людей, которые с июня сорок первого были призваны в действующую армию. Наверное, уже имеются и такие, кто вернулся по инвалидности после тяжелого ранения. Этим надо прощупать особо. Вот первые ходы, а там, как говорится, война план укажет.

– Молодец, Петро, я примерно так и представлял себе нашу работу в Еремино. Списки призванных в РККА в Правлении хранятся, наверное.

– Конечно, товарищ майор, военкомата здесь наверняка нет.

Тропа, петлявшая по сосновым дебрям, незаметно переросла в торную дорогу, на которой были заметны следы тележных и автомобильных колес, дорога перешла в широкий накатанный тракт, и через полчаса хорошей скачки всадники, наконец, увидели разбросанные у подножия крутобокой сопки домики таежного поселка Ерёмино.

Председателем поселкового Совета оказался сутулый нескладный мужчина лет пятидесяти. Несмотря на полуденную жару, одет он был тяжеловато: в шерстяные пропылённые армейские галифе, заправленные в давно не чищенные яловые сапоги, застиранную серую рубаху и новенький добротный черный пиджак, левый рукав которого был перегнут в локте и подколот подмышкой булавкой. Ярко поблескивали две медали: «За отвагу» и «За боевые заслуги», золотилась нашивка-лычка «Тяжелое ранение». Этот сборный костюм смотрелся довольно нелепо. С первого взгляда было понятно, что перепуганный экстренным визитом в глухой таёжный поселок сотрудников НКВД, человек в суетной спешке сделал то, единственное, на что его толкнул панический страх. Он набросил впопыхах пиджак с регалиями, наивно, по природной простоте, понимаемый им как некий оберег-талисман. Становилось абсолютно ясным и то, что для владельца пиджака эти награды, были, пожалуй, самым значимым из того, что у него вообще имелось в жизни.

Привлекало внимание и лицо председателя: скуластое, с рваным багровым шрамом, взбодрившим левую щеку. И взгляд синих глаз был необычен: левый узко и напряженно прищурен, а правый, наоборот, широко раскрыт. Создавалось невольное впечатление, что человек в кого-то старательно целится, и в любое мгновение готов выстрелить.

– Аксенов Елизар Максимович, – представился он неожиданно тонким сипловатым тенорком. Поочередно протягивая руку чекистам и чуть прикланиваясь при этом, председатель с какой-то угодливой суетливостью раскрыл перед ними дверь в избу поселкового Совета. Как бы оправдываясь, объяснил скороговоркой. – Не успел на дальние поля уехать, а тут такое... Но только мне сообщили – я тут же назад, и минутки не потерял.

– Елизар Максимович, – Степанов грузно опустился на старый, продавленный, заголовивший всеми пружинами диван, – у меня к вам сразу же просьба: лошади больше не понадобятся, верните их хозяевам и попутно подскажите нашему шоферу, чтобы гнал машину сюда, он остановился у егеря Комарова. Если спит, то не будите, парень полночи провел за рулем, притомился.

– Будет сделано! – все с той же угодливостью бормотнул Аксенов. В дверях на минуту задержался. – А как насчет обеда, может, прямо сейчас ко мне?

– Спасибо, Елизар Максимович, – Степанов отрицательно качнул головой. – Пока некогда, вот поработаем немного...

– Ясно, товарищ майор!

Степанов расстегнул португепю, ослабил пояс. За раскрытым окном слышался голос председателя, отдававшего поручения:

– Яшка! А ну скоренько разгони этих лошадей Чебаковым да Груздеву Пал Палычу. И до Комаровых добежи попутно...

Последние слова Аксенова заглушил громкий телефонный звонок.

– Ответь, Петр, – попросил Степанов сидящего у стола Тихонова. – Скажи, что председатель сейчас будет.

Лейтенант взял трубку:

– Поссовет Ерёми... – и тотчас же непроизвольно вскочил. – Вас, товарищ майор.

– Слушаю, Степанов, – с недоумением проговорил тот, приняв трубку.

– Это Шадрин! – услышал он сильно модулирующий высокий голос начальника отдела контрразведки областного Управления НКГБ и сейчас же сделал Тихонову нетерпеливый жест рукой, чтобы тот прикрыл окно. – Григорий Семенович, как там у вас дела, прояснилось что-либо, нет?

– Пока ничего конкретного, товарищ полковник. Но некоторые шаги на серьезную зацепку наметились. Косвенный признак: убийство совершено кем-то из местных жителей.

– Это действительно реальная зацепка, вы уверены? Иначе я вас немедленно отзову.

– Уверен, – подтвердил Степанов и, поколебавшись, спросил. – Случилось что-то, товарищ полковник?

– Случилось – не то слово! Сегодня ночью совершено вооруженное нападение на так называемые «пороховые склады» в районе шахтерского посёлка Черно'вский. Унесено несколько ящиков взрывчатки. По предварительной информации – больше центнера.

– Убитые есть?! – забыв на миг, что разговаривает с самим начальником отдела, почти выкрикнул в трубку Степанов.

– Есть, трое: два с нашей, один с их стороны. По заключению экспертов в преступлении применялся все тот же пистолет калибра девять миллиметров.

– «Парабеллум» или «Вальтер»? – ошеломленно уточнил Степанов, видя, как бледнеет смуглое лицо стоявшего напротив лейтенанта Тихонова и, чувствуя, как у самого отливает от щек кровь.

– Именно так! – подтвердил полковник.

– Какие мне и моей группе будут указания?

Шадрин молчал, принимая решение, потом сказал:

– Оставайтесь там, раз зацепились. Здесь этим делом занимается подполковник Баркун, но реального, к сожалению, пока ничего нет.

– А труп с их стороны?

– Найденный на месте преступления труп никто и никогда не сможет опознать – он обезглавлен. И кисть левой руки отрублена. Видимо, на ней имелась приметная татуировка. Тело бросили, а голову и руку унесли, каково!? – Шадрин сделал паузу, давая майору осмыслить услышанное. – Значит, так: работайте там до упора, но действуйте как можно оперативнее. И тут же назад.

– Есть, товарищ полковник!

С минуту офицеры сидели молча.

– Вот так-то, – медленно проговорил Степанов. Потом добавил. – Ну, зови председателя.

Войдя в помещение и поняв по лицам чекистов, что произошло нечто важное, Аксенов нерешительно затоптался у двери.

– Присаживайтесь, – предложил майор.

Тот одеревенело присел на расшатанный стул.

– Как у вас со временем, Елизар Максимович, можем оторвать от дел на час-полтора.

– Мне, верно, на озимые съездить надо было, да уж ладно, на весь день с вами остануся, – с неумело прикрытым подбострастием ответил Аксенов. И Степанов вдруг отчетливо ощутил, что сидящий напротив человек, прошедший войну, искалеченный этой войной и награжденный за мужество, проявленное в этой войне, люто боится их, офицеров Государственной безопасности, которые по-хозяйски расположились в кабинете и еще неизвестно, чем для него может закончиться не начавшийся пока разговор.

Как можно мягче майор произнес:

– Ну, день – это и для вас, и для нас слишком большая роскошь, постараемся управиться побыстрее. Итак, вопрос первый: списки ваших односельчан, призванных в армию с самого первого дня войны, где хранятся?

– Здесь, где ж им больше-то быть, – Аксенов кивнул на грубо сколоченную из толстых досок полку, висевшую на бревенчатой стене.

– Нам необходимо их посмотреть.

– Всегда, пожалуйста... – он подошел к полке, торопливо принялся перебирать лежавшие на ней папки с документами, было видно, что ими давно никто не пользовался: после каждого движения председателя поднималось облачко пыли.

Постаравшись придать голосу еще больше теплоты, Степанов спросил:

– Сами-то давно с фронта, Елизар Максимович?

– Да уж два месяца скоро будет, – отозвался тот, не переставая заниматься поисками.

– Где вас обезручило?

– Под Воронежом. В третью атаку пошли в тот день. Разрывной пулей стукнуло в локоть, упал на спину. Это и спасло. Тут немец тяжелый снаряд по нашей цепи положил. Всех ребят, кто со мной рядом был, в клочья разнесло, а мне, лежачему, только лицо да грудь осколками посеколо малость. Считай, еще повезло... Вот, нашел, кажись, – Аксенов достал толстую серую папку, сдунув с нее пыль, протянул майору. Рука его заметно дрожала. – Тут все наши поселщички указаны, кто на войну ушел. Здесь же и те, кто прямо со срочной службы в действующую армию угодил, довоенные призыва, короче.

– Займитесь, Петр Иванович. – Степанов передвинул папку к Тихонову. – А к вам, Елизар Максимович, у меня будет ряд вопросов.

– Слушаю, товарищ майор, – Аксенов, не мигая «прицелился» в чекиста.

– Вопрос первый: вы хорошо знали убитого Горяева Николая Федотовича?

– Конечно. Как-никак в одном поселке живем. Жили... – поправил он себя и нахмурился.

– Что можете сказать о нем?

– Это, в каком смысле? – осторожно осведомился председатель.

– Да в самом прямом. Вот как бы вы писали служебную характеристику на этого человека, так и расскажите. Только поподробнее, естественно.

– Ну что можно сказать про Николая Федотовича... Человек он геройский, так я доложу. Бывший красный партизан. Активист, долго состоял в поселковом Правлении. Всей округе известный охотник-промысловик. Пенсионер уж давно, а в колхозе работал, помогал, как мог. – Аксенов умолк и как-то беспомощно пожал плечами. – Короче, свой в доску человек, надежный!

– Понятно, – раздумчиво проронил Степанов, постукивая пальцами по столу. – Один жил Горяев, никто не приезжал к нему в последнее время?

– Совсем один. Как старуху-то схоронил, так и вовсе перестал на улицу выходить.

– Это почему же?

– А неловкость у него вышла кой-какая перед народом, товарищ майор, – неохотно пояснил Аксенов.

– Какая такая неловкость?

– Да с Федором ихним дело тут такое получилось... – председатель замялся, подбирая нужные слова. – Непонятное дело, короче. Сынов-то у Горяевых было двое: Константин, старший, и Федька, этот самый, через которого старики и нос-то перестали на улицу казать. Но, однако, про Костю сперва: он на фронт с самым первым призывом ушел, как отслуживший уже, годков ему, дай бог память, двадцать пять было. Ну и погиб в Севастополе-городе, моряком воевал, в пехоте морской, значит. Письмо старикам было от командования благодарственное про сына. Костя-то с миной под немецкий танк лег, «Красную Звезду» посмертно дали, – Аксенов умолк, посуровел лицом.

– Ну, а с Федором что произошло? – напомнил майор.

– А что с Федором? С ним все сикось-накось, как и завсегда бывало. На войну-то он позже Константина пошел. Их, наших мужиков, зараз человек двадцать тогда забрали. А потом и я повестку получил, да еще несколько...

– О Федоре, – снова подсказал Степанов.

– Что ж, о Федоре, так о Федоре... – судорожно вздохнул Аксенов. – Без вести он пропал под Ленинградом. А дело это некрасивое, тут, что хочешь можно подумать.

– То-есть?

– А то и есть... Одного, к примеру, разорвало бомбой на куски, а другой в плен сдаться мог: вот вам и без вести пропавшие оба. И пополз слушок-то по деревне, по нашей. Горяевы на улицу ход забыли. Прасковья, старуха, когда на Константина похоронка пришла, на глазах стала чахнуть. А потом с Федором началось... Вскорости и померла. Известное дело – мать. Да и отцу-то жизнь не в жизнь, добро ли – родного сына в изменники записали.

– Скажите, Елизар Максимович, кто-то официально подтверждал все эти слухи о Федоре Горяеве?

– Хотя и не шибко официально, но письмецо от его однополчанина было. Там всё и прописано в подробностях.

– Чье письмо?

– Кешкино... Иннокентия Подопригоры' письмо. Их в этом пехотном полку, наших-то парней, человек несколько служило, а Кеха, так тот вообще в одной роте с Горяевским сыном воевал.

– А теперь?

– Я же говорю – воевал... – Аксенов осекся. – Оплакали давно. Дело у них по письму вышло такое: Федька, значит, Горяев и напарник его, тоже наш поселщик, Паша Борисенко, расчетом при одном пулемете состояли, в доте¹⁰ оборону держали. Ну, пошли фрицы в атаку, так Пашка, он первым номером навроде был, густо их положил перед дотом. Сами знаете, дот есть дот, его голыми руками не шибко-то возьмешь. А как стемняло, отрезали немцы дот от наших, потом был сильный взрыв и пулемет больше не стрелял. Когда наши немца отбили, то внутри нашли одного человека, вернее его останки. По документам, да по сержантским петлицам опознали, что это Павел Борисенко.

– Погодите, а Федор Горяев?

– Федор... Его и след простыл. Кешка написал, что в доте его не было.

– Как это не было? – изумился Степанов.

– А это уж я не знаю, – ответил Аксенов. Потом нерешительно поинтересовался. – Ничего, ежели я закурю, товарищ майор?

– Чего спрашивать, Елизар Максимович, ведь вы же в своем кабинете! – отрубил чекист, заискивающе-угодливое поведение Аксенова начинало его раздражать. Тот неопределенно пожал плечами, достал кiset, и, действуя одной рукой, скрутил сигарку так ловко и быстро, что Степанов удивился.

– Выходит, Павел Борисенко все это время вел бой в одиночку?

– Кто его знает... Тут вот еще что непонятно: Кешка писал, что в дот они войти не смогли – дверь была изнутри закрыта намертво. Пришлось, говорит, взрывать. Ну, взорвали, Пашку обнаружили, а Федора нету.

– Как же он мог из дота выйти, раз вход был изнутри закрыт? – недоуменно спросил лейтенант Тихонов, не задавший до этого ни единого вопроса председателю.

– Это-то и есть главная непонятность, – ответил Аксенов. – От нее разговоры пошли по деревне, что Федька, мол, немцу сдался.

¹⁰ Дот – долговременная огневая точка.

– Но сообщение из части было, как я понимаю, что он пропал без вести? – Степанов поднялся, заходил по комнате, что являлось признаком его напряженного состояния.

– Верно! – согласился Аксенов.

– Значит, командование войсковой части было иного мнения, нежели Иннокентий Подопригора?

– Командование может и другого мнения, а по'брых по селу все же начал гулять. Старики шибко уж переживали, особенно Федотыч. Сказывали люди, подпил он однава' и рубаху на себе до пупа разодрал: все кричал, что не мог, мол, Федька немцу в плен сдаться! Под стопкой-то Николай Федотыч иной раз отчаян бывал да горяч...

– Ну, хорошо. – Степанов остановился напротив Аксенова. – Вот вы, Елизар Максимович, человек бывалый, фронтовик, как, по-вашему, на самом деле могло все там произойти?

– Я вам так скажу: или Федора с самого начала боя не было в доте, или он сбежал, когда припёрло! – категорично высказал тот своё мнение.

– Но как он мог сбежать, если дверь нашли задренной изнутри?

– А зачем через дверь? Тут свои могли из траншеи заметить да пристрелить как дезертира. Федор, черная его душа, через амбразуру исхитрился выползть гадюкой. Пашу осколком или пулей хлестануло, остался Федька один. А кишка тонка в одиночку-то воевать, вот и... Это, конечно, я так кумекаю, а оно, может и не так вовсе было... – уклончиво закончил свой рассказ председатель.

– И какой размер у этой самой амбразурь?

– Не мерил, не знаю, товарищ майор, но к концу боя её иной раз так разворотит, что танк может заехать, за стенки не задевши.

– Г-м, – Степанов пожал плечами. – А для чего тогда пришлось вход взрывать? Залезли бы через амбразуру.

– Завалено было все спереди дота. Так Кеха прописывал. Взрыв же был.

– А такой вариант мог случиться, что Федора Горяева немцы раненого захватили и с собой увели?

– Ну, а почему – нет? – поразмыслил вслух председатель. – Отступали да с собой и уволокли, как «языка», такое бывает.

Трое мужчин какое-то время молчали.

– Нд-а, – вздохнул Степанов, – неясностей, к сожалению, тут набирается много... А вот как бы вы вкратце охарактеризовали Федора Горяева, Елизар Максимович?

Собираясь с мыслями, тот нарочито покашлял в кулак:

– Парень Федька възга'льный и дёрзкий уродился, чего уж греха таить. Что подрасться, что по девкам... Поменьше был, как цыганенок рос – всё коней угонял. Раз прямо из конюшни гнедка главного агронома увел. Всю ночь казаковал гдей-то. Отец его частенько кнутом порол, да все без толку. Константин – тот смирной парнишко'шко произростал, а Федька... – Аксенов неодобрительно покачал головой. – Одно слово – идол!

– Та-ак... А что за человек был Павел Борисенко?

– Да самый простой паренёк... Диковатый только малость, нелюдимый. Мать его, Елена Анатольевна, учительшей была по арифметике, одна сына подымала. Пашка или всё подле нее, или с книжкой, с пацанами-то редко увидишь. И рос спокойным, и учился хорошо, девятилетку закончил, не в пример Федьке. Того ведь класса, однако, с шестого попёрли со школы за фулиганство. Отец в подпаски, помню, пристроил, ирода. А из Павла и охотник толковый вышел, как из многих наших парней. Бригадир об нем уж шибко хорошо отзывался.

– Какой бригадир?

– Ихний, охотницкий, Прохор Шевелёв. Похоронка с месяц, как пришла, – строго склонив голову, обронил Аксенов.

– Все ясно. – Степанов сжал челюсти, помолчал. – А Елена Анатольевна Борисенко, что она за человек?

– Сурьезная женщина, так я скажу. Особо ни с кем не якшалась, все как-то сбоку ото всех. Да оно и понятно, чего ей с нашими деревенскими бабами-горлопанками водиться? Образованная, чай.

– А почему одна живет, без мужа?

– Сказывали как-то, что убили его после Гражданской войны. Наверде, как в больших начальниках ходил.

– Так она не ваша, не местная, получается?

– Не-е, – мотнул головой председатель. – Она откуда-то с Сибири, кажись.

Степанов с удовлетворением наблюдал, как Аксенов постепенно успокаивается, умиряет свое внутреннее состояние. Речь его зазвучала свободнее, с лица сошла напряжённость.

– А сюда Борисенко, когда и как попала?

– Да я уж и не упомяну в точности, когда она к нам с маленьким парнишкой прибыла, но годков двенадцать-тринадцать прошло верняком.

Майор сосредоточенно наморщил лоб:

– Это, значит, получается примерно год двадцать девятый-тридцатый?

– Выходит так, – подтвердил Аксенов. – Взял их к себе на постой дед Вьюков, у него и жили.

– Погодите, – остановил председателя майор. – Вьюков, Вьюков... Где-то я уже слышал эту фамилию... – Степанов помассировал пальцами затылок, словно заставляя работать память, потом озарённо воскликнул. – А-а-а! Сегодня в разговоре с охотником Игнатьевым упоминался этот человек. Вроде, толстосумом местным был?

– Да уж! – с каким-то даже восхищением воскликнул Аксенов. – Богатенький был купец Вьюков! Миллионами деньги считал. Десятками гнал в Китай обозы с пушниной, оттуда мануфактуру вез, одежду, фарфоры там всякие... Мне вот только сорок пять годков, а и то успел на Акентия Филатыча покопытить. Да разве ж я один? Почитай, вся округа на него пушнину добывала.

– А потом? – спросил заинтересованно лейтенант Тихонов.

– А что потом? Потом – ясное дело. Семнадцатый год настал. По шапке получил и Акентий Филатыч, и сынок ево'нный. Старик-то еще до революции порядком одряхлел, ему, дай бог память, уж под восемьдесят было, как он своему последышу дела препоручил.

– А тот, что за человек?

– Человек о двух ногах, о двух руках, – тускло усмехнулся председатель. – На отца похож, да не в него пригож. Старик-то, Вьюков, малость жалел промысловиков, копейчку все ж таки кой-какую платил, а сынок-то, Афонька, обдирал, можно сказать, донага. Замучил народ, как с обучения прибыл. И молодой навреде человек, но алчен да жаден был, как зимний волк. Мы, охотники, то есть, с добытой белки шкуру сдирали, а он с нас. И всё-то у него не так: эта – подпаль, у тоёй дырочка от пульки не там, где надо, у этой – подшерсток слабый, у лисы, горностая и соболя тоже что-то всё не ладно... Сказывали, что даже отец его осуждал за это, да не в коня, видно, овёс.

– И долго так длилось?

– Одна и радость, что не шибко долго, года два-три, и всё. Под зад коленом вытолкали нового купе'зу. А как факторию отобрали, так он сразу и пропал куда-то. Сказывали люди, за Уральский камень убог. Потом еще по'слух был, что где-то шибко поперечил Советской власти и, навреде, как большой срок поимел.

Аксенов закончил. Пользуясь возникшей паузой, лейтенант Тихонов протянул майору листок:

– Вот, Григорий Семенович, посмотрите.

– Что это?

– Похоронка на младшего сержанта Павла Владимировича Борисенко. Среди этих документов находилась, он кивнул на кипу бумаг, разложенных на столе.

– А почему матери не вручили? – майор перевел удивленный взгляд на Аксенова, взял извещение.

– Так уехала же Елена Анатольевна из поселка.

– Уехала? – не смог скрыть своего разочарования чекист. – А я собирался с ней побеседовать. И когда же она покинула Еремино?

– Да как смобилизовали Павла, так и она вскорости собралась, – припомнил Аксенов. – Ко мне еще директорша школьная приходила, чтобы я уговорил её остаться, учителей-то у нас – всего ничего, ну, разговаривал я с Борисенкой, убеждал, она – ни в какую. Уезжаю – и точка! И навроде сговорчивая женщина, а тут уперлася – не сдвинешь. Пришлось расчитать её. Да потом я и сам пожалел, что настаивал.

– Это почему?

– Уже после узнал от баб, что семейный вопрос там решался, какой-то мужчина к ей приезжал, сойтися они вроде хотели...

Степанов снова стремительно поднялся, прошелся от стены к стене энергичным шагом:

– И что это был за мужчина?

– Старый знакомец, кажись. Сам-то я его не видел, в кедраче как раз был, на шишковье', но сказывали, что собой видный такой, с бородой, с усами, при очках. И одетый по-городскому. Вроде бы, тоже из учителей. День-два погостил и уехал. А потом и Елена засобиралась. Дело такое, женщине в сорок лет шибко-то выбирать не приходится...

– А куда убыла учительница, известно?

– Было бы известно, так похоронку-то, небось, не держали в правлении.

– Действительно, я как-то не учел это обстоятельство... Только, что же это получается, – озадаченно пробормотал Степанов, – в войсковой части, где служил Павел Борисенко, не знали нового адреса его матери?

– Всё верно! – подтвердил Аксенов. – Мы тут тоже мерекали, мерекали промежду собой, и так же решили. Похоронка на здешний адрес пришла, вот почтальонша и принесла её в поссовет. Дом Борисенкиных заколоченный стоит, кому больше отдашь?

– Странно... Почему Павел не дал в штаб части данных о новом адресе матери, может, еще не знал его? Кстати, когда он призван в РККА?

– Десятого июля сорок первого года, товарищ майор, – глянул в документ Тихонов.

– А погиб, когда?

– В извещении указано, – лейтенант показал глазами на серый листок, который майор все держал в руке. Степанов стал вслух читать стандартный текст:

«... Сообщаю Вам, что Ваш сын, младший сержант П. В. Борисенко, в бою за Социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив мужество и героизм, был убит 20 декабря 1941 г. под городом Тихвин и похоронен в братской могиле в районе населенного пункта Ракитное...»

– Выходит, Павел Борисенко провоевал пять месяцев.

– Пять месяцев и десять дней, – уточнил Тихонов.

– А мать его, говорите, когда уехала? – Степанов повернулся к председателю.

– Числа, однако, двадцать шестого – двадцать седьмого августа.

– Понятно, – сказал майор и обратился к Тихонову, возвращая ему похоронку. – Снимите копию, лейтенант, по ходу следствия этот документ нам может пригодиться. А вас, Елизар Максимович, попрошу заверить его печатью поселкового Совета.

– Есть! – Аксенов с готовностью выдвинул из стола ящик, достал печать.

– Ну, еще несколько вопросов, и, пожалуй, воспользуемся вашим приглашением, пообедаем, – утомлённо улыбнулся майор. – Итак, почему Елена Анатольевна Борисенко, прибыв в Еремино, отправилась жить именно к Вьюкову? И попутно: почему он, когда отобрали его пушную факторию, остался в поселке? Помнится, выселяли в те годы: купцов, помещиков и прочих там...

– Сход был, когда вопрос решали: оставить Вьюкова-старика на жительство или выселить? Миром постановили – пущай живет. Большого притеснения он людям не делал, да и старость пожалели. – Аксенов сипло осекся, плеснул из захватанного тусклого графина воды в стакан, торопливо выпил и продолжал. – Теперь про учительшу: народ тогда с войны да с бегов возвратился и в каждой семье своих жильцов хватало. А у Вьюкова-деда изба в три горницы, просторная, вот, наверное, кто-то Елене и присоветовал к нему обратиться. Старик не отказал, стало быть. Оно и понятно, ему после восьмидесяти годков догляд, какой-никакой был надобен, жены-то он давно лишился. Елена и схоронила его потом по-хорошему. Говорили, деньжонок он ей за уход оставил сколько-то там. Вот и все ответы на ваши вопросы, товарищ майор, – закончил с видимым облегчением Аксенов.

– Спасибо, Елизар Максимович, – поблагодарил Степанов. – Только вот еще что: сын Вьюкова, говорите, не появлялся больше в ваших краях?

– Нет, такого по'слуха не было.

– А откуда в конце двадцатых к вам приехала Елена Анатольевна, какие-то документы тех лет сохранились?

– Это посмотреть надо. Вообще-то бумаги мы все храним.

– И еще: мне бы хотелось самому прочитать письмо с фронта от Иннокентия Подопригоры.

– Тогда давайте сделаем так, – предложил Аксенов. – Сейчас я призову своего помощника, Василия Пилюгина, пусть поищет бумаги на учительшу, а мы пойдем ко мне обедать. И по пути зайдем к Подопригорам.

Пока председатель искал помощника, офицеры, не спеша, двинулись по широкой прямой улице поселка. Степанов негромко спросил:

– Ну, как, Петр, есть что-нибудь стоящее в призывных документах?

– Ничего существенного, товарищ майор, – отрицательно мотнул тот чубатой головой. – Из семидесяти трех человек, призванных с начала войны, погибло двадцать четыре. По-инвалидности вернулся один – Аксенов. Без вести пропал тоже один – Федор Горяев. Остальные воюют, – лейтенант помолчал, затем спросил. – Что-то вы, всё о семье Борисенко выспрашивали, почему она вас так заинтересовала?

– Все очень просто, Петр: при розыске мелочей не бывает, запомни это. Даже лица вне всяких подозрений, но так или иначе проходящие по делу, должны быть взяты во внимание и проверены самым тщательным образом. Это и тех касается, кого уже в живых нет. А насчет семьи Борисенко ты действительно прав, уж очень меня эта династия заинтриговала. А больше всех, кто, думаешь?

– Павел Борисенко? – высказал догадку лейтенант, испытующе глянув на начальника.

– Он, да... – кивнул майор. – Но пока в меньшей степени. Сильнее всего меня заинтересовала его матушка, Елена Анатольевна.

– Учительница? – с каким-то даже разочарованием воскликнул Тихонов.

– Именно! Нет пока еще у тебя, Петр, оперативной хватки, а то бы сам увидел, какая это прелюбопытнейшая личность.

– И чем же она любопытна?

– Чем? – пожал плечами Степанов. – Ну, хотя бы тем, что в течение полугода ее сын, служа в действующей армии, почему-то не знал нового адреса матери.

– Или делал вид, что не знал? – выдвинул свою версию Тихонов.

– Очень может быть, – согласился майор и добавил. – Вот все эти «может быть» нам придется досконально проверять.

Через час, когда чекисты заканчивали обед в гостеприимном доме Аксеновых, пришел Василий Пилюгин, кареглазый узкоплечий паренек лет шестнадцати.

– Хлеб да соль вам, – степенно и солидно промолвил он, остановившись у порога и ставив с копны соломенных волос выдавшую виды серую кепку. – Нашел, Елизар Максимыч, чё просили-то... – шмыгнув носом, протянул председателю старый с обтертыми корками журнал. – На странице пятидесятой откройте, я там закладку положил.

Запись за номером три гласила:

«Гр-ка Борисенко Е. А., родившаяся 27 марта, 1902 года, в г. Ишим Омской губернии, прибыла на постоянное жительство в поселок Ерёмно, Читинского сельского района. С ней находится ребенок (сын), возраста пяти лет, Борисенко П. В. Семья определена на постой в дом гр-на Вьюкова А. Ф.

14. 07. 1928 г.

Предпосовета Ерёмно,

Пьянников И. Л.»

– Илья Лукьяныч самолично запись сделал, – определил Аксенов. – Его почерк-то, с закрючочками.

– А где он сейчас

– Далече, товарищ майор, – грустно качнул головой председатель. – Оттель не возвращаются.

– Понятно, – негромко проронил Степанов.

Глава 3

Время близилось к полуночи, когда полковник Шадрин открыл оперативное совещание. Усталый, с посеревшим лицом, с глубоко запавшими глазами, покрасневшими от постоянного недосыпания, он сидел в торце длинного стола, по обе стороны которого расположились сотрудники отдела майора Степанова. Первым заговорил Бутин. Он поднялся, чтобы докладывать стоя, но полковник жестом руки разрешил ему сидеть.

– В течение светлого времени суток мы шли форсированным маршем, придерживаясь примерного маршрута, которым мог двигаться охотник Горяев, – начал капитан, тщательно подбирая слова и стараясь строить доклад как можно лаконичнее, полковник Шадрин не терпел многословных изложений мысли. – Не обнаружив никаких следов, на вторые сутки вышли к реке Джарча, неподалеку от устья, впадающего в нее ручья под названием Черный ключ и здесь увидели причаленную лодку-плоскодонку, а на берегу кое-что из вещей, провиант, снасти... Приплыв к устью Черного ключа, старик, судя по всему, никуда не спешил, а занялся рыбалкой – нами найдена в Жарче сеть, поставленная в заводи под скалами. В ней было много еще живой и уже уснувшей рыбы, Горяев свою снасть так и не проверил. Также найдены следы костра, судя по перьям и костям, старик пообедал зажаренным на углях рябчиком. И первое, и второе говорит о том, что охотник еще не был ничем встревожен и неторопливо занимался своими делами. Затем он взял часть привезенного имущества и начал первый поход к зимовью. Я, кстати, поинтересовался у проводника Игнатьева: какой смысл строить жилище далеко от реки, ведь придется каждый раз таскать из лодки поклажу. Он объяснил, что пушной промысел происходит лишь в зимнее время года, поэтому река особого значения не имеет. Соболь водится на склонах хребтов, преимущественно в кедрачах, поэтому охотники располагают жилища именно там, в верховьях горных ключей.

– Все ясно, продолжайте.

– Игнатьев отыскал едва приметную тропку, и мы стали подниматься по ней в хребет. Прошли примерно с километр, когда справа от тропы обнаружили фуражку, проводник определил, что она принадлежала Горяеву. Судя по всему, тот обронил ее во время прыжка...

– Из чего вы сделали такой вывод?

– Это обоснованная подробность, товарищ полковник, потерять её он мог только во время резкого движения или прыжка. Деревьев на этом отрезке тропы нет, растет лишь невысокий багуловый кустарник, веткой сбить не могло.

– Да, логично.

– Было понятно, что здесь что-то произошло, и мы стали тщательно осматривать местность. Следов ног после дождя не осталось никаких, но зато удалось обнаружить гильзы от винтовки Мосина и девятимиллиметрового немецкого пистолета «Вальтер» или «Парабеллум» на расстоянии пятидесяти шагов выше по тропе, что соответствует сорока метрам. Картина произошедшего выглядит примерно так: Горяев поднимался по склону, как вдруг заметил, что навстречу ему идут вооруженные люди. Несомненно, что они тоже увидели его и тут же произошло взаимное опознание. Думаю, что эти самые сорок метров и открытая местность выручили в тот раз старика. Столкнись он с врагами лоб в лоб на лесистом участке тропы, его бы просто захватили или расстреляли в упор. В данной же ситуации ему хватило времени, чтобы броситься прыжком вправо и вниз от тропы, добежать до небольшой, но густой рощи соснового молодняка и скрыться в ней. Через пятнадцать-двадцать секунд по нему начинают стрелять двое, что шли по тропе.

– С чего вы взяли, что их было двое, а не семеро? И почему именно через такое время они открыли огонь?

– Вношу уточнение... – поправился капитан. – Нападающих было не менее двоих.

– Характер стрельбы?

– Два выстрела из пистолета и один из винтовки. Тот, кто шел по тропе первым, стрелял из пистолета и пробил пулями заплечный мешок Горяева в двух местах. Старика спас топор, который стоял в вещмешке, топором вверх. Попадания рядом, буквально в трех-четыре сантиметрах одно от другого. Мы там смоделировали этот момент: в роли охотника был сержант Одинцов, в качестве нападающих лейтенант Симухин и старшина Ивченко, остальные наблюдали за их действиями. И вот что получилось: завидя идущих Ивченко и Симухина, Одинцов постоял две-три секунды словно бы опешив от неожиданности, потом прыжком бросился в то место, где мы подняли фуражку Горяева. Должен отметить, что он тоже обронил свою фуражку. Я засек время, раскрыл кобуру, выхватил пистолет, но пока вскидывал оружие, Одинцов уже скрылся в чаще и стрелять не имело смысла. И только через двадцать секунд я увидел сержанта, который показался на противоположной стороне рощи. Длилось это буквально мгновение, но поймать его на мушку я все же успел. Возникает неопровержимый вывод: при угловом перемещении цели на расстоянии в восемьдесят шагов, а именно таковой оказалась дистанция, за столь короткое время, уложить две пули с подобной кучностью, мог только отличный стрелок.

– Каким был угол ведения огня?

– По нашим прикидкам – что-то около сорока градусов.

– Да, стрелок действительно уникальный, – согласился Шадрин, а Бутин продолжил:

– Старик, как видно, петляя, бежал по редколесой прогалине. Именно в это время, когда стрельба из пистолета была уже недействительной, в него ударили из винтовки, но промахнулись. Затем нападавшие потеряли Горяева из виду, потому что, преследуя его, сбежали с возвышенности. Он же, скинув с плеч поклажу, бросился вперед еще быстрее и скрылся в прибрежной чаще. Убить его хотели, во что бы то ни стало, и он осознавал это. Напрямую, не разбирая дороги, Горяев добежал до реки Джарча, сбросил телогрейку и прыгнул с трехметрового обрыва. Быстрое течение унесло его за крутую излучину, таким образом, он сумел оторваться от погони. Какое расстояние проплыл по реке определить невозможно, ясно лишь одно: выбравшись на противоположный берег, Горяев ушел в неизвестном направлении. Понимая, что в тайге его не отыскать, убийцы принимают абсолютно правильное решение: они бегут к единственному проходу через каменную гряду на хребте, к так называемому хонгилу.

– Бегут? – переспросил с недоумением Шадрин.

– Это логический вывод, товарищ полковник. Реальная возможность опередить опытного местного таежника – бежать! И не один километр. Поэтому считаю, что убийцы Горяева – весьма тренированные, скорее всего, молодые, люди.

– Тогда непонятно, почему эти тренированные молодые люди не сумели догнать пожилого человека?

– Потому, что не смогли отыскать его в густом сосняке. Вот и получается: Горяева преследовали не более двух-трех человек, организовать круговую облаву им было не по силам. Имелся также и сдерживающий фактор – рыская по чаще, можно запросто нарваться на пулю из засады, они знали, что охотник вооружен, поэтому не стали рисковать.

– Понятно... – сосредоточенно произнес Шадрин, затем уточнил. – Его оружие найдено?

– Никак нет, товарищ полковник. Берег, где он бросил телогрейку и дно реки на месте его прыжка обыскали самым тщательным образом, втроем целый час ныряли, – заверил Бутин. – Преследователи были уверены, что Горяев неминуемо придет к хонгилу. И он туда пришел, решившись на смертельный риск.

– Предположительная причина такого решения?

– Она единственная: Горяев спешил сообщить кому-то нечто срочное и важное, ради чего стоило рискнуть жизнью... – капитан помолчал, потом добавил. – Разумеется, он надеялся прийти к хонгилу первым.

– А первыми все же пришли они... – медленно проговорил Шадрин и прикрыв глаза разведенными пальцами левой руки, какое-то время сидел молча и неподвижно. Со стороны казалось, что этот пожилой, непомерной уставший человек задремал. Но вот он отвел ладонь ото лба и, все так же медленно выговаривая слова, спросил:

– У вас всё, капитан?

– Так точно, товарищ полковник.

– Ваши выводы?

– Вывод один: Горяева убили люди, которых он хорошо знал. Это были его враги, поэтому при встрече сразу же началась стрельба. И еще: люди эти, безусловно, местные, хорошо знающие окрестную тайгу и охотничьи тропы. Версия охотника Игнатьева подтверждается полностью.

Высокие напольные часы, стоявшие в углу кабинета, медленно отсчитали одиннадцать тяжелых ударов.

– Поздно уже... – глянул на циферблат Шадрин, затем повернулся к сотрудникам. – Продолжаем, товарищи, слово майору Степанову.

Быстро и ёмко рассказав о проделанной в поселке Еремино работе, тот перешел к основной части доклада:

– В полученных нами данных, есть немало странных обстоятельств. Первое: весьма загадочное исчезновение из пулеметного дота рядового Федора Горяева. Второе: похоронка на младшего сержанта Павла Борисенко пришла на имя его матери, Елены Анатольевны, а вручать ее оказалось некому, так как она вскоре после ухода сына на войну, неожиданно для всех снялась с обжитого места и убыла в неизвестном направлении. Предысторией к этому был приезд некоего мужчины, за которого учительница, якобы, собиралась замуж. Возникает закономерный вопрос: почему похоронка поступила в Еремино, а не по новому адресу Елены Борисенко? Маловероятно, что в течение нескольких месяцев после расставания, мать и сын не обменялись новыми адресами. В штабе части, где служил Павел, не оказалось данных о местожительстве его матери, сержант Борисенко или действительно сам не знал его, или сознательно сокрыл. Третье: тысяча девятьсот двадцать восьмой год. Молодая тогда Елена Анатольевна Борисенко, имея педагогическое образование, приезжает в глухой забайкальский поселок Еремино с пятилетним ребенком. Само по себе это обстоятельство никаких вопросов не вызывает, в те годы огромное количество педагогов ехало на периферию. Настораживает один факт: учительница поселяется на квартиру к бывшему купцу-богатею Акемтию Филатовичу Вьюкову. Мы с лейтенантом Тихоновым поначалу не обратили на это внимания: поселилась да поселилась, что тут особенного? Но в беседе с колхозницей по фамилии Касаткина, выяснилось следующее: она приглашала молодую учительницу к себе на постой, мотивируя это тем, что проживает одна, дорого брать не станет и так далее... Но Елена Борисенко категорически отказалась, сославшись на то, что Вьюков выделил ей самую большую горницу. Мы потом осмотрели оба жилища, существенного различия не заметили. Мое мнение такое: она сознательно стремилась попасть жить к Вьюкову. Четвертое: у купца-миллионщика Вьюкова был, а может и сейчас здравствует, сын, которому в тысяча девятьсот семнадцатом году было что-то около двадцати пяти лет. Имелся слух на селе, что Афанасий Акемтьевич Вьюков, где-то «шибко Советской власти поперечил, за что срок немалый поимел». На основании сказанного, товарищ полковник, я сделал кое-какие наметки на дальнейшее расследование. Первое – нам необходимо срочно установить сына купца Вьюкова. Послать запросы в места заключения: вдруг да отыщется. Второе: надо искать и Елену Анатольевну Борисенко. В ее неожиданном исчезновении кроется какая-то загадка.

– Как вы собираетесь это делать?

– У нас есть ее прежний адрес в Ишиме. Именно оттуда она прибыла в двадцать восьмом году. Может быть, и сейчас туда же подалась? Не исключено, что Павел был категорически

против ее замужества, вот она и не сообщала ему ничего до поры. Далее: нужно досконально разобраться с происшествием на Ленинградском фронте с участием наших земляков-пулеметчиков. Тут больше всего неясностей – один геройски погиб, другой бесследно исчез... Считаю целесообразным послать туда нашего сотрудника. Пусть на месте выяснит всё до мельчайших подробностей, побывает на месте последнего боя Горяева и Борисенко, побеседует с их сослуживцами, а такие люди наверняка найдутся, несмотря на то, что прошло полгода. Можно, конечно, сделать запрос в войсковую часть, но мне кажется, что это даст гораздо меньше, чем поездка. У действующей армии своих дел хватает, ограничатся формальной отпиской и на этом всё.

– А вы уверены, что та часть еще существует? – подполковник Баркун, старший оперативный сотрудник контрразведывательного отдела, молодой, красивый мужчина атлетического телосложения, грузно шевельнулся на скрипнувшем стуле. Его роскошная густая шевелюра была уже чуть тронута легкой благородной сединой, а в манере держать себя было что-то барственное, аристократическое. Эффектный облик офицера несколько портили ледяные, пронзительно-черные, чуть навывкате, глаза.

– Не уверен, товарищ подполковник, – ответил Степанов. – Но считаю – раз блокада Ленинграда продолжается и Ленинградский фронт стоит стационарно, то часть, где служили наши забайкальцы вполне может находиться на прежнем месте.

– Логично, – поддержал его Шадрин. – Но прежде, чем посылать кого-либо на фронт, надо действительно уточнить существование и дислокацию подразделения. Займитесь этим, Григорий Семенович, а уж потом определимся как быть. У вас всё?

– Никак нет, товарищ полковник. – Степанов перелистнул страницу блокнота. – Убийства двух последних месяцев, совершенных в Чите и ее районе, так или иначе, связаны с хищением огнестрельного оружия. В них участвует пистолет марки «Парабеллум» с его обязательным выстрелом в голову жертвы.

– Это уже точно известно, что именно «Парабеллум»? – спросил кто-то.

– Вне всякого сомнения, – заверил Степанов. – У него затвор вертикального хода и выбрасыватель иной конструкции, нежели у «Вальтера» или, скажем, у «Браунинга». Весьма характерный зацеп лапки. На гильзах, подобранных на месте убийства Горяева, это видно отчетливо. Теперь мы имеем и вторую пулю, которую удалось идентифицировать с пулей, полученной на элеваторе. Пистолет всё тот же, это можно сказать с полной уверенностью – накол капсуля ударником затвора имеет небольшое радиальное смещение от центра гильзы. И преступник тот самый, его выдает почерк. Кратко напомним все случаи, прошу заострить внимание тех товарищей, которые прибыли к нам в последние дни, – Степанов коротко глянул в сторону группы чекистов, сидевших обособленно. – В первый раз бандиты действовали так: изучив маршрут движения стрелка ВОХР Нефедьева по территории элеватора, они устроили засаду, а когда тот приблизился, дважды выстрелили в него и, забрав карабин с боекомплектом, скрылись. Это случилось двадцать шестого марта. Вслед за этим убийством произошел еще ряд подобных: четвертого апреля на посту у железнодорожного тоннеля на перегоне Чита – Гыршелу'н застрелен часовой сержант Ольховой, у него похищен «ППШ»¹¹ и боезапас к нему. Девятого апреля на станции Сохондо', ночью, убита кондуктор-охранник железнодорожного состава Потехина. У нее захвачен карабин и патроны. Старшина милиции Кругликов убит тринадцатого апреля, у него взят пистолет «ТТ»¹², Ударом ножа в спину убит работник областного военкомата старший лейтенант Воробьев, и у него изъято личное оружие, пистолет «ТТ», это случилось в ночь пятнадцатого мая. А уже шестнадцатого числа совершено нападение на

¹¹ «ППШ» – пистолет-пулемет калибра 7, 62 мм конструкции советского оружейника Г. С. Шпагина.

¹² «ТТ» – Тульский -Токарев, автоматический пистолет калибра 7, 62 мм конструкции советского оружейника Ф. В. Токарева.

заместителя директора старательской артели «Забайкалзолото» Ефремова, у которого забран «рев-наган»¹³. Неделю спустя, то есть двадцать третьего мая, застрелен прибывший в служебную командировку капитан-пограничник Лобойко, у него также похищен пистолет «ТТ». И последний случай, второго июня, – убийство охотника Горяева, в результате которого исчезло его ружьё. Преступники осторожны, действуют дерзко, осмотрительно, тщательно планируют и четко исполняют свои акции. Мы же в своем активе имеем пока нулевой результат. Я постоянно контактирую с областным Уголовным Розыском, он также активно работает по этим преступлениям, но там похвастаться тоже нечем. Да оно и понятно: время сейчас военное, носителей оружия много, и на кого падёт следующий выбор налетчиков – не угадаешь.

– И какую же основную версию отработывают в «Уг Ро»? – спросил Шадрин.

– Они считают, что в городе образовалась банда и она, так сказать, самовооружается. Полковник милиции Неверов рассказал мне, что несколько засад постоянно дежурит в крупных магазинах города, в банках, в сберкассах... Ожидают, когда грабители пойдут на дело. Привлечены самые опытные оперативники, а результата нет. И я уверен – не будет! Этим преступникам не нужны ни магазины, ни кассы, им нужно что-то другое... У меня всё, товарищ полковник.

– Кто следующий? – обводя сотрудников пристальным взглядом, спросил Шадрин.

Звучным баритоном заговорил подполковник Баркун:

– Происшествие на «пороховых складах» в шахтерском поселке Черновский выглядит следующим образом: поздней ночью бандиты вплотную подкрались к ограждению из колючей проволоки и, дождавшись удобного момента, произвели два выстрела. Один часовой был застрелен из пистолета, и теперь мы знаем, что это «Парабеллум». Подтверждается версия Бутина, что владелец оружия отличный стрелок, как и группа капитана, мы промоделировали этот момент – патрулирующий охранник лишь на несколько секунд появился в отсвете фонаря и тут же получил пулю в голову: Часовой второго склада был убит выстрелом в грудь из винтовки с расстояния в сто метров, это также характеризует бандита как неплохого стрелка...

– А почему налетчики не попытались устранить часовых холодным оружием, зачем им был лишний шум? – поинтересовался Шадрин.

– Объяснение только одно – не стали рисковать, нападая на вооруженных людей, – уверенно резюмировал Баркун. – Застрелив их, они сделали проход в заграждении из колючей проволоки, ворвались на территорию, ломami взломали замки на воротах и проникли на склады. На всё это им понадобилось не более четырех-пяти минут. Пока наряд бодрствующей смены среагировал на стрельбу, бандиты уже покинули объект...

– Выяснили точно, сколько унесено взрывчатки?

– Да, товарищ полковник, – сто сорок килограммов утащили, пять ящиков. Кроме этого прихватили в соседнем складе так называемые иницирующие средства: три стометровых бухты огнепроводного бикфордова шнура и десять упаковок капсулей-детонаторов – по инструкции они хранятся отдельно, – Баркун сделал паузу, позволяя обдумать сказанное, потом снова заговорил:

– Поднятый по тревоге весь личный состав караульного наряда начал активное преследование бандитов. Они отходили организованно, плотным огнем прикрывая тех, кто тащил взрывчатку. Судя по вспышкам выстрелов, всего их было человек десять-двенадцать. Поначалу они даже пытались нести своего убитого, кстати, он мог быть только раненым, но потом поняли, что с ним и с грузом от облавы не уйти, обезглавили его, отсекли кисть руки, и бросили труп. На берегу Ингоды' бандитов ждала большая лодка, отстреливаясь, они переплыли реку. Еще до рассвета усиленная рота ВОХР была переброшена на прибывших из города двух катерах и подручных плавсредствах на противоположный берег, где нашла причаленную лодку. Выслан-

¹³ «Рев-наган», револьвер-наган калибра 7, 62 мм конструкции бельгийского фабриканта-оружейника Леона Нагана.

ная вперед маневренная поисковая группа вскоре обнаружила ящики, брошенные в километре от берега. Осмотр подтвердил, что это порожняя тара из-под взрывчатки. Громоздкие ящики на спине тащить неподручно, поэтому бандиты переложили содержимое в вещмешки. Командир роты и его помощники обратили внимание на то, что ящики валялись на входе в узкий редколесый распадок. Было похоже, что бандиты использовали его для отхода, ведь это гораздо удобнее, нежели передвигаться по крутым лесистым сопкам. Взяв за исходную точку маршрута брошенную на берегу лодку, затем найденные ящики и устье распадка, офицеры выстроили на карте створ ориентиров. Соотнесли его с показаниями компаса и получили азимут сто восемьдесят градусов, то есть направление точно на юг. Беря во внимание обстоятельство, что, следуя с тяжелой ношей по пересеченной местности, человек сможет одолеть за ночь не более тридцати километров, определили сектор и дальность прочесывания местности...

– Розыскных собак они использовали?

– Это было невозможно, товарищ полковник, до самого утра шел дождь, ищейки не смогли взять след. А когда осадки прекратились, сразу же образовался десятибалльный приземный туман, который исключил и применение самолета-разведчика. Понятно, что бандиты дожидались именно такой погоды...

– Похоже на то, – согласился Шадрин. – Продолжайте, Сергей Сергеевич

– Когда я со своими людьми присоединился к роте, она уже была развернута в цепь и приступила к прочесыванию. Но вскоре стало понятно, что брошенная лодка, пустые ящики и удобный для бегства распадок, это лишь дезориентирующие факторы, сбившие розыскников с толку – бандиты в этом направлении не сделали ни единого шага...

– Как это так? – заинтригованно спросил Бутин.

– А вот так, капитан... – мрачно обронил Баркун. – И на старуху бывает проруха! Вскоре мы получили радиограмму, что вниз по течению Ингоды, перед поселком Кручи'на, местными жителями выловлен большой плот со следами крови на бревнах, с окровавленными бинтами и со вскрытым упаковками перевязочных индпакетов – кому-то из раненых пассажиров делали перевязку... Стало понятно, что этот плот имеет самое непосредственное отношение к нападению. Пока на «пороховых складах» разбирались что да как, бандиты, используя ночь, преспокойно плыли по реке со скоростью около десяти километров в час...

– И вы прекратили преследование?

– Частично, товарищ полковник, – пояснил Баркун. – Половина роты продолжила прочесывание, а со второй её частью мы вернулись к Ингоде и взяв опять же за исходную точку брошенную лодку, стали обследовать правый берег вверх и вниз от нее. И вскоре нашли то место, где бандиты соорудили свой плот – это прибрежный сухостойный участок леса в двух километрах ниже по течению реки. Свежие спилы деревьев наглядно это доказали. Накануне налета плот был сколочен примерно из пятнадцати бревен и замаскирован в прибрежных тальниках. Сделав отвлекающий маневр с пустыми ящиками, бандиты повернули назад и двинулись к Ингоде...

– То-есть, вопреки здравому смыслу, они внаглую пошли навстречу погоне, вместо того, чтобы удирать? – с сомнительностью в голосе поинтересовался майор Корж. – Сколько лет воюем с этими деятелями, но с таким фокусом сталкиваемся, пожалуй, впервые...

– Да, действия абсолютно нестандартные и дерзкие, – подтвердил Баркун и продолжил. – Правда, бандиты пошли не в лоб, а немного правее, на северо-восток, но риск нарваться на погоню у них был весьма велик. Погрузившись на плот, они проплыли какое-то расстояние, затем высадились на левом или на правом берегу в нужном им месте, а плот пустили в самосплав... Что произошло дальше, можно лишь предполагать – бандиты двинулись пешком, уехали на ожидавшем их автомобиле или на лошадях? Были опрошены жители данного района, хуторяне, лесорубы, охотники, но никто ничего не видел – головорезы как сквозь землю провалились... – Баркун обескураженно пожал плечами. – Я закончил, товарищ полковник.

– Спасибо, Сергей Сергеевич, – закольцевав пятерней свой увесистый подбородок, Шадрин сосредоточенно помолчал, потом озабоченно подытожил. – Ну что ж, докладчики высказались и обобщенная картина событий последнего времени теперь видна. Слушаю ваши соображения, товарищи, что из всего этого следует?

– Следует только одно! – отозвался майор Степанов. – Мы имеем дело не с шайкой обыкновенных уголовников, а с самой настоящей диверсионно-террористической организацией. Убийства носителей оружия, налёт на «пороховые склады» и нетрадиционная тактика действий при этом, доказывают это неопровержимо. Так одурачить преследователей могли только подготовленные, умеющие толково мыслить люди. И теперь можно ожидать чего угодно, когда некая антисоветская группировка имеет полное оснащение для диверсионной деятельности – оружие, боеприпасы, взрывчатку, детонаторы и огнепроводный шнур.

– Не уверен в этом, – чуть пренебрежительно изрек Баркун. – Если следовать вашей логике, Григорий Семенович, то склады со взрывчаткой бандиты обязательно бы уничтожили – это ведь ощутимый вред Советской власти, не так ли?

– Могли не успеть этого сделать, – категорично возразил майор. – А если бы успели, то от них самих ничего бы не осталось – взрыв ста тонн аммонала превращает в пыль всё и вся в радиусе десяти километров, как минимум!

– Да, возражать тут не приходится... – подтвердил Шадрин. – Но давайте пока отложим этот вопрос, вы, Сергей Сергеевич, еще не доложили о брошенном на берегу Ингоды труп.

– О нем известно немного, – снова заговорил подполковник. – По заключению судмедэкспертов, это молодой человек лет тридцати крупного телосложения, находился в хорошей физической форме. Никаких особых примет на его теле не обнаружено. Обращает на себя внимание одно обстоятельство: судя по одежде, ее специфическим повреждениям, износу и запаху, этот человек долгое время провел в лесу, возле костра... Это пока всё.

– Ваше мнение по поводу озвученных здесь происшествий, какие-то зацепки просматриваются?

– Зацепка всего лишь одна, но зато она весьма существенная, – твердо сказал Баркун. – Сколько времени мы гоняемся за призраками – всё зря. Убийство Горяева даёт нам, в конце концов, шанс ухватиться за ниточку и тянуть, а мы её упускаем... Несмотря на свой оперативный опыт, Григорий Семенович, работая по этому преступлению, к сожалению, ошибся. Находился рядом с одним из соучастников или свидетелей убийства, а распознать это, увы, не сумел.

На лице майора Степанова еще не успело проступить выражение крайнего изумления, а подполковник уже заканчивал свою, неожиданную для многих, мысль:

– Этот самый Игнатьев, обнаруживший убитого охотника, прямо или косвенно причастен к преступлению! Вне всякого сомнения – он многое знает. Мое мнение: Игнатьева немедленно брать и серьезно с ним работать. Я нисколько не удивлюсь, если вдруг выяснится, что именно он застрелил Горяева, такого факта исключать нельзя.

– Вы так уверенно обо всем этом говорите, какие у вас есть на то основания? – холодно осведомился Шадрин.

– У меня имеются весомые доводы, товарищ полковник.

– Вот и озвучьте их.

– Дело в том, что майор Степанов и капитан Бутин докладывали, что убитый Горяев был найден разутым, это ведь так, Григорий Семенович?

– Так точно, товарищ подполковник! – чуть раздраженно подтвердил Степанов.

– А теперь я доведу до всеобщего сведения, что обезглавленный бандит был обут в охотничьи ичиги явно с чужих ног – в ступне они ему жмут и голенища свеженадрезаны сверху – икры ног налетчика чрезвычайно толстые. Я выяснил: данная обувь принадлежала Горяеву. И это обстоятельство дает мне право утверждать о его прямом отношении к банде. Совершенно

очевидно, что застрелили охотника именно те, кто шел грабить «пороховые», они же и разули его. Это неоспоримый факт, товарищи, и он не единственный, – с твердой уверенностью проговорил подполковник и с этими словами достал из кармана и поставил на стол длинный тонкий латунный цилиндр. – Кто может охарактеризовать данный предмет?

Один из оперативников взял цилиндр, повертел в руках:

– Патрон от охотничьего ружья тридцать второго калибра, то есть от берданы.

– Отлично! – с удовлетворением сказал Баркун. – Тогда у меня вопрос к капитану Бутину: как вы считаете, Сергей Павлович, мог данный патрон принадлежать убитому Горяеву?

– А почему бы и нет? – вопросом ответил Бутин. – Вооружен-то он был именно берданкой.

– Что скажете вы, Григорий Семенович? – глянув Баркун на майора, напористо спросил Баркун.

– Такой возможности не исключаю, товарищ подполковник.

– Вот и прекрасно. Тем более что этот патрон по характерному износу, по серым пыжам и по сорту черного пороха марки «Медведь», полностью идентичен с теми боеприпасами, которые обнаружил Бутин в лодке Горяева. А найден он у обезглавленного бандита в подкладке фуфайки. Провалился туда сквозь дыру в кармане, не исключено также, что спрятан там специально. Его обнаружили, когда швы одежды вспарывали... – Баркун взял патрон, шильцем карманного ножика подковырнул и достал войлочный пыж, затем осторожно высыпал на стол заряд, состоящий из нескольких металлических горошин неправильной формы.

– Как вы думаете, товарищи, что это?

– Картечь, – сказал Бутин, взяв одну из горошин и пристально рассматривая ее.

– Картечь... – скептически усмехнулся подполковник. – В этой связи мне припоминается одна старинная легенда: некий король, чтобы доказать свою меткость в стрельбе, приказывал слугам снаряжать его охотничьи патроны особым зарядом – золотой пулей. Но ведь, то был король! А мы имеем дело с простым советским охотником-промысловиком Горяевым. И, тем не менее, патроны данный гражданин набивает именно королевским способом, знать бы, откуда такие вельможные замашки?

– Вы утверждаете, что это золото? – недоверчиво спросил Шадрин, с пристальным интересом разглядывая светло-серые горошины, лежавшие на столе.

– Это не я утверждаю, товарищ полковник, а научно-техническая экспертиза, – пояснил Баркун. – Самородное золото, такое обычно намывают старатели в таежных речках. Здесь его двадцать семь граммов.

На несколько минут в кабинете воцарилось всеобщее молчание, слишком неожиданным было сообщение подполковника.

– Да, всё это очень существенно, – наконец заговорил Шадрин. – И что же дальше, Сергей Сергеевич?

– Я категорически не согласен с версией Григория Семеновича о том, что в Чите создается некая диверсионно-террористическая группа, – слишком это малоубедительно. Если бы она действительно формировалась, то за два с лишним месяца, оговоренных майором Степановым, что-нибудь уже натворила бы. И, повторюсь, уж склады-то со взрывчаткой взорвала бы всенепременно – вредительство, лучше не придумаешь! Но я уверен в другом – мы имеем дело с самой тривиальной уголовщиной. Прослеживается такая вот цепочка: в Чите действует шайка и для своего вооружения действительно охотится за носителями оружия. Ереминский охотник Горяев имел к ней самое непосредственное отношение: втихую мыл по таежным ручьям золотишко и переправлял его в город. До поры, до времени этот конвейер действовал безотказно: драгметалл шел с посылными в Читку, а оттуда Горяеву поступали деньги. Но старик по какой-то причине вдруг заартачился и перестал сотрудничать с преступниками. Может, поменял рынок сбыта, может, в цене не сошлись или произошло что-то иное, в результате и получил

две пули. Убили его не местные жители, они только помогли выследить и перехватить в тайге. В этом – прямое участие Игнатьева, бандитам посодействовал именно он, не иначе! И еще: я долго размышлял о том, почему налетчики не спрятали труп Горяева? Оттащить в сторону от тропы, забросать ветками и камнями – дело десяти минут, зато уж была бы гарантия, что никто не обнаружит следов преступления.

– И? – вопросительно поднял брови Шадрин.

– Труп не спрятали с умыслом, – уверенно объяснил подполковник. – Чтобы те, кто еще замешан в деле с золотом, знали – пощады отступникам не будет! А причастен к этому далеко не один человек, это совершенно очевидно. Что же касается покойного Горяева, то это, знаете ли, еще тот фрукт! Ведь только посмотрите, куда намытое золотишко прятал. В случае чего – пальнул в воздух, вещдок и улетучился. А чтобы в стволе золотого нади'ра не осталось, следующий патрон в магазинной коробке наверняка был с обычной свинцовой пулей или дробью. Хите-е-ер, старичок, ничего не скажешь!

– А тогда какой Игнатьеву был смысл поднимать шум по поводу найденного трупа? – усомнился кто-то из чекистов. – Ведь себе – дороже!

– Повторяю для непонятливых, – со сдерживаемым раздражением бросил Баркун, – чем быстрее будет найден убитый, тем быстрее начнет действовать угроза! Последняя роль Игнатьева была простая – стать глашатаем этой угрозы. Через неделю пугать было бы уже нечем – волки, медведи, россомахи и прочие там, – свое дело знают хорошо...

Шадрин, сосредоточенно глядя перед собой, проговорил:

– То, о чем вы доложили, Сергей Сергеевич, крайне важно. И цепочка событий выстраивается совершенно четко, и каждый факт вполне обоснован и логичен, – он помолчал и добавил как-то отстраненно, – хотя логике в нашей работе поддается далеко не всё...

– Хотел бы продолжить, товарищ полковник, – попросил Баркун.

– Да, да, слушаем вас.

– В одном, бесспорно, прав Григорий Семенович: нужно тщательно с сыном Горяева разобраться. Тут своя ниточка просматривается: из пулеметного дота он исчез неизвестно куда, а вскоре в Чите начинает пакостить немецкий пистолет. И попасть этот ствол в Забайкалье мог только с фронта.

– Что ж, вы правы, в этом тоже что-то есть... – Шадрин усталым взглядом обвел сидящих за столом чекистов. – У кого будут вопросы к Сергею Сергеевичу?

– А как объяснить, товарищ подполковник, для чего уголовной банде понадобились взрывчатка? – подал голос майор Степанов.

– Это и для меня загадка, Григорий Семенович, – пожал тот крутыми сильными плечами. – Дьявол их знает, этих бандитов, может сейфы взрывчаткой хотят вскрывать, а может рыбу собрались глушить по рекам.

– Мало резону – из-за рыбы нападать на хорошо охраняемые склады и рисковать при этом жизнью... А что касается вашей версии о патроне, то тут я готов поспорить. С таким же успехом в нем мог прятать золото и убитый бандит. Намыл где-то в ключе, а делиться с остальной братией не захотел, вот и воспользовался патроном Горяева, бердану-то у него наверняка он забрал. И еще: не тот человек Горяев, не та у него биография, чтобы с уголовщиной якшаться и драгметалл для нее мыть.

Прения офицеров остановил Шадрин:

– Каждый из вас, товарищи, по-своему прав и обе версии мы будем отрабатывать полностью... – он хотел, было развить свою мысль дальше, но длинный телефонный звонок прервал его, заставил снять трубку. В разом возникшей тишине огромного кабинета отчетливо зазвучал чей-то тревожно-возбужденный голос, и по тому, как вдруг помрачнело лицо полковника, сотрудники поняли: произошло нечто чрезвычайное.

Шадрин медленно опустил трубку, какое-то время отрешенно смотрел на аппарат, словно переосмысливал услышанное, потом поднял голову и сказал:

– Только что был осуществлен налет на Ко'ндинскую ветлечебницу. Убито трое сотрудников, унесено около пуда яда-стрихнина. Люди застрелены двумя пулями, каждое второе ранение – в голову, позади левого уха. В преступлении, кажется, снова участвовал «Парабеллум». Совещание прерывается, группе майора Степанова – срочный выезд на место происшествия.

Теснясь, поправляя ремни с оружием, чекисты устремились к выходу, в кабинете задержался лишь Баркун. Полковник, стиснув ладонями виски, застыл за столом в каменной неподвижности.

– Степанов, вероятно, во многом прав, Сергей Сергеевич, – наконец проговорил он севшим голосом. – Всё это мало похоже на действия простых уголовников: оружие, боеприпасы, взрывчатка, яд... Что-то здесь не вяжется.

– А я все-таки продолжаю отстаивать свою версию! – упрямо возразил Баркун. – Надо ехать в Еремино, разбираться там тщательно и до конца. Игнатьев – это единственная пока реальная зацепка.

– Ну тогда и отправляйтесь поутру, вашу версию вам и отрабатывать.

– Разрешите идти, товарищ полковник?

– Идите, – утомленно кивнул Шадрин. Оставшись один, он подошел к окну, резким движением раздвинул тяжелые зеленые портьеры, приоткрыл створку рамы и долго стоял, прикрыв глаза, вдыхая свежий воздух поздней летней ночи.

Глава 4

«Мы¹⁴, истинные патриоты России, ненавидящие советский строй и его вождей, дравшиеся с большевиками ещё в годы гражданской войны и принимавшие активное участие в послевоенных антисоветских мятежах, перенесшие все тяготы и лишения советских лагерей и тюрем, объединились в подпольную повстанческую диверсионно-террористическую организацию «Свобода» с тем, чтобы к началу войны Японии против СССР, (в её скором начале мы ни минуты не сомневаемся), осуществлять активную помощь японской армии, нанося Советам удары в их тылах.

Наша боевая программа:

- 1. Совершение террористических актов над крупными военными и партийными работниками Читинской области, уничтожение прочих неудобных нам лиц.*
- 2. Проведение диверсий на Забайкальской железной дороге с целью срыва планового продвижения войск и военной техники Советов к восточным границам.*
- 3. Вербовка в организацию новых участников из лиц, враждебно настроенных к существующему в СССР государственному положению.*
- 4. Приобретение оружия, боеприпасов и взрывных материалов для нужд организации всеми доступными средствами.*
- 5. Создание продовольственных баз и тайников в труднодоступной тайге, в районе дислокации боевого отряда.*
- 6. Приобретение печатного станка и пишущих машинок с целью создания подпольной типографии для написания антисоветских листовок и воззваний к населению.*
- 7. Вовлечение в организацию специалистов: взрывников, электриков, шахтеров и пр., для совершения диверсий на электростанциях и угольных копях Черновского района.*
- 8. Идеологическая обработка населения Читинской области с целью разжигания анти-советских настроений.*

Для осуществления вышеизложенной программы нами создан «Штаб руководства» и выработан специальный шифр, при помощи которого участник организации внесен в список с учетом данных о наличии оружия у каждого.

Структура организации: несколько отдельных «ядер», держащих связь между собой при помощи связников, являющихся одновременно и командирами «ядер». Каждое «ядро» в свою очередь разбито на пары, так называемые «двойки», которые при проведении мелких операций действуют самостоятельно, при крупных – сливаются в «ядро». За счет всего этого достигнута необходимая гибкость в управлении организацией, а также высокая степень конспирации.

Организация «Свобода» существует восемь месяцев, за это время ее членами добыто разными путями:

- 1. Стрелкового оружия (пистолетов, револьверов, автоматов, винтовок, ручных пулеметов, охотничьих ружей) – 48 единиц.*
- 2. Взрывчатых веществ (аммонал) – 140 килограмм.*
- 3. Боеприпасов – по 50-60 патрон на единицу оружия.*
- 4. Холодного оружия (кинжалов и пр. клинков) – на каждого члена организации.*

¹⁴ Данный архивный документ автором значительно сокращен, но его стилистика и орфография сохранены полностью.

5. Яда (мышьяка и стрихнина) – около 20 килограмм.
6. Продуктов: (мука, соль, сахар, консервы, концентраты и пр.) – на два-три месяца.

Разработаны операции и ведется активная подготовка к ним:

1. Взрыв угледобывающих шахт: «Октябрьская», «Новый Торм», «Дальневосточная».
2. Налет на хлебопекарню в районном центре Черновский с целью захвата крупной партии муки.
3. Налет на гараж автобата с целью уничтожения автомобилей.
4. Налет на оружейный парк Черновского райвоенкомата с целью захвата огнестрельного оружия и боеприпасов.
5. Налет на кассу треста «Востокуголь» с целью экспроприации крупной суммы денег для финансовых нужд организации.
6. Налет на общественное стадо коров поселков Домна-Ключи и Сивяково с целью угона в тайгу животных для последующего забоя на мясо.
7. Отравление питьевой воды в водокачках ж/д станций Атамановка, Карымская и пр., в то время, когда там остановится крупный военный эшелон с личным составом.
8. Ведется наблюдение за тоннелями и мостами на Заб. ж. д., отрабатываются действия по нападению на охрану этих объектов с последующим их подрывом.
9. Налажена слежка за работниками аппарата Читинского областного комитета ВКП (б), установлены домашние адреса, знакомства, привычки, места отдыха, увлечения...
10. Проводится целенаправленная работа по установлению связи с подконвойными рабочими Букачачинских угольных копей, арестованных и осужденных по политическим и уголовным статьям на длительные сроки. Продумываются всевозможные варианты побега из-под стражи, для того, чтобы привлечь этот контингент к борьбе против большевиков на нашей стороне.

Сигналом ко всем вышеизложенным мероприятиям для нас станет объявление Японией войны СССР. Считаем, что перечисленные теракты и диверсии, (после их осуществления), будут способствовать более успешным действиям японских войск.

Обращаемся к Вам потому, что нашей организации нужна помощь в виде современного автоматического оружия, боеприпасов, радиостанций, маскировочных костюмов, топокарт, денег и всего прочего, необходимого для успешной борьбы с ненавистными большевиками. Регулярно прослушивая радиопередачи из Харбина на русском языке, знаем, что вновь созданная Русская освободительная армия, наряду с японской Квантунской армией, готовится к наступлению. С нетерпением ждем этого заветного часа. Верим, что будущее России, России без Советов, не за горами.

Допуская, что Ваше ведомство может проявить вполне логичное недоверие к нам, просим поручить нашей организации проведения уместного, на Ваш взгляд, теракта или диверсии на территории Читинской области, результаты которых Вы бы могли проверить по своим каналам. Согласие на сотрудничество отправьте с нашим курьером, который прибывает к Вам в консульство 3-го июня в первой половине дня. Ответ ждем в течение недели.

*«Штаб руководства» группы «Свобода»
02. 06. 1942 г.».*

Майор Исии Китаджима, сотрудник 2-го разведывательного отдела Генерального штаба японской армии, в настоящее время – чиновник маньчжурского Генерального консульства в

городе Чите¹⁵, закончив читать вслух, поднял строгие глаза на вице-консула Ицузо Ямомото, невысокого полного сидящего мужчину.

Неторопливо поднявшись с кресла, тот подошел к распахнутому окну, где на плетеной бамбуковой подставке стоял в кувшине пучок веток багульника. В это раннее утро вскрылись последние бутоны и ярко-розовые лепестки осторожно и робко развернулись под лучами восходящего солнца.

Заложив руки за спину, вице-консул Ямомото склонился над букетом, внимательно рассматривая его сквозь толстые стекла очков и, в эту минуту был похож на профессора-ботаника, изучающего жизнь растения. Вдохнув едва различимый тонкий аромат соцветий, советник распрямился.

– Поздняя весна, Исии, – задумчиво проговорил он и грустно улыбнулся. – Поздняя весна и позднее цветение...

Китаджима ничуть не удивился этому странному отступлению советника от важной темы. Работая не первый день с Ямомото, он знал, что именно в минуты ничего не значащего разговора, в голове вице-консула, в его холодном расчетливом уме многоопытного дипломата идет непрерывная и напряженная работа мысли. Но про себя майор все же чертыхнулся:

«Старая ката'цу»¹⁶! Дьявол его побери, с этими лирическими экскурсами! Вопрос не терпит ни малейшего отлагательства, а он сейчас разведет болтовню на добрых полчаса».

Вслух же сказал, чтобы хоть как-то поддержать разговор:

– Да, весна в этом году затяжная, но зато лето обещает быть долгим и знойным, второй день печет просто невыносимо.

Вице-консул Ямомото согласно кивнул и проговорил с мечтательной улыбкой:

– Знаете, Исии, этот русский багульник напомнил мне сегодня цветение божественной сакуры на нашей далекой родине, – он театральным жестом указал ладонью на букет, благоговейно закатил глаза и с большим чувством продекламировал:

*– Как хорошо,
когда, на столе развернув
редкостный свиток,
чтенью предашься душой
и созерцанью цветов...*

– Это хокку досточтимого и незабвенного Татибана Акэми, – пояснил вице-консул. – Признаюсь вам, мой друг, здесь, вдали от милой нашему сердцу Ни'ппон, я часто отгоняю от сердца тоску о ней, услаждая свой слух стихами Акэми. Его хокку трогательны и целомудренны, как душа непорочной девушки.

Вице-консул Ицузо Ямомото был отпрыском древнейшего и знаменитого дворянского рода. Получив прекрасное воспитание и блестящее образование, он безупречно владел жестом и голосом, знал несколько иностранных языков, слыл большим знатоком и ценителем древнеяпонской поэзии и всегда ненавязчиво, незаметно старался подчеркнуть свое превосходство

¹⁵ В марте 1932 года Япония создала на захваченных ей территориях Маньчжурии марионеточное государство Маньчжоу-Ди-Го. Верховным правителем был «избран» последний император Китая Айсин Цзюэлю Пу И. Но, как правитель, он мало что значил. На самом деле вся власть принадлежала чрезвычайному и полномочному послу Японии. Советское правительство, исходя из политических соображений, открыло в этом же году в городах: Чите, Благовещенске и Владивостоке Генеральные консульства этого государства. По настойчивым требованиям японско-маньчжурской стороны, консулами, вице-консулами и специалистами в разных областях внешнеполитической деятельности, могли назначаться подданные Японии. Таким образом, японская разведка получила возможность внедрять в ряды этих представительств многочисленную агентуру, которая весьма активно работала под дипломатическим прикрытием. Читинское Генконсульство Маньчжоу-Ди-Го было упразднено и вывезено на родину лишь в 1946 году.

¹⁶ Ката'цу – жаровня на коротких изогнутых ножках, предназначенная для обогрева жилища (японск.)

в беседах на эту тему. Тем злораднее поймал его сейчас на неточности Китаджима, происшедший из небогатой мелкопоместной знати и недолюбивавший спесивых столичных выскочек-чинуш.

– Но вы допустили ошибку господин вице-консул, – Китаджима не сдержал ироничной ушмешки. – У Акэми заключительная фраза в прочитанной хокку звучит так:

*– ... Чтенью предашься душой
и созерцанью картин...*

На слове «картин» майор сделал ударение. Но ничто не изменилось в миролюбивом выражении холеного лица Ицузо Ямомото: всё та же тонкая улыбка теплилась на его губах, всё тот же ровный спокойный свет излучали темные глаза.

– Неужели, мой друг? – спросил он и, снова надев очки, взял с книжной полки старенький пухлый томик. Полистав его, с минуту вчитывался, потом оторвал взгляд от пожелтевших страниц.

– Я приятно удивлен, господин майор... – похвалил он сдержанно. – Но вы меня немало озадачили: так досконально помнить стихи древнего поэта может только настоящий ценитель изящной словесности.

– Человек моей профессии должен знать всё и даже больше, – негромко, но твердо проронил Китаджима.

– О да, да! – закивал Ямомото, усаживаясь в глубокое кресло. – Но перейдем к делам более прозаичным, Исии, – он придвинул к себе оранжевую папку, документ из которой в начале их разговора зачитывал майор и спросил, кивнув на письмо. – Какую-либо реальную силу, на ваш взгляд, они представляют?

– Судя по всему, пока что нет, реальную силу из этого сброда должны создать мы.

– Каким образом?

– Способов много... И все они хороши, когда разговор идет о борьбе с большевизмом. Один из них – создание настоящей боевой диверсионно-террористической организации и ориентирование ее действий в нужном для нас направлении.

– Но позвольте, для этого, по крайней мере, нужно вступать в непосредственный контакт с этим, как вы изволили выразиться, сбродом.

– Ничего не поделаешь, придется идти на это.

– Вы, майор, сравнительно недавно в России, поэтому многое для вас еще малопонятно. Идет война... Большая война, в которой русскими поставлено на карту всё. В стране чрезвычайное положение, и любое передвижение сотрудников иностранного представительства незамедлительно фиксируется соответствующими органами. А вы собираетесь вступать в непосредственный контакт с членами антисоветской организации. Вы понимаете, что может произойти в случае... – недвусмысленно не договорил Ямомото.

– Смертельный риск – это главная составляющая профессии разведчика, господин вице-консул. – Китаджима нахмурился. – Я обязан рисковать собой, раз нахожусь в стане врага. Поэтому не имею права бояться умереть за родину, ибо в смерти заключена жизнь – этому учит дух великого На'нко, который неоднократно погибал, но всегда возрождался, чтобы служить Земле Богов.

– И я, знаете ли, тоже прибыл сюда не для того, чтобы любоваться видами таежных сопот Забайкалья. Образ божественной Фудзиямы в кипении цветущей вишни гораздо приятнее моему взору! – довольно жестко парировал Ямомото.

– Каждый из нас делает свое дело, Ицузо-сан, – примирительным тоном сказал майор. – К вам я обратился лишь потому, что мне нужны компетентные совет и помощь.

– Видите ли, Исии, мой опыт и знание русских в данном случае мало помогут. С таким фактом, – вице-консул кивнул на письмо, – я, признаться, сталкиваюсь впервые. Скажите, чем вы можете объяснить все это?

Китаджима несколько секунд что-то напряженно обдумывал, медленно шевеля ладонью жесткий, седоватый ёжик на своей большой голове. Ответил:

– Умные люди умеют читать между газетных строк... Они, также, слушают, как мы теперь знаем, наше харбинское радио и свои малоутешительные сводки Совинформбюро, затем делают соответствующие выводы. Германские армии дерутся упорно, и не беда, что им пришлось отойти от стен Москвы. Ни для кого не секрет, что все это лишь временные военные успехи Советов. Многие понимают, что и на востоке в скором времени полыхнёт гроза, которая навсегда испепелит дикие большевистские орды, – Китаджима нервно хрустнул пальцами, несколько раз сжал и разжал кулаки, продолжил с фанатичным вдохновением. – Если очень постараться, то Россия падёт к нашим ногам, как переспелая хурма. Операция: «Бросок за Байкал» должна быть осуществлена любой ценой, девиз Божественного Мика'до: «Азия – для азиатов!», ещё никто не отменял. Советский Дальний Восток просто обязан стать японским, и он, бесспорно, станет им! Здравомыслящие политики понимают эту историческую неизбежность. Отсюда желание услужить нам, в расчете на будущие блага.

– Я не совсем понимаю вас, господин майор, то вы называете их сбродом, то здравомыслящими политиками... – с легким недоумением спросил Ямомото.

Китаджима неприязненно усмехнулся:

– Для меня, дворянина и потомка самурая, русские и иже с ними были, есть и навсегда останутся сбродом, я отнюдь не оговорился. Но нужно отдать должное: разработанная ими тактика борьбы весьма целенаправленна, а их организационной структуре может позавидовать солидная тайная оппозиция. Вспомните: «ядро», состоящее из «двоек». Следовательно, если выпадает одно «звено-двойка», то «ядро» остается вполне боеспособным. Связь осуществляется одним лишь человеком – командиром «ядра». Как правило, он облечен особым доверием и всецело предан идее. Таким терять нечего и живыми они не сдаются – отсюда стопроцентная надежность и прочность структуры. Арестовали «двойку» – она ничего не даст для сыска, знают-то лишь один другого и всё.

– Ну, хорошо, а если им придется выполнять крупное задание, где не обойтись одной «двойкой», тогда как?

– Это уже дело техники, – объяснил разведчик. – На таких операциях могут быть задействованы десятки «двоек», и появляются они, как правило, в масках и темных очках, с приклеенными бородами и усами. Подобная структура мне знакома по работе в Европе перед самой войной, она заимствована у одной из масонских организаций. Люди состоят в ней десятки лет, а друг дружку в лицо ни разу не видели, конспирация полнейшая.

– Все это очень и очень занятно, майор... – вице-консул Ямомото снова медленно прошелся по просторному кабинету, его коричневые тупоносые ботинки мягко утопали в высоком ворсе дорогого индийского ковра. – Скажите, а каким образом это письмо попало в ваши руки?

– Весьма оригинальным, – толстые губы Китаджимы расползлись в одобрительной усмешке. – И это еще раз указывает на то, что мы имеем дело с людьми, посвященными в тонкости конспирации.

– Ну-ну? – живо заинтересовался Ямомото.

– Позавчера в кинотеатре «Кадр», секретарь Тиэко Мори устроилась на своём месте в зале буквально за минуту до начала сеанса. Слева от нее не было никого, а кресло справа занимала молодая женщина, её лица она не помнит, как не помнит и ни малейшего прикосновения к себе соседки. Тиэко обнаружила письмо, только вернувшись в консульство. Причем, и это тоже немаловажная деталь, свою дамскую сумочку она имеет обыкновение носить справа, и не изменяла этой традиции никогда. Всё говорит о том, что за Тиэко, уже давно велось наблюдение

ние и даже такая мелочь при встрече с ней, была учтена – ведь женщина села именно справа. Следовательно, им было заранее известно место секретарши в кинотеатре. Становится понятным, что готовились к встрече с нами долго, скрупулезно и пошли на нее уже наверняка.

– Да-а-а... – садясь, протянул Ямомото. – Все это очень похоже на работу профессионального вора-карманника.

– На мой взгляд, в борьбе с Советами все средства хороши, – убежденно произнес разведчик. – Поэтому не будем уж слишком щепетильны. Разделяющие наши идеи русские люди пока нам очень нужны, ведь сказано же: «Одной рукой узел не завяжешь!» А потом, когда осуществляются планы великой Ниппон, мы отправим их ко всем чертям: быдло должно знать своё законное место!

– На Востоке говорят: «Всё должно измениться, чтобы остаться прежним!», поэтому трудно не согласиться с вами, – задумчиво сказал Ямомото. – Но есть одна сложность: русских, сочувствующих нам, достаточно много и, если все они вдруг окажутся недовольными, тогда несдобровать – какие бы золотые горы мы им не обещали после нашей победы над большевиками.

Загадочно и вкрадчиво Китаджима проговорил:

– Именно поэтому сейчас необходимо применить тонкий расчет в отношении русских. Древнее учение гласит:

«Если мы хотим ослабить кого-либо, то должны будем сначала укрепить его. Если намереваемся низвергнуть кого-либо, то должны сначала возвысить его. Если замысливаем разорить кого-либо, то должны сначала осыпать его дарами. И только так подчинённые и слабые победят жестоких и сильных!»

– Цитируете книгу мудрости «Дао Дэ Цзин»? – опять поразился вице-консул эрудированностью Китаджимы. – Вы не перестаете меня удивлять, господин майор!

– Я бы хотел вернуться к обсуждению вопроса, – всем своим видом тот постарался показать, что не обратил на лесть никакого внимания. – И поэтому вынужден повторить: в борьбе с большевиками сгодится абсолютно всё.

– Наверное, вы правы, – согласился Ямомото. – Вам что, нужен мой совет?

– Дело в том... – тот замялся. – Дело в том, господин вице-консул, что мне необходимо ваше разрешение на постановку проверочного задания этой «Свободе».

– Об этом не может быть и речи! – вскакивая с поспешностью, так не свойственной его сану и солидной фигуре, воскликнул Ямомото. – Такого разрешения не сможет вам дать и сам господин Генеральный консул!

– Но разве мы имеем право упускать этот шанс? – глаза разведчика злобно блеснули. – И потом, время: его-то у нас нет! Через несколько дней нужно отсылать ответ, курьер уже прибыл, группа «Свобода» ждет нашего решения.

– Как... Как курьер прибыл?! – Ямомото с величайшим изумлением воззрился на разведчика. – Он что, находится на территории консульства? Вы отдаете себе отчет в том, что сказали, Исии?

– Вполне, – спокойно отреагировал тот. – Курьер расположился в вашей приемной.

– Вы нарушили консульский устав, майор Китаджима, и понесете за это суровую ответственность! – бурно вознегодовал вице-консул. – Впустить на территорию нашего государства личность, которая, возможно, находится в розыске. Почему вы обошли меня? Почему не доложили господину Хисамацу¹⁷? Впрочем, я забыл, что он в отъезде...

– Одну минуту, – майор сделал рукой успокаивающий жест. – Не нужно лишних эмоций, сейчас всё прояснится.

¹⁷ Генеральный консул Ичиро Хисамацу (настоящие имя и фамилия Сэдзо Мацудайра) – полковник 2-го отдела Генерального штаба японской армии, опытный дипломат-разведчик.

Он трижды громко хлопнул в ладоши. Дверь тотчас же отворилась, вошел муж секретарши Тиэко, капитан Иосио Мори, заместитель Китаджимы, стройный миловидный кареглазый молодой человек. В его руках была коробка из-под обуви. Жестом факира Китаджима снял с нее крышку. С искусно связанными лапками и крыльями в коробке сидел почтовый голубь, бирюзинки его глаз настороженно смотрели на людей.

– Каким образом он попал сюда? – сурово осведомился Ямомото.

– Перебросили сегодня ранним утром через стену нашего парка, – поведал Китаджима. – Упал на клумбу прямо под ноги привратнику. Изловчились сделать это так, что внешняя милицейская охрана ничего не заметила. Теперь вы понимаете, что все это не шутки, господин вице-консул? Сейчас нам осталось только подыскать проверочное задание группе «Свобода» и отправить его. «Курьер» явно зажался, он, хотя и не туго связан, но чувствует себя не совсем комфортно.

– А что если он прилетит на голубятню, хозяин которой – сотрудник НКВД?

– Ничего компрометирующего наше ведомство в записке не будет. Полтора-два десятка слов на русском, без обратного адреса, без характерных особенностей почерка. И так, что же мы напишем, господин вице-консул? – майор Китаджима ожидающе смотрел на Ямомото, потом медленно перевел взгляд на капитана Мори, не проронившего за это время ни слова, стоявшего с отчужденным замкнутым лицом, словно буддийский монах-послушник на ритуальном действе.

Вице-консул Ямомото глубоко и надолго задумался. Наконец, он проговорил:

– Я вам совета дать не могу, а помочь – обязан. Давайте-ка сделаем срочные запросы в Харбин и Токио. Всё это слишком серьезно, чтобы мы могли самостоятельно принимать столь ответственное решение.

ШИФРОРАДИОГРАММА

«СССР, г. Чита, Генеральное консульство

Маньчжоу-Ди-Го,

г-ну Исии Китаджима.

Весьма срочно!

Совершенно секретно!

Харбин, 04. 06. 1942 г.

Для объективной оценки исполнительности и мобильности группы «Свобода», поставьте одновременно две-три проверочные задачи. Тщательно проанализируйте их результаты. Дальнейшие контакты только после всестороннего анализа обстановки и с моего личного разрешения. Гарантируйте высокую оплату, награждения, продвижение по службе членам группы после успешного окончания боевых действий Квантунской армии по захвату Забайкалья и создания на этой территории государства Сибирь-Го.

«Европеец»¹⁸.

Областная газета «Труженник Забайкалья» от 08. 06. 1942 г. (Хроника)

¹⁸ Агентурный псевдоним генерала Кендзи Доихара, начальника Главной японской военной миссии (ЯВМ) в Маньчжурии. Он также возглавлял «Току'му Кика'н», секретное подразделение особого назначения при 2-м отделе японской Императорской армии (аналог немецкого Абвера и СД). Был выдающимся разведчиком своего времени. Владел несколькими китайскими диалектами и европейскими языками, обладал обширными познаниями во многих отраслях человеческой деятельности, в совершенстве освоил мастерство перевоплощения, имел черный пояс (высший дан) в Кунг-фу и Джиу-джитсу. В то же время был аморальным и крайне жестоким человеком, организатором многих кровавых преступлений и наркотизации Китая. За участие в подготовке и развязывании агрессивных войн, за нарушение общепринятых законов при ведении боевых действий, Кендзи Доихара был приговорен Международным военным трибуналом к смертной казни через повешение и 23 декабря 1948 года казнен в Токийской тюрьме Сугамо'.

«...Трагически погиб коммунист, член партии с 1917 года, второй секретарь РК ВКП (б) Черновского района. Злодейская рука буржуазных наймитов оборвала жизнь прекрасного человека, большевика-ленинца, пламенного революционера, солдата Гражданской войны, Павла Изотовича Бородин. Партия и народ понесли тяжёлую невосполнимую утрату, семья потеряла мужа и отца, прекрасного воспитателя достойных детей. Нет никакого сомнения, что этот подлый террористический акт совершили непримиримые враги Советского строя, до поры таившиеся в глубоком подполье. Нет также никакого сомнения в том, что рано или поздно убийцы предстанут перед суровым судом нашего народа.

Павел Изотович Бородин родился в селе Будан, Приаргунского района, в многодетной крестьянской семье. С самого раннего детства он познал тяжёлый труд батрака, ощутил на себе классовую несправедливость самодержавного строя...»

Районная газета «Сталинский забой» от 09. 06. 1942 г. (Хроника).

«...В ночь с 8-го на 9-е июня 1942 года в районе поселка Черновский неизвестными лицами совершена диверсия на угольной шахте «Октябрьская». Взорван вновь разрабатываемый штрек, погибло трое шахтеров, еще четырнадцать получили тяжёлые ранения. Нанесён значительный материальный ущерб шахте, временно прекращена добыча угля.

Областной комитет ВКП (б) выражает соболезнование родным и близким погибших и раненых горняков, проводит работу по материальному обеспечению их семей. Компетентными органами начато расследование данного диверсионного акта.

Товарищи рабочие и колхозники! Коммунисты и беспартийные! Комсомольцы и пионеры! Будьте бдительны! Враг не дремлет, он коварен, беспощаден и жесток. Победа над германским фашизмом неизбежна потому, что на борьбу против коричневых полчищ захватчиков поднялся весь великий Советский народ! Ваши отцы, братья, мужья и сыновья бьются сейчас на фронтах, не жалея себя и своей жизни. Но враг поднимает голову и в далеком от войны Забайкалье. Не допустим этого! Здесь, в глубоком тылу, все как один, встанем на защиту социалистической Родины!»

Майор Китаджима с хрустом перегнул газету пополам, потом еще раз и еще, затем отшвырнул ее и решительно снял трубку телефона.

– Господин вице-консул, здесь Китаджима! Вы уже читали?

– Только что, – усталым голосом ответил на другом конце провода Ицузо Ямомото.

– Приступаем к проверке, как было оговорено?

– Разумеется. Я уже заказал машину и позвонил русским. Нам разрешено передвижение по городу в течение двух часов.

– Хай¹⁹! – возликовал Китаджима. – Жду вас у выхода, Ицузо-сан.

¹⁹ Да», «хорошо», «понял», «есть» – этот возглас часто применяется японцами в обиходном разговоре.

Глава 5

– Так, значит, это вы и есть тот пресловутый Прокофий Семенович Игнатъев?

– Шестьдесят восьмой годок под энтим имечком дохаживаю, – степенно и с достоинством произнес старик.

– Присаживайтесь, разговор у нас будет долгий.

Собеседник осторожно опустил на широкую лавку, пристальный изучающий взгляд сидящего за столом офицера выдержал спокойно.

– Я подполковник государственной безопасности Баркун Сергей Сергеевич, – представился чекист. – Для чего прибыл в Еремино, надеюсь, догадываетесь?

– А то... – тяжело вздохнул охотник.

– Тем лучше. Тогда сразу же вопрос, Прокофий Семенович. Как думаете: почему наша группа работает в поселке уже второй день, а вас только сегодня на беседу вызвали?

– Откудова мне знать?

– Стало быть, не имеете понятия... Хорошо, сейчас я попытаюсь объяснить: дело в том, что всё это время мы отработывали версию, которую вы сами и выдвинули майору Степанову. То есть выясняли, кто из взрослых мужчин в день убийства Горяева, сутки до этого и сутки после, отлучался из поселка в тайгу? И нам, знаете ли, повезло: именно в эти три дня почти все мужское население работало по разнарядке поселкового Совета на укреплении дамбы после дождевого паводка. Отсутствовало всего двенадцать человек в связи с выходом в лес, но у десяти из них – стопроцентное алиби.

– Это, какии ишшо алиби?

– Как бы вам попроще объяснить... Алиби, это надежное доказательство в непричастности к преступлению, понятно?

– Наверде, – недовольно буркнул старик.

– Ну, так вот: все эти десять человек были, как говорится, при деле: кто лес на строительство пилил, кто плоты сплавлял, кто рыбачил. И каждого кто-то видел. Следовательно – они вне подозрения. А очень далеко в тайге в день убийства было всего двое: это Горяев и вы, Прокофий Семенович. Что на это скажете?

– Дак, а што говорить-то? Я, и правда был тама. Еслиф хонгилом не пошел домой, долго ба искали Николай Федотыча.

– Ну, хорошо. А почему бы вам не пройти мимо, сделать вид, что ничего не заметили? И хлопот меньше, и... вообще... Дело-то такое – убийство!

– Как пройдешь! – простодушно удивился Игнатъев. – Человека ить убили. Не по-людски будет – мимо пройтить.

– Значит, вот так вы всё это объясняете... – офицер недоговорил, внимательно посмотрел на старика своими жгуче-черными глазами. Тот сидел со спокойным, полным невозмутимого достоинства, лицом.

Помолчав еще немного, подполковник продолжил, в его негромком приятном баритоне зазвучали доверительные нотки:

– Я бы очень хотел, Прокофий Семенович, чтобы в ваших же интересах вы были со мной предельно откровенны.

– Штой-то не уразумею я вас, товариш начальник?

– Чего уж тут разуместь... Вы обратили внимание на то, что я беседую с вами без свидетелей и не веду протокола? Впрочем, протокол, это работа следователя, а не моя.

– Не знаю я ваших-то делов... – вполголоса промолвил старик и неопределённо пожал при этом плечами.

– Ладно, чтобы вы меня до конца поняли, я кратко обрисую ситуацию. Суть вот в чем: в городе Чите и его районе совершен ряд убийств, люди застрелены тем же способом, что и ваш односельчанин Горяев: одна пуля в грудь, вторая в затылок. И абсолютно в каждом убийстве применялся пистолет германского производства – «Парабеллум». Все преступления связаны с похищением оружия, а это – отягчающее обстоятельство. И тем, кого мы ищем и обязательно найдем, минимальное наказание – двадцать лет строгой изоляции, а максимальное – исключительная мера социальной защиты. Расстрел, иными словами.

– А пошто, товаришш начальник, вы мне про всё энтю толкуете?

– Буду полностью откровенным, Прокофий Семенович. Дело в том, что многие факты в этом запутанном деле позволяют подозревать вас, как соучастника убийства.

– Што такое?! – вскинулся, было, охотник, но чекист остановил его повелительным жестом руки:

– Погодите, Игнатъев, дайте закончить. Поставьте себя на мое место и взвесьте следующие факты. Первый: кроме вас и Горяева в тот день никого на хонгиле не было. Факт второй: труп убитого нашли именно вы. Факт третий: у одного из преступников, которого нам удалось арестовать и который также подозревается в убийстве Горяева, обнаружено россыпное золото. Хранилось оно в патроне от ружья Горяева...

– Золото в патроне у Николай Федотыча? – совершенно искренне удивился старик.

– Именно так! – не сводя со старика тяжелого пронизательного взгляда, подтвердил чекист. – Экспертиза установила, что золото это самородное, такое обычно добывают по таежным речкам. Теперь вы понимаете, насколько все серьезно, Игнатъев? Идет война, каждый грамм драгметалла на строжайшем учете, ведь это танки, самолеты, корабли... Поэтому отвечать за подрыв государственной экономики придется по суровым законам военного времени. Факт четвертый, и он самый серьезный, – нами установлено, что пару лет назад вы нашли где-то в тайге золотой самородок, что на это можете сказать?

– Да какой тама самородок, – не удержался от усмешки старик. – Горошинка малая, игрушка, навроде как.

– Шутки в сторону, Игнатъев! – сердито нахмурился чекист. – Лучше расскажите, где вы отыскали эту золотую игрушку?

– А сама в руки упала. Стре'лил, однава', боровичка-уларя²⁰ на жарёху, стал потрошить, а в зобе у ево камушки. Один с их – шибко ба'ский²¹ да блестяшший. Дикова'л²², диковал я, – што жа энтю такое? Потома получшее пригляделся, на зуб взял – золото. До сих гдей-то у бабки в шкатулке сохраня'тца.

– Но это же сказка для детей, – строго заметил чекист. – А мы-то с вами люди взрослые...

– Не верите, дак хоть у кого поспрошайте, – простодушно сказал Игнатъев. – Я ить не первый, хто золото в лесном петухе нашел.

– Увы, Прокофий Семенович, не убедили вы меня. Сами видите, сколько вскрытых фактов и все они против вас! И поверьте, я вам не завидую...

– Это пошто жа?

– А потому: если вдруг ваша золотая горошина и золото в патроне Горяева окажутся одной пробы – дело будет плохо. Тут факты уже выстраиваются следующим образом: и покойный Горяев, и вы, занимались совместным незаконным промыслом и сбытом драгметалла, а потом что-то не поделили...

– Вы што жа, всурьёз шшитаете, што это я Николай Федотыча стрельнул? – бурно возмутился Игнатъев.

²⁰ Ула'рь – молодой глухарь.

²¹ Ба'ский – тяжелый, увесистый.

²² Дикова'л – давался диву, изумлялся, пытался понять. (забайкальск.)

– Этого я пока не утверждаю, – участливо сказал подполковник. – Я как раз очень надеюсь, что лично вы Горяева не убивали. Но факты – вещь упрямая, и они указывают на то, что именно вы помогли бандитам перехватить его на хонгиле. И если это действительно так, то дело для вас обстоит значительно проще. Я допускаю, что могли запугать, втянуть в преступный сговор путем шантажа, угроз, в конце концов, деньгами большими могли прельстить – человек всегда несовершенен и, бывает, берет грех на душу. Подобное и с заслуженными людьми, вроде вас, случается... Итак, я слушаю Прокофий Семенович, снимите груз с души, сразу же легче станет. Или опровергните мои подозрения. Доказательно опровергните.

Игнатъев сидел, молча и окаменело, каким-то потусторонним взглядом уставившись в одну точку. Ничего нельзя было прочесть в его неподвижных глазах. И только огромные морщинистые ладони, как бы отдельно существующие от их владельца, безостановочно мяли старенькую фуражку-восьмиклинку. Так прошло несколько томительных минут.

– Прокофий Семенович, – снова заговорил подполковник. – Я прекрасно понимаю, насколько трудно решиться. Но ведь и вы меня поймите: единственный человек, кто может вывести нас на след бандитов – это вы, так что все равно придется говорить! Если преступников боитесь, то гарантирую вам полную безопасность, пока идет работа по их розыску. А если сами виноваты, то предлагаю такой вариант: сейчас вы подробно рассказываете за что, при каких обстоятельствах и кем был убит Горяев, а я оформляю явку с повинной. Следствие и суд учтут чистосердечное признание и раскаяние, поверьте! И получите не более семи лет общего режима. Ну, а, принимая во внимание ваше героическое партизанское прошлое, прочие заслуги и преклонный возраст, скинут срок лет до пяти. В любом случае, хоть тюрьма и не мать родна, как говорится, а все же лучше расстрела. Скрывать не буду: история, в которую вы угодили, основательно тянет на вредительство, тут уж Особое Совецание²³ скупиться не станет и, если не захотите внять моему совету отмеряет по пятьдесят восьмой²⁴ статье на полную катушку. – Баркун осторожно загасил папиросу в щербатом блюдечке, заменявшем пепельницу, снова помолчал, давая подозреваемому возможность взвесить и обдумать услышанное.

Наконец старик заговорил, голос его был глух, но тверд и уверен:

– В Игнатъевском роде убийцов от веку не водилось, товарищи начальник. Я не страм'яц какой, а красный лазовский партизан, и никого окромя семёновских врагов да японских тирентов жизни не решал. Поспросайте у людей: што я за человек есть? Каждый скажет, што никогда, ни на кого се'рдца не нёс. А хто Николай Федотыча убил, не знаю. И хучь упрашивайте, хучь дерзайте меня, а боле сказать, всё едино, нечего.

– Упрашивать, и уж тем более терзать вас никто не собирается. Пока, во всяком случае... – многозначительно обронил подполковник и надолго умолк. Потом поднял свой пронзительный взгляд на старика. – Значит, не хотите внять голосу разума, Игнатъев? Что ж, застращали вас основательно... А ну-ка ответьте: какое у вас еще оружие имеется, кроме берданы?

– Да ничо окромя яё у меня нет, – произнес с напускным безразличием старик.

Красивое лицо Баркуна замкнулось и помрачнело:

– Такой ответ окончательно убеждает меня в вашей причастности к убийству Горяева!

– Штоба такое говорить, надоть...

– Обойдемся без лишних слов, Прокофий Семенович. Все, что нужно иметь для доказательства, у меня уже есть, можете не сомневаться: Горяева ведь двумя пулями убили и одна из них винтовочная, калибра семь шестьдесят две, не так ли?

– Ну, винтовошная. И што с того? – сразу насторожился Игнатъев, и его реакция не ускользнула от внимательного взгляда опытного чекиста. Помедлив, он протянул руку за угол

²³ Особое совещание (ОСО) – карательно-репрессивная инстанция, основанная при НКВД СССР в начале войны. Имела чрезвычайные полномочия для вынесения длительных сроков лишения свободы, а также расстрела.

²⁴ Статья № 58, по делам о шпионаже, вредительстве и диверсионных актах (пункты: 1-а; 6; 7; 9) предусматривала заключение в тюрьму на сроки до 25-ти лет или исключительную меру уголовного наказания – расстрел. (УК РСФСР редакции 1926 г)

печки, и, не сводя глаз со старика, неторопливо извлек продолговатый массивный предмет, завернутый в выцветший кусок брезента и туго перевитый узким сыромятным ремнем.

– Скажите: что это такое? – спросил подполковник, нарочито-неторопливыми движениями развязывая узел на свертке.

И как-то сразу сникнув, осипшим голосом, Игнатьев проронил:

– Драгу'нка моя, чаво уж там, партизанил с ей.

– Если б только партизанил... – офицер осилил, наконец, тугой узел и развернул на столе брезент. Старая, потертая, но аккуратно вычищенная, смазанная и ухоженная, перед Игнатьевым лежала короткоствольная кавалерийская винтовка.

Твердо отбивая слова, Баркун сказал:

– Слушайте и запоминайте, Игнатьев: свои подозрения относительно вас я уже высказывал руководству. При расследовании здесь, они укрепились окончательно. Исходя из этого, приказал помощникам съездить с провожатым верхами на вашу заимку да внимательно там всё осмотреть. Должен признаться: тайник в пустотелой сосновой колодине вы оборудовали толково. Теперь, когда фигурирует столь весомое вещественное доказательство, – он кивнул на оружие, – наш разговор, вероятно, станет предметнее.

– Не убивал я Николай Федотыча, – тихо, но упрямо вымолвил Игнатьев. – А што касаемо винтовки, што ж, беззаконно сохранял, дак, зато родня да суседи без мяса в самое голодное время не сидели. Уж худо-бедно, а козёнку али кабаро'жку завсегда стрельну', бывало'ча. Для энтого и держал, с берданой шибко-то не напромышляшь на таку ораву.

Будто не слыша его, чекист проговорил:

– Вот что, Игнатьев, давайте считать, что наш разговор не закончен. До завтрашнего утра времени много, – он глянул на часы. – Сейчас я уйду, а вы останетесь здесь под охраной. Встретимся утром, в семь. В вашем распоряжении вечер и целая ночь, вполне достаточно, чтобы все взвесить, обдумать, подробно и честно описать. Больше всего меня интересует, конечно же, винтовка, наличие которой вы так тщательно скрывали. И такое поведение наводит на мысль, что пуля, убившая Горяева, вполне могла быть выпущена именно из нее... Ну и про золото хотелось бы получить более правдивый ответ, согласитесь, ваш рассказ о глухаре больше похож на легенду, – подполковник расстегнул полевую сумку, достал несколько листов бумаги, кивнул на чернильницу и ручку на столе председателя поссовета. – Вы грамоте-то обучены?

Игнатьев молча кивнул.

– Вот и прекрасно, действуйте. Последний раз советую, чистосердечно признаться во всем. Второй такой беседы уже не будет. У вас в руках сейчас не только ваша судьба, но и судьба семьи. Это обстоятельство также должно сподвигнуть вас к разумному решению, Игнатьев, ведь если следствие сочтет нужным, то и родственников к ответу привлекут, такое бывает. Кстати, почему сын не в армии, возраст более чем подходящий, немногим за тридцать?

– Кила' у Андрюхи, – угрюмо пояснил Игнатьев. – Сызмальства мается парень.

– Кила, это что?

– Грыжа по-нашенскому. Белобилетник он, кака' уж ему армия.

– Понятно, – сказал подполковник, и, сочувственно помолчав, добавил. – Подумайте здраво, Прокофий Семенович, и примите единственно-верное решение, договорились?

Ответа Баркун так и не дождался, старик сидел понуро, низко опустив седую голову, обессилено уронив тяжелые натруженные кисти рук между колен.

На крыльце подполковник лицо в лицо столкнулся с Тихоновым.

– Возьмите винтовку, лейтенант, – протянул Баркун оружие. – Молодчина вы, быстро отыскали столь важный вещдок. Теперь дело пойдет быстрее.

– Что, сознался? – чуть оторопело спросил тот.

– Пока нет, очевидно, сильно запуган. Дал ему время подумать. Выставьте здесь пост до утра. И вот еще что: пусть Игнатьева ужином накормят, подушку и одеяло принесут. Спать захочет, диваном воспользуется.

– Бабка его приходила, тревожится, что долго не отпускаем.

– Скажите ей, что в целях безопасности ему придется переночевать под охраной.

– Слушаюсь, – вяло козырнул офицер.

Ровно в семь утра подполковник Баркун в сопровождении лейтенанта Тихонова подошел к избе поселкового Совета, и, кивнув на дверной замок, приказал часовому:

– Отомкните!

Из помещения на вошедших крепко пахло никотином: видимо, Игнатьев всю ночь курил самосад. Остановившись у порога, подполковник несколько мгновений обескураженно осматривался, с ужасом ощущая, как из-под ног уходит, проваливается куда-то, пол: Игнатьева в комнате не было! Баркун уже хотел, было ринуться назад, но в это время увидел старика между кутней стеной и печкой. Тот висел в петле, уронив набок голову, и даже густая окладистая борода не могла скрыть выражение нечеловеческой муки на его лице. Старик был разут, ношенные сапоги аккуратно, по-солдатски, стояли у его ног, почти касавшихся пола. И только подойдя вплотную, и всмотревшись, чекисты поняли, почему он бос: Игнатьев повесился на веревке, сплетенной из порванных на полосы холщовых портянок. На столе, где подслеповато чадила и потрескивала фитилем догорающая керосиновая лампа, белел лист бумаги. На нем было коряво нацарапано:

*«Никово никоких бандитов низнаю
Николай Федотыча Горяева убил сам
пасорилися мы на старости принял грех
надушю а хто ево послы миня немецким
писталетом стрелил низнаю зашто и как
можса правда зазолато а он послы маёй пули
живой был и признать каво мог старуху
Андрея сына нитрожсти нивиноватьи оне
заминя я виноватый сам завсё*

Прокофий Семенович Игнатьев».

– Вот значит, как... – с трудом начал и недоговорил Баркун. Нервно помяв рукой горло, помолчал одну-две минуты, закончил так же хрипло. – Страх перед сообщниками оказался сильнее страха перед самоубийством.

Побледневший лейтенант Тихонов глядел на него широко раскрытыми глазами.

Сурово и медленно Шадрин произнес:

– Да, товарищ подполковник, промашка для чекиста с вашим опытом – непростительна! Жду ваших объяснений по этому поводу. Придется держать ответ. Но это – потом, а сейчас я хотел бы узнать, что вы думаете о случившемся.

Баркун угрюмо молчал, и Шадрину пришлось повторить, громче и настойчивее:

– Так я слушаю вас, Сергей Сергеевич!

– Мои выводы неизменны, товарищ полковник, – тот словно очнулся от забытья. – Самоустранение Игнатьева полностью подтверждает версию о его причастности к банде. Покончил он с собой из-за того, что деваться было некуда: посодействуй следствию – от своих пощады не жди, и в тюрьме достанут! А если в ходе расследования вскрыются дополнительные отягча-

ющие обстоятельства – исключительная мера по суду! Вот он и выбрал середину... Недооценил я его, надо было сразу изолировать и везти в Читу. Но при всем при том, положительный результат есть: теперь нам точно известно, что всё в этом деле действительно замешано на золоте. Самородок, изъятый у Игнатьева, и россыпное золото, обнаруженное в патроне – одной пробы. Следовательно, связь тут самая прямая: и Горяев, и Игнатьев, и неуловимые бандиты – всё это звенья одной цепи. Как и в прошлый раз, я решительно опровергаю версию майора Степанова о некоей диверсионной группе.

– А похищенный яд-стрихнин, он-то, зачем уголовникам?

– Да хотя бы затем, чтобы направить нас по ложному следу, – выразил свою догадку Баркун. – И отчасти это у бандитов получилось: майор Степанов ведь клюнул на их удочку...

– Трудно согласиться с такими доводами, Сергей Сергеевич. То, что золото одной пробы, еще ничего не доказывает. Раз уж действительно существовал глухарь, подстреленный Игнатьевым, то он вполне мог золотую горошину на той же самой россыпи склевать, где было добыто и золото, обнаруженное в патроне. И еще одна весьма существенная нестыковка: Горяев не мог быть убит из винтовки Игнатьева!

– Это доказано, товарищ полковник?

– Да, – кивнул Шадрин. – Только что принесли заключение экспертизы: гильзы, найденные на месте первой стычки Горяева с бандитами и на месте его убийства, вряд ли могли принадлежать Игнатьеву. Все они отечественного производства, выпущены в сорок втором. А патроны, обнаруженные на заимке старика, изготовлены в Америке в девятнадцатом году и были доставлены в Забайкалье интервентами. Этими трофейными боеприпасами он и пользовался до последнего времени. Ну, и самое главное: произведен контрольный «отстрел» оружия Игнатьева, он показал совершенно иной «накол» капсюля бойком затвора. И еще: эксперты установили, из кавалерийской винтовки Игнатьева в последний раз стреляли больше месяца назад. Отсюда вывод: его оружие не имеет никакого отношения к убийству Горяева на хонгиле. А, скорее всего, – и сам Игнатьев тут не причем! Всё вышесказанное мало стыкуется с вашими утверждениями, – Шадрин выдержал долгую паузу. – Что на все это можете сказать, товарищ подполковник Государственной Безопасности? – последние слова он произнес с нескрываемым подтекстом.

Баркун тоже какое-то время медлил с ответом, потом, не избегая прямого и немигающего взгляда Шадрина, негромко проронил:

– Надо всё тщательно обдумать и проанализировать, товарищ полковник.

– Поздно анализировать, поздно обдумывать! – гневно возвысил голос Шадрин и потемнел лицом. – Человека больше нет на этом свете! Невинного, скорее всего, человека!

Глава 6

СПЕЦТЕЛЕГРАММА № 004

«Чита, Шадрину

«Воздух!!!»

На ваш запрос от 12. 06. 1942 г. по установлению данных на гр-ку Борисенко Елену Анатольевну, сообщаяю: Борисенко Е. А. (урожденная Якубова), родилась 27. 03. 1900 г. в гор. Ишим, Омской губернии в семье агронома Якубова А. И. В 1919 г. окончила Омскую женскую гимназию, работала учительницей в одной из школ Ишима. В 1922 г. прошла переаттестацию на курсах усовершенствования учителей в Москве, в этом же году вышла замуж за Борисенко Владимира Леонидовича, работника аппарата Омского Губкома, бывшего политработника Красной Армии. В 1923 г., у супругов Борисенко родился сын Павел. В конце 1927 г., Борисенко В. Л. был направлен в село Ожогоино, Ишимского уезда, для организации в данной местности продотрядов для изъятия излишков зерна у кулаков и осуществления высылки их семей в необжитые края. Прибывшая вместе с мужем в Ожогоино, Елена Борисенко работала в созданной при сельской школе ячейке ОДН²⁵. Весной 1928 г., сопротивляясь проводимой в стране всеобщей коллективизации и продразверстки²⁶, кулаки, подкулачники и примкнувшие к ним крестьяне-середняки подняли мятеж, в результате которого по Ишимскому уезду прошла волна террора. В селе Ожогоино бандой, которую возглавлял бывший белогвардейский вахмистр Винник З. М., были зверски убиты члены комбеда, представители Советской власти, активисты. Семья Борисенко также была убита и сожжена в собственном доме в ночь на 03. 05. 1928 г.

ДОПОЛНИТЕЛЬНО: Предвидя ваши дальнейшие запросы по ходу розыска, сообщаяю: после ликвидации кулацкого мятежа, выездной сессией Народного Суда СССР, состоявшегося 16 – 17. 09. 1928 г., в селе Ожогоино, осуждены нижеследующие участники восстания:

К исключительной мере социальной защиты – расстрелу:

- 1. Винник Зиновий Михайлович.*
- 2. Варава Бронислав Станиславович.*
- 3. Волобуев Петр Иванович.*
- 4. Гармаш Всеволод Антонович.*

К лишению свободы сроком на двадцать лет, с содержанием в колонии строгого режима и с конфискацией личного имущества:

- 1. Вьюков Афанасий Акентьевич.*
- 2. Гауф Михель Арнольдович.*
- 3. Гузеев Юрий Иосифович.*
- 4. Прокудин Андрей Саввич.*
- 5. Самохин Прокопий Алексеевич.*
- 6. Скрынник Иван Ипатьевич.*

К лишению свободы сроком на пятнадцать лет, с содержанием в колонии усиленного режима и с конфискацией личного имущества:

- 1. Андришкин Никанор Авксентьевич.*
- 2. Козлов Никита Маркелович.*

²⁵ ОДН – Общество «Долой неграмотность!»

²⁶ Продразверстка – проводимое Советской властью насильственное обложение крестьян налогом в виде зерновых.

К лишению свободы сроком на семь лет, с содержанием в колонии общего режима:

1. Лапардина Наталия Осиповна.
2. Насекина Мария Егоровна.
3. Сапогова Алевтина Павловна.

Скрывшиеся после подавления мятежа нижеследующие члены банды осуждены заочно и приговорены:

К исключительной мере социальной защиты – расстрелу:

1. Логвинов Леонтий Юрьевич.
2. Попков Михаил Моисеевич.

К лишению свободы сроком на двадцать лет, с содержанием в колонии строгого режима и с конфискацией личного имущества:

1. Мыльников Аркадий Афиногенович.
2. Пушкарев Игнатий Савельевич.
3. Самороков Трофим Ильич.

За отсутствием состава преступления освобождены из-под стражи в зале суда:

1. Смородникова Пелагея Гурьевна.
2. Хандога Василий Титович.

14. 06. 1942 г.

Зам. нач. контрразведывательного отдела
майор Сахно И. П.»

Полковник Шадрин отложил телеграмму, тяжело поднялся из кресла, по укоренившейся с годами привычке, подошел к окну. Несколько минут стоял неподвижно, соединив кисти рук за спиной, в глубокой задумчивости глядя на пустынную улицу.

«Война, война... – думалось ему. – Даже здесь, в тыловом городе, её неминуемый признак – безлюдье».

Вернувшись к столу, он нажал кнопку вызова, у двери тотчас же вырос бравый, затянутый в «рюмку», в надраенных сапогах, румянощёкий юный лейтенант-порученец.

– Слушаю, товарищ полковник.

– К одиннадцати тридцати майора Степанова и его личный состав ко мне на совещание.

– Есть! – лейтенант молодцевато козырнул, с четкой фиксацией повернулся и вышел.

Пока сотрудники, двигая стулья, рассаживались, как обычно, по обе стороны длинного стола, Шадрин внимательным взглядом прошелся по их лицам, подумал:

«Устали... Устали до предела. А отдыха, как видно, не предвидится».

Полковник заговорил, и голос его был непривычно глух:

– Итак, преступники нас снова опередили! Убийство Бородина, диверсия на шахте и налет на Кондинскую ветеринарную лечебницу – дело рук все той же неуловимой группы. Её удары становятся ощутимее и теперь совершенно бесспорно, что это не уголовная шайка. Версия майора Степанова возобладала над версией... – он хотел, было сказать: «над версией подполковника Баркуна», но усилием заставил себя не сделать этого, и закончил, – над версиями других товарищей. Самое страшное, что никак нельзя предугадать логику дальнейших действий налетчиков. Кто знает, на какое преступление они пойдут уже завтра, где снова прольется кровь? Следов опять минимум: и на шахте, и на месте убийства Бородина, и на ветлечеб-

нице. Единственная примета – способ убийства и все тот же пистолет – «Парабеллум». Вчера начальник Управления и я были приглашены на совещание в Областной Комитет партии, где было высказано немало справедливых упреков в наш адрес, – Шадрин взял со стола сложенную газету «Труженик Забайкалья» и потряс ею. – Опубликованная статья вызвала негативный общественный резонанс, породила немало кривотолков среди местного населения. Каждый успех террористов – это очередной минус нам, контрразведчикам! Руководство области понимает, как трудно работать сейчас: многие наши сотрудники на фронте, на каждого из оставшихся легла двойная нагрузка. Но мы обязаны, сделать невозможное! – Шадрин бросил газету на стол, повторил, придав голосу еще больше твердости. – Обязаны! И к нашему счастью, появились, наконец, кое-какие зацепки на реализацию. Майор Степанов, ознакомьте присутствующих с содержанием телеграммы из Омска.

Тот подчеркнуто медленно зачитал текст. Возникла тишина, чекисты обдумывали услышанное.

– Прошу высказываться, товарищи, – предложил Шадрин. – Каждую мелочь нужно осмыслить и проанализировать. Пожалуйста, Григорий Семенович, – кивнул он Степанову.

– Думаю, что теперь многое встало на свои места, – начал майор. – Прежде всего, я имею в виду осужденного под номером один во втором абзаце, Вьюкова Афанасия Акентьевича. Слух о том, что он активно боролся против Советской власти, подтвердился. Прояснилось и про Елену Анатольевну Борисенко. Настоящая Борисенко убита вместе с мужем и ребенком в Ожогино, а по ее документам в поселке Еремино все эти годы проживала неизвестная женщина. И квартировала она именно у бывшего купца-миллионера Вьюкова Акентия Филатовича, отца осужденного преступника. Тут есть какая-то закономерность, и нам необходимо её уловить.

– А что, если это была жена Афанасия Вьюкова? – высказал догадку один из оперативников. – Участвовала вместе с ним в антисоветской деятельности, потом сумела скрыться.

– Если она и являлась женой Вьюкова, то только неофициальной, гражданской, как принято говорить, – возразил Шадрин.

– Почему? – спросил кто-то.

– Да потому, что жена, коль она соучастница преступлений мужа, никогда не поедет жить к свекру. Ее бы там рано или поздно выловили. Лжеборисенко потому безбоязненно поселилась у старика Вьюкова, что никакого официального отношения к его сыну не имела, по всем документам он проходил как холостяк. А раз так, то следователям и в голову не пришло ее в Еремино искать.

– Мне кажется, что птичка, которая оттуда упорхнула – высокого полета, – сказал капитан Бутин. – Самое малое – подрасстрельная статья над ней висела. И круга она, скорее всего, не уголовно-бандитского, все-таки учительницей была. Да и неплохой, говорят...

– Уверен, эта ереминская Лжеборисенко человеком для Вьюкова являлась далеко не безразличным. Именно поэтому он так долго и упорно ищет подходящую по возрасту и статусу женщину, и находит её в селе Ожогино. Краденые документы – в карман, их владелицу – в огонь. И концы в воду! Согласитесь, товарищи, добывать документы путем такого зверского убийства для кого-то постороннего он не стал бы, – попытался выстроить логическую цепочку Степанов. – А в том, что в уничтожении семьи Борисенко Вьюков принимал самое непосредственное участие, теперь нет никаких сомнений.

– Согласен, – кивнул Шадрин. – Кстати, что у нас нового по местам отбывания наказания ишимских повстанцев, Григорий Семенович?

– Пока что пришли ответы из семи точек, результат нулевой. С часу на час жду вестей еще из нескольких мест.

– Добро. Кто еще желает высказаться, товарищи?

Поднялся капитан Неустроев:

– Думаю, нам нужно раскидывать невод пошире, – он произвел руками характерный рыбацкий жест. – Розыск этой самой Лжеборисенко не ограничивать только масштабами ишимского мятежа. Предлагаю сделать немедленный повторный запрос в Омск, пусть поднимут архивы двадцатых годов по всей губернии на предмет проходивших по антисоветской деятельности женщин. Также пусть выяснят всё об окружении Афанасия Вьюкова в те времена, и особое внимание обратят на женщин.

– Хорошо, – поддержал его Шадрин, – как говорят французы: «Ищите женщину!» Найдем, ниточка, глядишь, и потянется. Займитесь этим вопросом, капитан. Немедленно телеграмму в Омск за моей подписью, литер – «Воздух!». Еще предложения есть?

– Что будем делать с пулеметчиком Павлом Борисенко? – спросил Степанов. – Мое мнение такое: по этой семье отрабатывать каждую версию, даже самую безнадежную. Тут любая зацепочка дорога.

– Н-да, – вздохнул Шадрин. – Нужно посылать кого-то на передовую. Предлагайте, Григорий Семенович. Тут надо бы фронтовика, ему привычнее в боевой обстановке работать.

– В таком случае, – майор чуть приметно улыбнулся, – отрядим лейтенанта Тихонова: он и работник напористый, и фронтовик вчерашний.

– Я готов, – встал молодой офицер.

– Вот и отправляйтесь, лейтенант, – сказал Шадрин. – Завтра «Дуглас» штаба Округа летит до Москвы, я свяжусь с командующим Воздушной Армией, вас захватят, а там уж на перекладных.

– Мне на перекладных привычно, товарищ полковник, – согласился Тихонов. А Шадрин, обращаясь уже ко всем, продолжил:

– Итак, товарищи, от нас ждут результативных действий. Всё побочное, чем занимается ваш отдел, майор Степанов, сегодня же передать капитану Рекотову и вести отныне только это дело. В помощь вам выделяется по несколько сотрудников из каждого подразделения. Несмотря на острейшую нехватку оперативного состава, руководство идет на этот шаг, тем самым оголяет... – возникший у дверей лейтенант-порученец заставил Шадрина прерваться.

– Извините, товарищ полковник, – предупредительно-негромко сказал офицер, – на имя майора Степанова поступила срочная телефонограмма, – он подошел к столу, передал бланк. Его текст гласил:

«Осужденный 17 сентября 1928 г. в селе Ожогоино выездной сессией Народного Суда г. Омска, активный участник Ишимского кулацкого мятежа, Вьюков Афанасий Акентьевич, приговоренный по статье № 58, пункты: 2, 9, 10 УК СССР к лишению свободы на 20 лет ИТЛ²⁷, с конфискацией имущества и с последующим поражением в правах на 5 лет, отбыл срок наказания 13 лет в ИТЛ строгого режима «СЛОН»²⁸ и был переведен в ИТЛ усиленного режима Сиблаг. 19. 05. 1941 г., находясь с партией заключенных на работах в тайге, совершил побег из лагерного лесоповального пункта. Вместе с Вьюковым А. А. бежал з/к Скрынник Иван Ипатьевич, приговорённый по статье № 58, пункты 2, 9, 10 к аналогичному наказанию, также являющийся участником Ишимского кулацкого мятежа и ранее отбывавший наказание в ИТЛ Воркутлаг. Организованными поисками беглецов задержать не удалось, судя по всему, побег готовился долго, тщательно и обеспечивался на воле кем-то из местных жителей. Вьюков А. А., и Скрынник И. И., объявлены во всесоюзный розыск.

15. 06. 1942 г.

Сиблаг, н/я АГ-247, начальник Томско-Нарымского спецлеспромхоза

²⁷ ИТЛ – исправительно-трудовой лагерь

²⁸ «СЛОН» – Соловецкий лагерь особого назначения.

ст. лейтенант НКВД Дудолод А. М.»

– Та-ак, – протянул Шадрин. – Сидел, себе, посиживал за колючкой гражданин Вьюков, а тут на тебе – старый знакомец Скрынник припожаловал в гости. И это ничто иное, как преступное рогозейство лагерной администрации, ведь сколько раз было говорено: подельников содержать врозь! Думаю, что именно с этой встречи и началась подготовка к побегу.

Уперев локти в стол, опутив тяжелый, с волевым прогибом подбородок на сцепленные в замок пальцы, он долго сидел молча. Потом вопросительно посмотрел на Степанова:

– Григорий Семенович, помнится по вашему докладу, учительница уехала из поселка Еремино где-то в конце августа сорок первого?

– Так точно, товарищ полковник, двадцать седьмого числа.

– А накануне к ней приезжал некто усатый-бородатый, якобы, старый приятель?

– Верно! – озаренный догадкой, подтвердил майор.

– А теперь мы знаем, что Скрынник и Вьюков бежали из Сиблага девятнадцатого мая! – с нажимом на слове «мая» проговорил Шадрин. – Что ж, за три с лишним месяца и бороду, и усы можно отрастить основательно. А он еще и очками обзавелся – с таким перевоплощением кто б его признал!

– Тем более что жил Вьюков в Еремино до революции всего несколько лет, – развил мысль полковника капитан Бутин. – Времени-то сколько прошло – четверть века. Его и так никто бы не вспомнил.

– Что ж, товарищи, – с нотками удовлетворения в голосе, сказал Шадрин. – Теперь с полной определенностью можно сказать, кто именно приезжал в Еремино. Призрак, наконец-то, стал обретать зримый облик.

СПЕЦТЕЛЕГРАММА № 0016.

«Чита, Шадрину

«Воздух!!!»

На ваш дополнительный запрос от 14. 06. 1942 г. по установлению данных на женицин, участниц в антисоветской деятельности по Омской губернии в 1920/30 г.г., имевших, предположительно, контакты с Вьюковым А. А., сообщаю:

Допрошенная в качестве свидетеля, отбывшая наказание за участие в Ишимском кулацком мятеже, Насекина Мария Егоровна показала, что Вьюков А. А. являлся в то время одним из видных деятелей Губкома СТК²⁹ и прибыл в Ожогоино задолго до восстания для политического руководства боевым отрядом атамана Зиновия Винник.

Близко знавшая Вьюкова, Насекина хорошо помнит и ручается, что в то время он женат не был. Но однажды, на гулянке у настоятеля Ожогинской церкви отца Романищева И. Ф., находясь в пьяном состоянии, хвастливо заявил:

«Если бы не эта проклятая Советская власть, я бы сейчас миллионами ворочал: забайкальская пушнина и золото оказались бы в моих руках! Да и сибирское золотишко не проскочило бы мимо».

Исходя из реплики – «сибирское золотишко», нами проведена углубленная проверка архивных документов по данной тематике. Выяснилось, что в составе штаба СТК в Омске, в который входил Вьюков, числилась и некая Шидловская Ольга Дмитриевна, дочь крупного сибирского золотопромышленника, миллионера, Шидловского Дмитрия Сигизмундовича, который в

²⁹ СТК – Союз Трудового Крестьянства, контрреволюционная подпольная организация, ставившая своей целью свержение Советской власти вооруженным путем.

1921 г. ушел за границу вместе с остатками разбитой белой армии, и в настоящее время находится в Китае. (В публикациях белоэмигрантской прессы часто фигурирует его имя). Шидловская О. Д. представляет особый интерес потому, что является единственной женщиной фигурантом по вашему розыску, которой удалось избежать ареста и суда после разгрома Омской организации СТК в 1923 г. Следствием установлено, что Шидловская находилась на особом положении, ей было доверено командовать «группой террора». На её личном счету, по крайней мере, семь убийств, среди них крупный теракт в Омске в 1922 г., в результате которого были застрелены: начальник контрразведывательного отдела ВЧК Радкович С. М., его заместитель Бредис Л. Я. и шофер Протасов П. П. В 1924 г. Шидловская О. Д. осуждена заочно, приговорена к расстрелу, объявлена вне закона и объявлена во всесоюзный розыск.

Шидловская О. Д. родилась 10. 02. 1899 г. во французском Гренобле, где её отец завершал обучение в университете им. Жозефа Фурье на факультете: «Прикладная геология и горное дело». Сама Шидловская О. Д., после окончания Омской гимназии, училась в Варшавском юридическом университете на факультете: «Экономика и международное право». Закончив с отличием 3-й курс, вуз оставила и больше в него не вернулась.

Была ли Шидловская знакома с Вьюковым А. А., доподлинно установить не удалось, но косвенные признаки, указывающие на это, найдены в архивной папке: «Нарушения советско-китайской границы в 1922 – 1930 г. г.» Наряду с донесениями пограничников в ней хранилось частное письмо, не имеющее, казалось бы, никакого отношения к организации СТК и лично к Вьюкову А. А. Приложенная служебная записка поясняет, что расследование по письму не проводилось ввиду отсутствия оперативной перспективы. Но в связи с вашим запросом данный текст был рассмотрен под иным углом зрения, что позволило обнаружить ряд интересных моментов.

Датированное сентябрем 1926 г., это письмо было найдено у разведчика-связника, следовавшего из Китая в Россию и убитого в перестрелке при переходе через казахско-китайскую границу вблизи пос. Жумышии (р-н соленого озера Тэке). Письмо адресовано Ворониной Наталье Константиновне до востребования на Главпочтамте г. Омска. Поставленное на контроль, оно так и не востребовалось, и было изъято через полгода. Понимая, что вам необходимо иметь характеристику почерка, высылаем письмо спецпочтой, а для экономии времени телеграфируем выделенный из него фрагмент, безусловно имеющей важное значение для вашей разработки:

«...Моя незабвенная красавица, надежда и суть всей моей жизни!

С самого рождения ты росла в царской роскоши, имела возможность не отказывать себе ни в чем, была одарённой и целеустремлённой личностью, смогла многого добиться. Тебе всегда сопутствовала удача, ведь недаром все наши близкие говорили, что ты: «Богом поцелованная». Впереди была интересная и яркая жизнь, но свою судьбу ты предопределила сама и мне безумно горько осознавать, что, не смотря на мои уговоры, вернулась из Польши в Россию, чтобы включиться в борьбу, забравшую к тому времени уже миллионы русских жизней и результат которой, был, увы, предрешен.

Безмерно сожалею, что не был достаточно убедителен и настойчив, предлагая прекратить противостояние с большевиками, эмигрировать вместе со мной в Китай, пригласив и своего возлюбленного А. В., о котором ты всегда отзывалась в самых превосходных степенях как о верном соратнике по борьбе и достойнейшем человеке.

Конечно, эмиграция не сахар, но при налаженном бизнесе и устойчивом финансовом положении жить в Китае можно вполне комфортно. У тебя появилась бы возможность отправиться в любую европейскую или азиатскую страну, чтобы создавать свое будущее в свободном от коммунистической тирании обществе. А сейчас, когда всё проиграно, ты, дворянка,

вынуждена влачить жалкое существование в одной компании с неандертальским быдлом. Что ж, на все воля Всевышнего...

Любимая дочь моя, об одном лишь теперь умоляю: береги себя и моего единственного внука, Дмитрия. Помни, Оленька, ближе вас, двоих, у меня на свете больше нет никого. Свято верю в то, что удача не обойдет нас стороной, что все мы, наконец, встретимся и будем счастливы и неразлучны навсегда...»

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что письмо из Китая, в котором упоминаются: «царская роскошь, внук Дмитрий и дочь Оленька», было адресовано именно Шидловской О. Д., проживающей в СССР по документам Ворониной Н. К. (Предположительно, под этой фамилией Шидловская вернулась в Россию из Польши. Однозначность своей настоящей фамилии не позволила бы ей поступить иначе).

Фраза же о «возлюбленном А. В.» с большой долей вероятности позволяет судить о том, что Шидловский подразумевает Афанасия Вьюкова. Так как «...верным соратником по борьбе...» мог быть лишь член штаба Омского СТК, а в прочих антисоветских организациях Ольга Шидловская не состояла. Совпадая по возрасту, образованию, принадлежности к высшему сословию, социальному статусу и политическим воззрениям, она вполне могла контактировать с Вьюковым.

ВАЖНО!!! Возможность использовать агентурный канал связи в личных целях, бесспорно указывает на то, что предприниматель Шидловский Д. С. имеет самое непосредственное отношение к японско-белоэмигрантской разведке.

17. 06. 1942 г.

*Зам. нач. контрразведывательного отдела
майор Сахно И. П.»*

«Вот ты и прорезалась, наша незабвенная польская красавица!» – полковник Шадрин положил в папку бланк спецтелеграммы, устало, но удовлетворенно усмехнулся. – «Версия капитана Неустроева дала нужный результат, его «невод» сработал на все сто. Исчезнувшая в никуда из таежного поселка Ерёмино, учительница Елена Анатольевна Борисенко, обрела, наконец-то, свое истинное лицо. Да, нескудная судьба получилась у пани Шидловской: и поучиться успела, и повоевать, и ребенка родить, и учительницей поработать... Жила под одним именем, занималась террором под другим, несомненно, что имеет в запасе еще несколько чужих биографий и залегендироваться под очередной личиной готова в любой момент».

Шадрину, прожившему в Польше не один год, имевшему дело с самыми разными представителями польского общества, было предельно ясно, почему Шидловская состояла в антисоветской организации и занималась террором под своей настоящей фамилией – традиционная шляхетская чванливая суть и спесивый гонор польской знати были тому причиной. Родовитой ли дворянке бояться этих примитивных русских холопов!

Но, тем не менее, и проживала в СССР, и за посланиями из Китая приходила с паспортом советской гражданки Натальи Ворониной! А, значит, все-таки боялась... Боялась! Омские контрразведчики были абсолютно правы – с её истинной фамилией путь вёл только к расстрельной стенке.

Но почему впоследствии её перестала устраивать биография Натальи Ворониной, по какой прихоти захотелось примерить на себя очередную? И ведь настолько захотелось, что потребовала у своего сожителя, Афанасия Вьюкова, предоставить эту самую биографию во что бы то ни стало! Вот так и появилась в двадцать восьмом году в поселке Ерёмино учительница Елена Анатольевна Борисенко, урожденная Якубова.

И по какой причине тогда, в середине двадцатых, когда контрреволюционная организация СТК была разгромлена, Шидловская не воспользовалась «окном» на казахской границе, чтобы уйти с очередным связником-маршрутником за кордон, в объятия отца-миллионера... Что это было: трусость, оголтелая идейная ненависть к Советам, непроходящее желание убивать или надежда на то, что еще есть какой-то шанс изменить государственное устройство России?

«Что ж, может быть, и мы когда-нибудь узнаем обо всем, – подумалось Шадрину. – А пока, как ни крути, как ни верти, но появилась еще одна расшифрованная персона из этой запутанной и драматичной истории. Значит, не зря народный хлеб едим!»

Ко времени получения вышеизложенной информации полковник также имел дополнительные сведения по диверсии на шахте «Октябрьская». За три месяца до этого происшествия из бригады горняков дезертировал находившийся на «брони» от призыва в действующую армию, навалотбойщик Черва Анатолий Федорович, бывший взрывник, снятый с должности за служебную халатность и злоупотребление алкоголем, осужденный в 1940 году за злостное хулиганство по статье № 162, параграф «В» на один год исправительных работ. Незадолго до дезертирства с производства, он развелся с женой, оставив ее с малолетним ребенком. Активный розыск результатов не дал, Черва бесследно исчез.

Глава 7

Вскоре после налёта бандитов на «Пороховые склады» Александр Николаевич Шадрин был экстренно вызван на приём к уполномоченному УНКВД СССР по Дальнему Востоку. Предчувствие чего-то недоброго охватило его. Он понимал, раз отрывают от работы в столь сложное время, то ничего хорошего ожидать не стоит. На эту же мысль наводил и текст телефонограммы, сухой, предельно краткий, никак не объясняющий причины вызова:

«Начальнику контрразведывательного отдела полковнику Шадрину А. Н. немедленно прибыть в УНКВД дальневосточного края.

Комиссар государственной безопасности 2-го ранга Гоглидзе С. А.»

Связавшись, как он обычно поступал в подобных случаях, с командующим авиацией Военного Округа, полковник уточнил время вылета и понял, что заехать домой уже не успеет, попутный «Дуглас» уходил на Владивосток ровно через час. Собственно, заезжать было и не к чему: «тревожный», как шутливо он его называл, чемоданчик с вещами первой необходимости всегда находился в кабинете, а жене Александр Николаевич позвонил, чтобы предупредить о своем убытии. К его великой досаде, дежурная медсестра эвакогоспиталя ответила, что хирург Шадрин проводит срочную операцию и подойти к телефону не может. Он попросил передать, что улетает, что не знает, когда вернется, и положил трубку. Горько усмехнувшись, подумал:

«У меня срочно, у нее срочно... Когда же все это закончится? Будь проклята война! Даже за тысячи километров от нее люди не могут по-человечески проститься». Он вдруг поймал себя на слове «проститься» и ощутил холодок под сердцем. И еще ему подумалось, что это, вероятно, плохое предзнаменование, что им не довелось поговорить. Не однажды он уходил на смертельно-опасное дело и всякий раз ему так или иначе удавалось проститься с Верой.

Он с минуту смотрел на телефон невидящим взглядом, потом решительно встряхнул головой, прогоняя оцепенение, и, поднявшись из кресла, стал торопливо собираться. Вызванному заместителю, пожилому седовласому подполковнику Рутковскому, дал несколько указаний, заметил, что срока своего возвращения не знает, затем, попрощавшись, спустился к подъезду, где его ждал автомобиль.

На пути к аэродрому начался дождь, вскоре перешедший в ливень. «Дворники» едва справлялись с потоками воды на ветровом стекле «эмки». Шадрин задумчиво смотрел то на пенящуюся ручьями песчаную дорогу, то на угрюмое, хмурившееся черными тяжелыми тучами небо. Мрачные, подстать погоде, мысли одолевали полковника. Он промолчал весь путь и лишь перед самым КПП аэродрома глухо сказал, обращаясь к порученцу, сидевшему на переднем сидении:

– Передайте майору Степанову, чтобы активизировал розыск шахтера Червы: родственники, знакомства, друзья-приятели, женская линия... О моем вылете доложите в Хабаровск с указанием точного времени старта.

– Слушаюсь, товарищ полковник!

Временный полевой аэродром был густо заставлен легкими, изящными на вид «Аэробрами», «Харрикейнами», «Томахауками», «Киттихауками», «Бостонами», приземистыми тупоносими «Боингами», и прочей летающей техникой, доставленной сюда с Аляски летчиками перегонных полков по Ленд-лизу³⁰. «Дуглас», готовившийся к рейсу на Владиво-

³⁰ Ленд-лиз (англ.) – Давать взаймы. Государственная программа США о поставках союзникам по антигитлеровской коалиции военной техники, боеприпасов и стратегического сырья.

сток, прогревал моторы, постреливая в выхлопные патрубки синеватым дымом. Вращающиеся винты образовывали в затихающем дожде два белёсых нимба.

Вылет задерживался по метеоусловиям, и Шадрин с сожалением подумал, что сейчас, наверное, Вера уже освободилась, но отсюда, с летного поля, поговорить с ней по телефону, конечно, не удастся.

Наконец, дождь стих окончательно. И командир экипажа, молодой, веселый и подвижный цыгановатый капитан в сапогах в гармошку, в широченных фасонистых галифе и в потертой шевретовой лётной куртке, молния которой была расстегнута ровно настолько, чтобы виделся новенький орден Ленина на гимнастёрке, доложил незнакомому Шадрину, авиационному генерал-лейтенанту, о готовности к вылету.

Рева мощными двигателями, «Дуглас» тяжело протрясся по раскисшей грунтовой взлетной полосе и, оторвавшись, завис в воздухе, разрезая камуфлированными крыльями небесные хляби. На высоте корабль снова вошел в осадки. Сначала струи дождя пересекали квадратный иллюминатор по диагонали, потом потекли параллельно оконцу – машина набрала заданный эшелон и перешла в горизонтальный полет.

Оторвавшись от запотевшего стекла, Шадрин осмотрелся. Попутчиков было много: несколько авиационных генералов и полковников, что-то оживленно обсуждавших в передней части салона. Три общевоинских генерала, которые сразу же после взлета тесно сгрудились над развернутой крупномасштабной картой. Два пограничника-полковника. А на самых дальних сиденьях, в хвостовом отсеке, пара незнакомых офицеров в форме НКВД и между ними средних лет мужчина в приличном гражданском костюме – единственный штатский на борту. Еще на аэродроме Шадрин заметил, что эти трое держались обособленно, ни с кем не разговаривали, а на посадку прошли первыми. И еще показалось странным, что, идя под дождем, гражданский почему-то не надел плащ, в то время как его молчаливые спутники перед выходом из-под навеса набросили офицерские плащнакидки. Он и теперь продолжал сидеть, держа плащ между соединенными руками. Глядя на его отрешенное лицо, понурый вид, полковник догадывался обо всем, но почему-то боялся признаться себе, что его догадка верна. Вскоре после старта он оглянулся и заметил, что человек в штатском поправляет прическу обеими руками, по-прежнему не снимая с них плаща. И Шадрин убедился, что думал правильно: на запястьях незнакомца змеисто блеснули наручники. Полковник вдруг поймал на себе пристальный взгляд одного из конвойных и невольно подумал:

«А что, если всё это – бутафория? Может, они – мой конвой?»

Уж кто-кто, а он, Шадрин, знал: задержание в пути – самый распространенный и излюбленный метод ареста. Профессионалы такого рода деятельности в НКВД были высокого класса. Человек убывал в командировку или в отпуск – и не возвращался.

Чтобы отвлечься от мыслей, тревожащих душу, он снова стал смотреть в иллюминатор, пытаясь через мутную рвань слоистой облачности увидеть землю, а мозг настойчиво всё сверлил и сверлил мучительный вопрос:

«Неужели, неужели...?»

И почему-то он вдруг отчетливо вспомнил и прочёл в себе те, теперь уже далекие, ощущения ужаса и кошмара, которые давно надо было забыть, но которые всё никак не забывались да, наверное, и не могли забыться до конца его дней.

... Он увидел покатым зелёным пригорком, и на нём целый ряд зеркально поблескивающих кружочков. А над ними и под ними – всё сплошь золотое или серебряное, сразу не разобрать на искрящемся утреннем солнце... Кружочками были цейссовские бинокли, а золотом и серебром сияли аксельбанты, эполеты, галуны и кокарды на конфедератках офицеров-шляхтичей. Сашка прекрасно видел их и без бинокля, потому что белополяки расположились совсем недалеко, расстояние от них до виселицы, может, какая-нибудь сотня шагов. Сидели вальяжно, как в театре, развалившись на стульях. Дымили сигарами, похлопывали офицерскими стеками

по надраенным голенищам сапог, оживлённо переговаривались. И лишь некоторые, молча, с каменной неподвижностью, смотрели в бинокли, и было понятно, почему они так смотрят: зрители боялись пропустить хотя бы одно движение, они желали досконально разглядеть, как судорожно покривятся губы смертника в сдавленном рыдании, как перед надеванием на шею удавки зажмурятся, а то и вовсе закроются глаза, как ватно подкосятся ноги...

Но самым главным для них было все же то, чего он, Сашка Шадрин и его товарищи уже не смогут видеть, ощущать и контролировать. Это произойдет, когда под босыми ногами вдруг возникнет гибельная пустота, горло беспощадно туго сдавит колючая веревка, а лицо исказится мучительной судорогой.

И вот именно этого мига так напряженно ждали зеркально-ледяные глаза биноклей. Ждали, чтобы десятикратно увеличить, приблизить и расшифровать последнюю смертельную муку на лицах обречённых.

А самому Сашке, почему-то, была страшна сейчас не собственная смерть, а смерть тех, шестнадцати, кто умер до него. И это было по-настоящему жутко, видеть, как расставались с жизнью пятнадцать товарищей и как сейчас, дергаясь на виселице, прощается с ней шестнадцатый. Нужно было, мертвея от лютого страха, ломать его в себе и, собрав всю волю, все духовные силы, не показать убийцам того, что они хотели увидеть. И ждать, когда очередного казненного вынут из петли, и она освободится для него, Александра Шадрина!

А на виселице затихал Петр Бицура, товарищ по подполью, большевик, чекист. Тот самый Бицура, которому на допросах выломали руки на дыбе, но который, так и не проронил ни слова. Ему палач узел петли сдвинул на лицо, перед тем как выбить из-под ног табуретку. И Сашка понял, для чего: узел, смещенный на лицо – лишняя минута жизни обреченному. Это его лишняя конвульсия, это его лишняя боль и мука, потому что подбородок не дает петле затянуться мгновенно и горло еще какое-то время пропускает воздух...

Но ведь это еще и лишний импульс смачного и сладострастного наслаждения для садистов, закосневших в пытках и погрязших в безнаказанных убийствах, тех, кто неотрывно смотрит сейчас в «цейссы» и получает дополнительное удовольствие. Потому, что, если убивать обыкновенно: расстреливать, закалывать штыками или топить в воде – это слишком примитивно, мало будоражит кровь, и почти не вздергивает нервов, если в казнях нет того, особенного, палаческого изощренного шика и утончённого профессионализма. Из-за этого, очевидно, и вешают сегодня не всех сразу, а по одному, чтобы еще и здесь извлечь что-то новое, чуть необычное...

... Он очнулся от ослепительной вспышки грохочущего разрыва, расшвырявшего толпу золотопогонных зрителей. Какое-то время дико смотрел в квадратное оконце и никак не мог понять: лопасти пропеллера сабельно рубят искрящийся солнечный воздух или пашки котовцев, сверкая, кромсают белую шляхту на круглом широком майдане украинского городка. Глянув на часы, Шадрин с удивлением обнаружил, что проспал без малого пять часов.

– Разве мы нигде не садились? – обратился он к капитану-авиатору, подошедшему в эту минуту к его креслу. – Спал так глубоко, что вполне мог не ощутить...

– Еще нет, – пояснил тот. – На самолете этого типа двадцатибачная система бензопитания, соответственно – бо'льшая дальность. Через полтора часа посадка на дозаправку в Благовещенске, до Хабаровска не дотянем – сильный встречный ветер. Генерал-лейтенант приглашает вас, товарищ полковник, на обед. Если хотите умыться, пройдите в хвостовой отсек.

Отстегнув привязные ремни, Александр Николаевич поднялся с кресла.

Хабаровск поразил Шадрина обилием военных на улицах. Повсюду, куда только не посмотри: кителя и гимнастерки, черные матросские бушлаты, колонны и колонны пехотинцев. Пропустив вереницу грузовиков, набитых вооруженными солдатами, полковник наискось пересек обширную площадь, предъявил часовому удостоверение и решительно открыл

тяжелую дверь в здание дальневосточного Управления НКВД. Последний раз он был здесь около полугода назад и теперь с удивлением отмечал большие перемены: в коридорах, некогда солидно тихих, сейчас былолюдно, вокруг стояла сутолока, все куда-то спешили, это было как-то нехарактерно для данного учреждения.

Сообщив о прибытии дежурному старшему лейтенанту, Шадрин услышал в ответ:

– Комиссар 2-го ранга Гоглидзе срочно убыл в Москву, вас, товарищ полковник, примет начальник контрразведывательного отдела, сейчас я ему доложу, – офицер снял с аппарата телефонную трубку, коротко переговорив с кем-то, сказал Шадрину. – Пройдите в кабинет номер три, вас ждут.

Отыскав нужный кабинет, Шадрин, коротко постучав, вошел и плотно прикрыл за собой дверь. Навстречу ему из-за стола поднялся невысокого роста полноватый человек с наголо обритой головой, с ромбами комиссара государственной безопасности на краповых петлицах кителя. Блеснув нарукавными золочеными шевронами-угольниками, он приветственно раскинул руки, стремительно зашагал навстречу. И не успевший еще произнести ни единого слова, ошеломленный Шадрин тотчас же узнал его. Это был Андрей Иванович Севастьянов, человек, с которым было связано очень многое в прошлом, и которого он никак не ожидал увидеть живым.

– Ну, здравствуй Александр Николаевич, – заметно грассируя на букве «р», взволнованно произнес Севастьянов, обнимая полковника. И еще не зная, о чем пойдет речь дальше, тот вдруг ощутил огромное облегчение.

– Здравствуй, Андрей Иванович, – волнуясь так же, как и хозяин кабинета, проговорил он, отвечая крепким объятием. – Вот уж чего не ожидал, так не ожидал! Летел-то на встречу не с тобой, а с Гоглидзе...

– В Москве он сейчас, срочно вызвали на важное совещание, а меня оставил на хозяйстве, – Севастьянов кивнул на глубокое кожаное кресло и сам опустился в соседнее. – Присаживайся, Александр Николаевич.

– Значит, в той оперативной сводке была ошибка? – приходя в себя, спросил Шадрин. – А мы все считали, что...

– Правильно считали, – негромко и лукаво засмеялся Севастьянов. – Так и надо было считать, как всё было задумано.

– Понимаю, понимаю... – Шадрин не сводил изумленных глаз с товарища. – Чем занимался все эти годы, если не секрет?

– Теперь уже не секрет, торговать пришлось за родными пределами...

– Значит, в купцы-негоцианты подался?

– Пришлось, куда ж денешься... Теперь вот тут второй месяц.

Некоторое время они пристально рассматривали один другого.

– А и постарел же ты, сеньор коронель³¹ Алехандро Сандрино, – сказал, наконец, Севастьянов, грустно покачав головой.

– Да и ты не помолодел, сеньор хенераль-команданте³² Андриано Себастьян, – усмехнулся Шадрин, принимая его игру. – Уж извини, что величаю тебя прежним званием.

– А оно всё едино, что генерал-майор, что комиссар госбезопасности... – разрешающе махнул рукой Севастьянов и сокрушенно, но улыбочиво, добавил. – Скажем прямо, ещё совсем недавно мы смотрелись побойчее. Но давай утешимся тем, что старость – это главная заслуга прошлых лет.

Он шутил, но в глубоко посаженных зеленоватых глазах боевого товарища, Шадрин ясно видел тревогу и исподволь готовил себя к тому, главному, ради чего так экстренно был вызван

³¹ Коронель – полковник (испанск.)

³² Хенераль-команданте – генерал-майор (испанск.)

сюда. И, видимо, уловив его душевное состояние и оттягивая время, давая тем самым собраться и успокоиться, Севастьянов спросил:

– Если мне не изменяет память, в последний раз мы виделись в тридцать шестом, где-то на Бискайском побережье: в Овьедо или Бильбао?

– Нет, это было в июне тридцать седьмого, – подумав, уверенно сказал Шадрин, – в штабе двенадцатой ударной, перед наступлением на Уэску.

– Несостоявшимся наступлением...³³ – угрюмо добавил Севастьянов.

– Время-то как летит, а? – задумчиво промолвил Шадрин. – Будто вчера это было, а на самом деле всё в далеком-далеком прошлом.

– Прошлое не вернешь, за будущим не угонишься... – всё так же невесело констатировал Севастьянов. – Истина незыблемая и вечная. И ничего тут не попишешь.

Они немного помолчали, мысленно вернувшись к событиям тех далеких дней.

– Как твоя семья, Александр Николаевич? – наконец возобновил диалог Севастьянов.

– У нас всё хорошо. Жена работает в эвакогоспитале хирургом. Ксения и Наталья, дочери, окончили институт, тоже врачуют. Ксения в тридцать девятом вышла замуж за однокурсника, так что я уже дед! – последние слова он произнёс с горделивой ноткой.

– Ну и кем господь сподобил? – улыбнувшись, задушевно спросил Севастьянов.

– Внуком. Уже три года герою! Там такой парнище... – на минуту сбросив напряжение, Шадрин просветленно засмеялся. Потом, будто спохватившись, спросил. – А, твои-то как, Андрей Иванович?

Смуглое лицо Севастьянова медленно закаменело.

– Осиротели мы с Марией, – прерывисто вздохнул он. – Виктор погиб в первые дни войны, а я об этом только недавно узнал. Он в Белоруссии служил начальником погранзаставы. Невеста была, семью собирались создавать. Не успели...

– Вечная память ему, – скорбно склонив голову, тихо произнес Шадрин.

Двое немолодых людей с минуту сидели в глубокой задумчивости.

– Приступим к делу, Александр Николаевич? – наконец заговорил Севастьянов.

– Приступим, Андрей Иванович.

– Как считаешь, зачем вызван сюда в таком срочном порядке?

– Если честно, то ничего хорошего почему-то не жду, – признался Шадрин.

– Все верно, – подтверждающе кивнул комиссар. – Ни повышения, ни ордена, к сожалению, предложить тебе не могу, – он поднялся из кресла, пересел за стол, очевидно давая этим понять, что их разговор перешел в официальное русло. Повернувшись к массивному сейфу, поочередно нажимая кнопки, набрал цифровой код, открыл дверцу, извлек тонкую красную папку и, протягивая ее Шадрину, сказал:

– Здесь пять шифровок, ознакомься с ними. Четыре помогут сориентироваться в оперативной обстановке последнего времени в Маньчжурии, а пятая ответит тебе на один очень важный вопрос... Я пока займусь своими делами, потом потолкуем.

Шадрин раскрыл папку и стал вчитываться в четкие строчки машинописного текста:

ШИФРОРАДИОГРАММА

«30 км [на] север [от] Хайлара построен полевой а/м. [В] конце мая [из] Ниигата туда перебазировано сводное авиасоединение. Командир – генерал-майор Якутара Иноуйё, начштаба – полковник Юкахиро Осумицу. Состав: 58-й тяжёлобомбардировочный полк – 37

³³ 11-го июня 1937 года началось наступление республиканских войск на важный стратегический пункт армии диктатора Франко город Уэску. Ударной группой при этом была 12-я интернациональная бригада под командованием венгерского генерала Лукача (Магэ Залки). Ввиду его гибели в самом начале операции, возникла штабная неразбериха, и наступление было сорвано. Впоследствии 12-й интербригадой командовал австрийский генерал Манфред Штерн (Эмилио Клебер).

[самолетов] «Мицубиси», Ки-21; 11-й легкобомбардировочный полк – 45 «Кавасаки», Ки-30; 9-я разведэскадрилья – 23 «Мицубиси», Ки-46; звено связи – 12 «Кокусай», Ки-76.

«Гао Шань».

ШИФРОРАДИОГРАММА

«[В] Квантунской новый главком – генерал-лейтенант Умэдзу Ёсидзиро. Обновленный состав [стратегической] группировки: 1 фронт (3 и 5 армии); 3 фронт (30 и 44 армии); 17 фронт (34 и 59 армии); 4 отдельная армия; 2 и 5 воздушные армии; Суйюаньская армейская группа; Сунгарийская флотилия. Соединения: 37 пехотных и 8 кавалерийских дивизий, 22 отдельных пехотных полка, 3 танковых полка, 4 кавалерийские бригад. (ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНО!!!) – бактериологический «Отряд-731» спецназначения, замаскированный под службу водообеспечения войск (командир – генерал-майор Китано Масадзо). Количество личного состава соединений: Квантунская – 700000, Маньчжоу-Го – 170000, В/Монголия – 150000 (командующий – Дэ Ван)³⁴. Техника: 1215 танков, 6708 орудий [и] минометов, 25 кораблей, 1907 самолетов».

«Гао Шань».

ШИФРОРАДИОГРАММА

«Срочная концентрация войск [на] Приханкайском, Ханьчуньском, Отпорском направлениях. Генерал-майор Гэндзоо Янагита организовал [для] белоэмигрантов офицерские курсы [в] Мукденском, Синьцзянском, Хинганском училищах. Специальности: связисты, разведчики, сапёры. [На] реке Нэньцзян создан учебный полигон, [где] подразделение «Асано-Бутай»³⁵, [под] руководством генерала Бакшеева³⁶ отрабатывает действия [по] форсированию реки, захвату плацдарма [и] удержанию [до] подхода основных сил».

«Гао Шань»

ШИФРОРАДИОГРАММА.

«[В] течение июня [из] Нагасаки – [в] Далянь [пришло] 29 [судов] [с] артиллерией, танками, личным составом. [Из] Оптама – [в] Хайлар срочно переброшено 14-е авиакрыло (63 истребителя «Накадзима», Ки-27). Командир – полковник Иитиро Токугава, близкий родственник Императора Японии, [по] материнской линии, 31[год] высокообразован, талантлив, стремительно продвигается [по] службе. Воевал [в] Монголии, Китае, Полинезии, 28 воздушных [побед], [с] получением генеральского [звания] предполагаемый командующий ВВС Квантунской».

«Гао Шань».

³⁴ Дэ Ван – (Демчи'к Донро'в) – князь Западного сунита Силингольского сейма. Один из создателей автономного государства Внутренняя Монголия, ярый пособник японских милитаристов. Возглавлял конно-пехотную группировку войск.

³⁵ В 1938 г. по инициативе полковника японской разведки Макото Асано на станции Сунгари-2 был организован русский отряд «Асано-Бутай», который впоследствии стал основой всех антисоветских военных формирований. В начале 40-х на его базе создан Захинганский казачий корпус. Его состав: монголо-бурятская кавбригада, три бригады забайкальских казаков, два Харбинских военных училища, пять погранично-полицейских батальонов, одиннадцать охранных отрядов на концессиях недропользования, Тяньцзинская волонтерская дивизия, четыре артполка и отдельная (особая) сотня. Данное формирование впоследствии было развернуто в «Российские воинские отряды» армии Маньчжоу-Го, после всеобщей мобилизации военно-служащих призывных возрастов насчитывало более 60 тысяч человек.

³⁶ Генерал-лейтенант Бакшеев А. П. – заместитель выборного походного атамана Забайкальского Казачьего Войска, генерал-лейтенанта Семенова Г. М.. Одновременно был Председателем воинского казачьего правительства. Расстрелян в 1946 г. по приговору Советского Суда.

ШИФРОРАДИОГРАММА.

«[По] инициативе «Токуму Кикан» [в] Харбинском разведотделе РОВС³⁷ обсуждались кандидатуры [для] заброски [в] Забайкалье, командовать группировкой «Свобода», состоящей [из] лесного партизанского отряда [в] 30 [человек] [и] городского подполья [в] 50. Рекомендованы: ротмистр Мороз Ф. В., штабс-капитан Дацкевич Н. Н., поручик Новицкий Е. Н., хорунжий Курков П. И., бывшие войсковые разведчики. [Из] частного разговора п-ка Таки³⁸ [и] атамана Семёнова: консульство Читы даст «Свободе» контрольное диверсионно-террористическое задание».

«Гао Шань».

Полковник Шадрин несколько раз перечитал радиogramмы, развернутые и логически обработанные шифровальщиками, сложил бланки в папку, медленно и сосредоточенно, как будто бы делал что-то чрезмерно ответственное, завязал тесемки.

– Гао Шань... – глухо произнес он. – На русский как переводится?

– Высокая гора, – ответил Севастьянов и поинтересовался выжидательно. – Ну, что скажешь обо всем этом?

– Что тут скажешь? Все донесения лишний раз подтверждают, что японцы продолжают усиливать стратегическую Квантунскую группировку, а значит, планов о нападении отнюдь не оставили, даже наша оплеуха немцам под Москвой не отрезвила. Их агентурная «деза» относительно того, что основную массу войск они перебрасывают из Маньчжурии на Тихоокеанский театр военных действий – полная чушь! Полк выводят – дивизию вводят. Даже «наших» беляков под ружьё сгоняют, Янагита ими командует, а уж он-то... – Шадрин не договорил, сделал паузу и попыток упрямо и как-то обреченно. – Отсюда вывод: расслабляться нельзя, не сегодня-завтра, грянет!

– Ну, это навряд ли... – возразил Севастьянов. – Токийская резидентура гарантирует, что в обозримом будущем японцы не нападут. Это позволило отправить на западные фронты десятки дальневосточных и сибирских дивизий. Жаль, что нельзя послать еще больше.

– Гарантия нашей агентуры, это конечно хорошо, но армию, соответствующую Квантунской, держать на китайской границе все же придется – а вдруг, возьмут да накинутся! – возмущенно проговорил Шадрин. – Черт бы побрал этих самураев, сами же после Халхин-Гола были инициаторами подписания Договора о ненападении.

– Сними розовые очки, Александр Николаевич... – снисходительно и одновременно зло усмехнулся Севастьянов. – У нас и с Германией был подписан Пакт Молотова – Риббентропа, а что из этого вышло...

Офицеры немного помолчали. Потом Шадрин со сложным выражением недоумения и стыда на лице, сказал:

– А вот о том, что на вопрос о неуловимой банде в Чите мне откроет глаза закордонный разведчик, да уж тем более ваш, дальневосточный агент, я и думать не мог... Значит, диверсионно-террористическая группа «Свобода»! Та-а-ак... Но каким образом она могла выйти на белоэмиграцию, товарищ комиссар?

– Единственным! С большой долей вероятности можно утверждать, что они установили непосредственный контакт с японско-маньчжурским консульством в Чите. Косвенно подтверждает это и наш резидент в Китае, – Севастьянов кивнул на бланки шифровок. – Во всяком

³⁷ РОВС – Русский Общевоинский Союз – белоэмигрантская организация с центральным штабом в Париже, на улице Колизе, имеющая филиалы в тех странах, где проживали российские эмигранты. Перед войной РОВС насчитывал около 70 тысяч человек.

³⁸ Полковник Та'ки – один из руководителей японской военной миссии (ЯВМ) в Маньчжурии.

случае, связь Харбин – Чита велась по дипломатическому радиоканалу. Задание для проверки японцы дали «Свободе» именно таким образом.

– Выходит, шахта «Октябрьская» и убийство секретаря райкома Бородина, это...

– Это был их экзамен на диверсионно-террористическую зрелость.

– Но как они могли организовать контакт с японцами из маньчжурского консульства? Ведь, кажется, глаз не спускаем, и на тебе!

– Хороший вопрос! Только ты не задавать должен, а отвечать на него, – с сердитой досадливостью изрек Севастьянов. – Прошляпили твои работнички, и втык, я думаю, получишь серьезный! Но об этом потом... А пока ясно одно: антисоветская группировка «Свобода» – существует, действует, и от этого факта не отмахнёшься!

– Как все же был дальновиден Степанов, – невольно вырвалось у полковника.

– О ком это ты?

– Есть у меня один офицер, редкого аналитического ума человек, – с особой теплотой в голосе пояснил Шадрин. – Ну, что ж, теперь дело принимает совершенно иной оборот, следовательно, мы ликвидируем банду значительно быстрее. Будем исправляться, раз виноваты...

Севастьянов смерил его долгим изучающим взглядом, весомо и подчеркнуто официально, произнес:

– А вот чтобы этого не произошло, вы и вызваны сюда так экстренно, товарищ полковник!

– Я не ослышался, товарищ комиссар? – искренне удивился тот.

– Никак нет-с! – отрицательно покачал головой Севастьянов. – Её не ликвидировать надо, а беречь, как зеницу ока. Эта самая «Свобода» должна просуществовать как можно дольше и это целесообразно со всех точек зрения. Задачи здесь три: первая – затеять с самураями серьёзную оперативную игру, чтобы получать сведения о их ближайших планах, глубоко анализировать их, и на основании этого, предугадывать действия против нас. Ведь если всё толково организовать, то контакт японцев с бандитами, это, прежде всего, будет контакт японцев с нами, не так ли?

– Так, – согласился Шадрин, а генерал продолжил:

– Вторая задача – использовать данную бандгруппировку в наших целях: пусть ее главари всю антисоветскую шваль по Читинской области под свое крыло собирают, у них этот вопрос, по-видимому, неплохо отработан. А позже мы с этими ребятами разберемся! Ну, и третья задача – принародно судить пойманных мерзавцев, чтобы другим неповадно было Родине изменять!

– Да, заманчиво, – одобрительно проговорил Шадрин. – Нам же и заботы меньше: не поштучно негодаев вылавливать, а разом срезать весь этот пласт нечисти.

– Так и есть! – подтвердил Севастьянов и бросил взгляд на часы. – Что ж, на сегодня, я думаю, хватит. Ты еще не устроился в гостинице?

– Нет, с аэродрома – прямо сюда.

– Тогда можешь быть свободен до завтрашнего утра, отдохни с дороги, подготовься к вопросам, их тебе завтра зададут немало, – Севастьянов протянул правую руку, прощаясь, а левую, с зажатым в пальцах квадратиком бумаги, резким движением поднес к глазам Шадрина. Чётким, убористым почерком на нем было написано:

«Улица Набережная-92, квартира-57, быть в 19.30. Проконтролируй тыл, если будет «хвост», его не срубай, уходи в гостиницу, пересечёмся позже».

Севастьянов с красноречивым взглядом взял со стола зажигалку, громко кашлянув и одновременно щелкнув ей, поднес язычок белого пламени к записке.

– До свидания, Александр Николаевич.

– Всего наилучшего, Андрей Иванович.

Глава 8

Комиссар госбезопасности Севастьянов поставил на журнальный столик бутылку «Столичной», выложил из портфеля продукты: кольцо ароматной копченой краковской колбасы, полбуханки свежее испеченного ржаного хлеба, плоскую овальную жестянку с норвежскими шпротами, стеклянную, с яркой зеленой этикеткой, баночку с маринованными огурцами. Шадрин с усталой полуулыбкой наблюдал за его действиями.

– Эй, любезный, подай-ка бокалы! – по-старорежимному распорядился Севастьянов и принялся нарезать закуски. Китель он снял, остался в белой рубашке, обжатой широкими подтяжками, и весь какой-то домовитый, невысокий, с солидным брюшком, был похож на некоего престарелого служаку-чиновника районного уровня, если бы не дорогого сукна наутюженные брюки с малинового цвета лампасами.

– Сей минут, ва-ше-ство! – угодливым лакейским тенорком подыграл ему Шадрин, выставляя на стол два небольших граненых стакана.

Осторожно оббив черенком ножа коричневый сургуч с горлышка, Севастьянов откупорил бутылку, наполнил стаканы до краёв. На удивленный взгляд друга отреагировал так:

– Давай по-русски, Сашка, по-полному! Знаешь, как поднадоел за «чертой» этот их «дринкен айн маль» да всякая подобная хрень, измеряемая миллиграммами!

– Согласен! – Шадрин кивнул. – За что выпьем?

– Прежде всего – за встречу, – почти торжественно произнес Севастьянов, поднимая стакан на уровень глаз. – Если б ты знал, как я рад видеть тебя живым.

– А я рад, что ты воскрес из... – Шадрин осекся, не желая произносить слово «мертвых», но тут же нашелся, – из небытия.

Они соприкоснулись звякнувшими стаканами и осушили их.

– Придави огурчиком, – Севастьянов придвинул тарелку поближе к другу.

– Благодарствую, – Шадрин захрумкал огурцом, ощутив, как водочный хмель горячей дурманящей волной пошел в голову.

– Еще по одной, да и поговорим, – предложил Севастьянов. – Скажи-ка тост.

– Он будет кратким, – Александр Николаевич посмотрел ему в глаза. – За победу, товарищ генерал!

– За победу, товарищ полковник!

Они выпили, и какое-то время с аппетитом закусывали. Шадрин первым отложил вилку, отодвинулся от стола, удобно положил ногу на ногу и охватил колено сцепленными в замок пальцами:

– Значит, говоришь, слушают?

– Так точно-с! Именно поэтому мы сейчас на конспиративной точке. Организовал её буквально на днях, ищейки пока не пронюхали. Ты, кстати, «хвост» посмотрел?

– Обижаете, ваше сковородие! – деланно оскорбился Шадрин и поинтересовался. – Хвост хвостом, а то, что в один подъезд зашли генерал и полковник – это как вписывается в окружающую среду?

– Вполне нормально, – успокоил Севастьянов. – Дом заселён старшим и высшим начсоставом штаба тыла ОКДВА³⁹, так что...

– Понятно. Ну, а чем вызвано такое недоверие к тебе?

– Если бы только ко мне... – вытирая губы бумажной салфеткой, невесело проронил генерал. – Я уже успел понять, сейчас тут многих слушают и почти за всеми следят.

³⁹ ОКДВА – Особая Краснознаменная Дальневосточная армия. С 1945 г. преобразована в КДВО – Краснознаменный Дальневосточный Военный Округ.

– Как засек? Хотя, о чем это я... – усмехнулся над своим же вопросом Шадрин.

– Это уж точно, – поддакнул ему Севастьянов. – Я бы, да не учуял.

– Шифровка из Маньчжурии на «липу» не похожа? Как-то уж всё... – сменил тему полковник и неопределенно pokrutil разведенными пальцами правой руки.

– Возникшую ситуацию мы проанализировали очень тщательно. И пришли к выводу, что это – не «де'за». Сообщили в Москву, Федотову, ну а он, естественно, доложил наверх, Меркулову... – при этих словах Севастьянов многозначительно воздел указательный палец и, заговорщицки понизив голос, добавил. – А уже тот – С а м о м у!

– Что ты говоришь!? – воскликнул пораженный Шадрин.

– Да, да! – подтвердил генерал. – «Хозяин» полностью в курсе событий. А как же иначе? В области взрывают шахты, убивают партийных секретарей, а ты думаешь, что Сталин этого не знает? Черта с два! Кстати, он горячо поддержал идею – поиграть с японцами в длительную оперативную игру. У него с самураями старые счёты!

– Вот, значит, как всё... – пробормотал полковник и, достав платок, промокнул внезапно проступившую на лбу испарину. А Севастьянов продолжал:

– Гоглидзе срочно вызвали в наркомат, на приём к Федотову по этому делу, а мне он поручил встретиться с Петросовым...

– Так в госпитале же Сурен Гургенович, – объяснил Шадрин. – Его еще даже не прооперировали, только готовят. Дело-то серьезное – лёгкие. А потом месяц, а то и два санаторного режима. Короче говоря, выбыл из строя, я думаю, надолго.

– Об этом нам сам Петросов сообщил, – не дал закончить Шадрину комиссар. – Наверное, грех такое говорить, но то, что он заболел, сейчас только на руку, и в первую очередь – тебе...

– Мне? – удивился Шадрин. – Но почему?

– А потому, что не бывает, худа без добра... Если бы у Сурена Гургеновича не возникло проблем со здоровьем, то в Хабаровск вызвали бы его, как будущего руководителя оперативной игры. Но всё случилось так, как случилось, ты сидишь передо мной, и это – замечательно!

– А что, без этого повода мы не могли бы встретиться? – в голосе Шадрина просквозила едва различимая обида.

– Могли, конечно, только вряд ли стоит лишний раз это делать: особо-то афишировать наше знакомство совершенно незачем...

– Как так?

– Да вот так! – сокрушенно покачав головой, сказал комиссар. – Уж слишком много я знаю! А посему подобные индивидуумы, постоянно под топором ходят, особенно в нынешнее время. Так что в друзьях у меня состоять – себе дороже... Соображаешь, нет?

– Уг-у-у... – сосредоточенно кивнул Шадрин. Возникла тяжелая пауза. Наконец, заговорил Севастьянов:

– И вот еще что, в Управлении совсем забыл тебя проинформировать – Москва присвоила этой операции кодовое название «Жюри».

– Жюри? – с некоторым недоумением переспросил Шадрин. – В стенах нашего департамента звучит довольно странно... Жюри, это ведь группа специалистов, назначенных для присуждения премий или наград на крупных конкурсах и состязаниях.

– Именно так! – подтвердил Севастьянов и с едва приметной усмешкой похвалил. – Большую Советскую Энциклопедию цитируешь дословно, молодец! Я тут пораскинул мозгами и пришел к выводу, что такое название подобрано неспроста: если не дай Бог, провалим этот, как ты говоришь, конкурс, то московское «жюри» нам такую премию присудит, что мало не покажется. Да и за наградами дело не станет, а название им: «вышка» в двадцать годков или «исключительная мера», «стенка», то бишь... На меньшее рассчитывать никак не приходится.

– Да уж... – хмуро поддакнул Шадрин, а Севастьянов продолжал:

– Слушай меня внимательно, полковник, дело выглядит следующим образом: пока болеет Петросов, ты будешь исполнять обязанности начальника Управления, приказ об этом уже готов и подписан Гоглидзе, завтра тебя с ним ознакомят.

– Благодарю за доверие, товарищ комиссар!

– На хрена оно было бы нужно, такое доверие! – с досадой махнул рукой Севастьянов. – Ведь именно тебе придётся теперь головой отвечать за то, чтобы эта твоя «Свобода», – он так и сказал – «твоя», – до поры, до времени жила, процветала и делала то, что нам нужно... Гоглидзе и мне поручено лишь координировать работу и осуществлять контроль.

– Легко сказать: чтобы жила и процветала! – бурно вознегодовал Шадрин. – Да она за это самое время столько людской крови на белый свет выпустит!

– А мы не позволим этого, парализуем её, – уверенно пообещал Севастьянов. – И в таком состоянии пусть себе существует. Основную работу я уже проделал, завтра на совещании утрясем мелкие детали. Отныне всё, что Гао Шань узнает о «Свободе», он будет немедленно передавать также и тебе. – Севастьянов на минуту прервался, будто собираясь с мыслями, затем продолжил. – Оперативная игра – дело хорошее, но кроме неё есть еще одно важное обстоятельство: наличие взрывчатки у этой самой «Свободы». По твоей информации её с «пороховых складов» унесено более центнера. И какая-то часть уже применена во время диверсии на шахте. Но это ещё только цветочки! А вот рванут, сволочи, объект стратегического значения, тогда-то мы и попляшем...

– Но охрана стратегических объектов области теперь усилена вдвое, – возразил Шадрин. – Как и охрана всех складов со взрывчатыми веществами.

– Вот так всегда: машем кулаками после драки... – горько усмехнулся Севастьянов. – Но не мне же тебе объяснять, что при хорошей подготовке к диверсии, всё это мало что значит: с боем прорвутся и взорвут. При нашем дефиците личного состава, роту для охраны того или иного объекта не выставишь. На Забайкальской магистрали множество мостов и туннелей. Представь, что один из них, длиной с километр, подорвали или гранитную скалу на рельсы спустили. Это на какой срок выведена дорога из эксплуатации и нарушены военные перевозки? Как минимум – на месяц, в ваших сопках объезда ведь нет. Так или не так? – Севастьянов в упор уставился на Шадрину.

– Так! – Александр Николаевич выдержал его взгляд.

– А раз так, то все наши усилия должны быть направлены на важнейшую цель: лишить «Свободу» взрывчатки! И до того времени, пока мы не сделаем этого, о ликвидации банды и речи нет. Можно тысячу этих уродов переловить, а нескольких проворонить, которые потом и устроят пиротехнический сюрприз! – Севастьянов перевёл дыхание, затем, отмахивая, словно дирижер, каждое слово выставленным указательным пальцем, эмоционально закончил. – Динамит, динамит и ещё раз динамит! На его розыск надо бросить все силы! Пока не найдем, Москва с нас не слезет, ведь дело на контроле у С а м о г о, а он слов на ветер не бросает: случись что – вмиг кишки выпустит! Федотова он про эту самую взрывчатку уже несколько раз спрашивал. Кстати, кто там у вас отвечает за безопасность особо-важных объектов?

– Полковник ВОХР, Горохов Николай Иванович.

– Должен тебе сообщить, – привычно снизив голос, сказал Севастьянов, – буквально на днях этого гражданина сильно огорчат: есть постановление об аресте.

– Неужели!? – вскинулся Шадрин.

– Да, это так, – подтвердил Севастьянов. – Утрата бдительности, пособничество диверсантам и террористам и всё прочее... Короче говоря, пятьдесят восьмая – налицо! Голову ваш полковник потерял однозначно! Но, думаю, не он один, наверняка ещё папахи полетят – комиссия по этому делу работу завершила и кое-кому теперь небо покажется с овчинку! Многое будет зависеть от тебя, Саша: сумеешь отнять у бандитов «вз вз» – люди хоть как-то, но будут жить, не сумеешь, всем – вышка. Третьего варианта у них нет!

– Но ведь и у меня третьего варианта нет...

– С тобой чуть проще, ты – контрразведчик. По поводу утраты взрывчатых веществ к тебе претензий не имеется, за это спрос с ВОХР, но...

– Если не найду динамит, то спрос будет... – договорил за него Шадрин.

– Бесспорно... – невесело кивнул Севастьянов. – А, чтобы этого не произошло, мы должны знать о каждом шаге «Свободы». Просто обязаны!

– Как ты это себе представляешь, Андрей Иванович?

– Об этом узнаешь из моего доклада завтра, сегодня нет смысла тратить время. – Севастьянов умолк, и какое-то время сосредоточенно смотрел в одну, только ему видимую точку. Потом перевел вдруг потяжелевший взгляд на Шадрину. – А сейчас, полковник, давай-ка потолкуем вот о чем, – сказал он, и, протянув руку к висящему на спинке стула своему кителю, извлек из нагрудного кармана сложенный втрое лист бумаги, протянул Шадрину. Тот спросил с видимым недоумением:

– Что это?

– Ты читай, читай, потом обсудим, – Севастьянов принялся сооружать бутерброд из хлеба и колбасы, до половины наполнил стаканы водкой.

Шадрин развернул лист со строчками машинописи, начал вчитываться и его жёстко очерченный суховатый рот собрался в суровую складку.

*«Уполномоченному НКГБ СССР
по Дальнему Востоку, комиссару
государственной безопасности
2-го ранга, Гоглидзе С. А.
РАПОРТ*

Довожу до вашего сведения вопиющий факт преступной политической близорукости, допускаемой начальником отдела контрразведки Читинского УГБ, полковником Шадринным А.Н.

Дело в том, что во время недавней инспекторской проверки кадров Управления, он скрыл от комиссии то обстоятельство, что являющийся его заместителем подполковник Рутковский Я. Г. имеет родного брата, с которым произошла странная, если не сказать большие, история.

В боях под Смоленском майор артиллерии Рутковский М. Г., попал со своим дивизионом в окружение. Прорываться из него категорически отказался, ссылаясь на якобы тяжелое ранение и на готовность к самопожертвованию, чтобы прикрыть огнем ручного пулемета отход оставшихся в живых бойцов. Истинные же мотивы данного поступка неизвестны, более того, они крайне подозрительны.

Настораживающим моментом является тот факт, что майор Рутковский М. Г., незадолго до описанного случая, также попадал в окружение и находился на вражеской территории около месяца, но, в отличие от последнего события, благополучно вышел к своим в одиночку.

Нынешняя судьба майора Рутковского неизвестна. Не исключено, что он находится у немцев в нужном им качестве. Обстоятельства, в которых дважды оказывался майор Рутковский М. Г., не могли бы показаться столь необычными во время войны, если бы не явное стремление полковника Шадрина и подполковника Рутковского утаить их от комиссии. Сам по себе напрашивается вывод, что данному факту способствовали панибратские отношения Шадрина к своему заместителю.

Вопреки директивным установкам НКВД, подполковник Рутковский продолжает находиться в должности заместителя начальника отдела контрразведки, что само по себе уже

является нарушением, как партийной, так и чекистской дисциплин и этики, способствует распространению слухов и кривотолков среди личного состава Управления.

«Четвертый»

29. 05. 1942 г.»

Шадрин отложил лист с рапортом-доносом. Закусил нижнюю губу с такой силой, что, казалось, из неё вот-вот брызнет кровь.

– Ну что, вник в материал? – негромко спросил комиссар госбезопасности.

– Вник! Ощущение такое, будто в дерьмо с головой окунули! – Александр Николаевич гадливо поморщился.

– От дерьма отмыться все-таки можно, а от такого обвинения – не получится, – Севастьянов глазами указал на бумагу. – Ситуация гораздо серьезнее, чем с вашим Гороховым...

– Получается, что брата предателя покрываю и выгораживаю. Тьфу, мерзость какая!

– Давай-ка не кипятись, дружище, а толком объясни: что и как?

Шадрин испытующе посмотрел в глаза старому товарищу:

– Ты-то хоть мне веришь, Андрей Иванович?

– Не верил бы, то этот разговор бы не состоялся.

– Что верно, то верно, – вынужден был согласиться Шадрин. Помолчав, спросил. – А кто он, этот самый «Четвертый»?

– Как говорится в Новом Завете: «Тайна сия велика есть!» – со злой беспомощностью развел руками Севастьянов.

– А каким образом этот, с позволения сказать, документ к тебе попал, адресован-то он Гоглидзе?

Севастьянов долго и сосредоточенно молчал, а когда заговорил, в его голосе отсутствовала обычная уверенность и непоколебимость:

– Довольно просто попал, только не пойму – зачем? Даже для моего изощренного ума – это загадка. Всё началось с того, когда я вышел в тираж как закордонник и был направлен в Хабаровск на должность одного из заместителей Гоглидзе. Ну, прибыл сюда, представился ему, естественно, завязалась беседа. Разговор коснулся людей, с которыми приходилось работать или пересекаться. А когда дошло до моего польского периода, прозвучала и твоя фамилия. Вот так я узнал, что ты работаешь в Забайкалье. О тебе Гоглидзе отозвался в превосходных степенях, сказал, что неплохо знает и ценит как хорошего специалиста...

– Значит, ему все-таки известно, что мы старые друзья-товарищи?

– Получается, что так... – неопределенно кивнул Севастьянов и продолжил. – А через полтора месяца случилось то, что случилось: пришла шифровка от Гао Шаня и всё завертелось! Гоглидзе был вызван к Федотову в экстренном порядке – замаячили перспективы серьезной радиоигры с японцами. А буквально накануне отлета в Москву, заходит ко мне в кабинет Сергей Арсеньевич, вручает папку и объясняет, что данная подборка документов – моя должностная prerogative. Изучайте, говорит, Андрей Иванович, и принимайте необходимые решения, пора вам начинать работать самостоятельно, уже второй месяц стажируетесь. Когда я стал просматривать эти самые документы, то увидел, что особо серьезного там нет: мелочёвка областного уровня, отчеты местной агентуры, кое-какая рядовая переписка... Но вот беру в руки эту бумагу, – комиссар кивнул на лист, лежавший перед Шадриним, – изучаю её содержание и натываюсь на твою фамилию...

– Рапорт находился в конверте?

– Нет, но судя по характерному сгибу, прибыл именно по почте.

– То-есть, из Читы подобные стукачества приходят самым что ни на есть тривиальным способом?

– Похоже на то, – подтверждающее кивнул Севастьянов. – Адрес отправителя наверняка туфтовый, адрес же получателя вообще отсутствует, скорее всего, письмо отправлено до востребования какому-нибудь там Ивану Ивановичу Пупкину... Посыльный от Гоглидзе является в почтовое отделение, предъявляет туфтовый же документишко и получает донос. Всё очень просто и оригинально: ни адресов, ни почерка.

– Н-да... – Шадрин повертел в руках письмо, еще раз пробежался глазами по его содержанию, всмотрелся более пристально. – Ни одной расштанной буквы с выраженным наклоном или неполным пробивом. Отсюда вывод: пишущая машинка – новая.

– Я тоже пришел к такому заключению, – подтвердил Севастьянов. – А что можешь сказать об авторе?

– Об а-а-вторе... – раздумчиво протянул Шадрин, не отрывая глаз от текста. – О нем складывается такое мнение: он хорошо образованный человек, грамотность и стилистика письма подтверждают это. Умеет ёмко строить предложение, логично мыслить. На машинке работает профессионально, оттиск четкий, оттенок ровный – пальцевые усилия совершенно одинаковые. Кроме этого, нет подтертостей и перепечатываний, отсутствуют какие-либо исправления. Ну, и главное: факты изложены довольно убедительно, а рубежи, где заканчивается истина и начинается ложь – затушеваны просто мастерски! В такую клевету трудно не поверить. Вот ты бы поверил, Андрей Иванович, а?

– Разумеется – нет, тема для меня мелковата. Какой-то майор-артиллерист не вышел из окружения... На то она и война, чтобы случались окружения, и кто-то не смог из них выйти. Что здесь уж такого невероятного? Фронтная бытовуха, можно сказать! Но ты только посмотри, как он ловко из дерьма делает конфетку: и бдительность проявляет, и заботу о моральном климате в Управлении, и даже политическую составляющую воткнул:

«...Не исключено, что находится у немцев в нужном им качестве...» Ах ты ж, сволота! Из-за таких вот улюбок порядочных людей ставят к стенке!

– К сожалению, ты прав, Андрей Иванович, – мрачно кивнул Шадрин. – Если кому-то надо сгноить неугодного человека, то такое письмишко как нельзя кстати. Церберам-следователям с пятью классами образования этого вполне достаточно. Под него, при желании, можно любую обвинительную базу подвести

– И каков твой вывод из всего этого? – спросил генерал.

– Есть три предположения, – подумав, ответил Шадрин. – Первое: никакой оперативной разработки нет, а есть самое обыкновенное стукачество. Письмо, адресованное Гоглидзе «Четвертым», по чьей-то халатности попало в ту папку, в которую не должно было попасть. Предположение второе: оперативная разработка всё же есть, и Гоглидзе специально «забыл» документ в папке, чтобы проверить, как ты на него среагируешь? Сообщишь о письме мне – не выдержал экзамен, не сообщишь – выдержал! То-есть: проверяют на «вшивость» именно тебя, Андрей Иванович.

– Звучит достаточно убедительно.

Ну и третье предположение: копают под меня! А попутно желают посмотреть твою реакцию на это...

– Если всё так, то есть ещё одно предположение: вдруг Гоглидзе решил помочь тебе и специально подбросил это письмо мне? Дабы уведомить, что в твоей «конторе» завелся «карандашник».

Х-м... – скептически pokrивил губы Шадрин. – С чего бы это Гоглидзе радеть за меня? Мы не друзья, не приятели, наши отношения чисто служебные.

А простое человеческое участие исключаешь?

Да что ты, Андрей Иванович, – чуть смутился Шадрин. – Даже в это сволочное время считаю, что люди должны оставаться людьми!

То-то же! – суровый рот Севастьянова тронула едва приметная улыбка. А Шадрин продолжал:

Если твоё предположение верно и Гоглидзе решил таким образом мне помочь, представляешь, на какой риск он пошел?

Ещё бы! Он поставил на кон свою жизнь: ведь рассекречивание агента, внедренного не иначе, как по приказу самого Берия, тянет на «вышку»... – Севастьянов раскрыл коробку папирос «Памир», закурил и глубоко затянулся. – Да, ситуация, аж мозги нараскоряку! А ведь тут еще один вариант просматривается: а что, если вся эта история инспирирована в Главке, чтобы разделаться с тобой или со мной, а шпиона с кличкой «Четвертый» не существует вообще?

– Категорически не согласен! – покачал головой Шадрин. – Случай с майором Рутковским – реальное событие и кто-то из моих деятелей его обнаружил... Но может быть, дело вовсе не в тебе и мне, а в самом Гоглидзе и это Берия Сергея Арсеньевича проверяет? Приказал кому-то из хабаровских стукачей подбросить письмо в твою папку, а теперь ждет: доложишь ты ему о том, что донос побывал в твоих руках или смолчишь?

– И сообщит ли, Гоглидзе, в свою очередь, об этом в Москву? – завершил мысль полковника Севастьянов и, помолчав, добавил. – Когда-то в нашей деревне мужики говаривали: без бутылки тут хрен разберешься! Хотя бутылка вот она, на столе...

– Ну и что будем делать?

– А что тут делать? Всё уже сделано! Оставить без внимания это письмишко я, согласись, не мог, именно поэтому ты здесь.

– Не было бы хуже, Андрей Иванович... – попытался возразить Шадрин, но Севастьянов не дал ему закончить:

– погоди! Я анекдот в тему вспомнил: ведут двух вятских мужичков на расстрел. Один говорит: «Может, попробуем сбежать, Ваня?» Другой отвечает: «А хуже не будет, Петя?»

Офицеры сдержанно посмеялись. Гася невеселую улыбку, Севастьянов произнес:

– Как будет, так и будет, где наша не пропадала! А пока лишь одно могу сказать – Гоглидзе не похож на Иуду, я его уже довольно неплохо изучил. Есть, конечно, кое-какие особенности характера, но в целом... – комиссар резко оборвал фразу и сменил тему. – Ты давай-ка лучше расскажи: что там у вас на самом деле произошло?

– Ничего особенного, – поиграл желваками на скулах Шадрин. – Никакой утайки от инспекции по кадрам не было. Просто ни меня, ни самого Якова никто об этом не спрашивал. А младший Рутковский погиб как герой! «Этот мерзавец... – Шадрин едва не сказал «ваш», – этот мерзавец «Четвертый», главного не знает: когда Максим вызвался прикрывать пулемётным огнём отход своих бойцов, то уже был безнадежен». Изрешечены обе ноги, несколько осколочных ранений в грудь и в живот. Только и держался, что здоровьем своим богатырским. А на смерть пошел осознанно, понимал, что все кончено.

– Откуда такие подробности?

– К заместителю заезжал комиссованный по ранению офицер, вещи кое-какие передал, рассказывал о том бое под Смоленском. «Четвертый» слышал звон да не знает, где он. Всё перевернул, сволочь! И все же, кто он, этот любитель эпистолярного жанра?

– Тебе должно быть виднее, какой-то из твоих накропал. Поразмысли, кому и когда дорожку по-серьёзному перешел?

– Никому и никогда! – убежденно заверил Шадрин. – А этих самых «Четвертых» внедряли в Управления по прямому указанию Берия, чтобы они присматривали за руководителями и старшим начальствующим составом. И всё из-за того подлюги Люшкова⁴⁰! После его предательства доверие к разведке сильно пошатнулось...

⁴⁰ Люшков Генрих Самойлович – начальник УНКВД по Дальневосточному краю, комиссар государственной безопасности 3-го ранга. В ночь на 13. 07. 1938 г., нелегально перешел советско-китайскую государственную границу и сдался японцам.

Севастьянов кивнул, как бы соглашаясь, долго сидел молча, затем произнес:

– Да-а... Пока я за «чертой» работал, многое здесь поменялось, очень многое: «Четвертые» появились, «карандашники», прочая шваль...

– Всё именно так! – выдохнул Шадрин и обозленно усмехнувшись, добавил. – В этой связи одна присказка вспомнилась: «Я, дорогие товарищи – не стукач, но форму письменного доклада начальству знаю очень хорошо!»

– Таких сволочей сейчас, как поганок в гнилом лесу... – задумчиво констатировал Севастьянов и продолжил. – Что ж, изволь слушать дальше, Александр Николаевич...

– А хоть здесь-то кроме меня, вас больше никто не будет слушать, товарищ комиссар? – Шадрин повел выразительным взглядом по помещению.

– Хреновым я был бы закордонником, если бы позволил этим сямкам... – презрительно бросил Севастьянов. – Можешь не опасаться, в данном месте пока всё чисто. Но, как говорится, вернемся к нашим баранам: пришло время мне тебя спасать, как когда-то ты меня спасал в Варшаве от лап «двуйки»⁴¹. Итак, что мы имеем? Мы имеем агента центрального аппарата в вашем Управлении. И именно в отделе контрразведки, которыми руководишь ты.

– Шпиона в шпионской конторе! – с горькой иронией пробормотал Шадрин.

– Вот именно, – подтвердил Севастьянов. – И чтобы дело дальше не осложнялось, надо решать вопрос с Рутковским: выручать человека, если он, конечно, стоит того...

Шадрин поймал пристальный взгляд Севастьянова. Ответил, не задумываясь ни на миг:

– Стоит, товарищ комиссар, очень даже стоит! Рутковскому доверяю, как себе, таких людей...

– Короче, – не дал ему закончить Севастьянов. – Подполковника надо снимать немедленно, иначе они его достанут!

– Да как же это можно?! Ведь под откос человека сбрасываем из-за какого-то там... – возмутился Шадрин, но Севастьянов прервал его:

– Можно! – жестко бросил он. – Еще как можно! – и придвинувшись вплотную, заговорил гневным полусшепотом. – Ты что же, Сашка, не видишь, что происходит? Или не хочешь видеть, а?

– Я все вижу, Андрей, но...

– Безо всяких «но», полковник Шадрин! – генерал пристукнул кулаком по столу. – Сейчас главное – выжить и уцелеть! И спасти, кого можно, понимай это, как приказ! Ты знаешь, сколько нас осталось? По пальцам пересчитать! Может, мы с тобой потому и живы еще, что работали в тридцатые за «чертой». А сейчас этим ублюдкам, – он с неистовым гневом мотнул головой в сторону двери, – мы пока не по зубам. Уничтожь тебя, меня, таких как мы, кто будет с Абвером воевать, с Кемпейтай, с Сигуранцей⁴²? Эти дилетанты от разведки? Хрена с два они навоюют! Но не зря, поверь мне, совсем не зря, они насадили по всем областным Управлениям стукачей и собирают на руководителей такой вот компромат, – он ткнул коротким пальцем в белевший на столе лист. – Сломаем хребет Гитлеру – и за нас возьмутся, если всё не изменится к лучшему, и этих негодяев поставят к стенке!

– Андрей Иванович, а ты не боишься говорить на эту тему? Сейчас ведь и старым друзьям...

– Замолчи, Сашка! Прокляну, если не замолчишь! – зеленые глаза Севастьянова вдруг сверкнули тем, так знакомым Шадрину, отчаянно-лихим блеском, от чего лицо на миг, словно помолодело. – Может быть из всех, кто ещё остался, только одному тебе и доверяю по-настоящему. Потому, что испытал не раз и жизнью тебе обязан. А что касается, боюсь или не боюсь,

Впоследствии активно сотрудничал с их разведкой. Со временем утратил к себе оперативный интерес и был ликвидирован в Дайрене в 1945 г.

⁴¹ «Двуйка» – (двойка) – 2-й отдел контрразведки Генерального штаба Вооруженных Сил буржуазной Польши.

⁴² Абвер, Кемпейтай, Сигуранца – названия спецслужб Германии, Японии, Румынии.

то отвечу: только дурак ничего не боится. Я же себя к таковым отнюдь не причисляю... Ну, а уж если доведется, то пулю принять сумею достойно, в этом можешь не сомневаться. Как и я в тебе не сомневаюсь в подобной ситуации.

Севастьянов умолк, крепко провел ладонью по глянцево-лысой голове. Шадрин не сводил с него напряженного выжидательного взгляда. Наконец генерал заговорил:

– Значит, так: убирать Рутковского нужно следующим образом: чтобы было видно, что на понизовку пошел, и доверия особого к нему больше нет. Это успокоит и общественное мнение в твоей конторе, и того самого, «Четвертого», будь он трижды проклят. Ты же, вернувшись, сделаешь вид, что тебе в Хабаровске накрутили хвоста за утрату бдительности. А что касается твоего зама, то для него есть вполне подходящая вакансия в САВО⁴³, к нам запрос об этом на днях пришел. Там, на должность начальника Особого отдела учебной бронетанковой дивизии нужен опытный старший офицер-чекист. Думаю, это именно то, что надо: и звание то же самое, и работа, в общем-то, знакомая. Должность, правда, несравненно ниже, но, как говорится: не до жиру – быть бы живу!

– А может на фронт, Якова Георгиевича, в действующую? – предложил Шадрин.

– Ни боже мой! – энергично запротестовал Севастьянов. – Ты в уме ли? «Четвертый» ведь прямую намётку дает – младший брат у немцев, мол, и не исключено, что в удобном для них качестве, а ты и старшего к фашистам поближе предлагаешь отправить. Это здесь, в тылу, еще могут разбираться, а там – фронт! Случись что, немедленно трибунал и военно-полевой суд работают, ни на какую должность не посмотрят.

– Да, резонно.

– Слушай, – вдруг встрепенулся Севастьянов, – заговорили о должностях, и мне на ум мысль пришла: а что, если этот самый «Четвертый» своими рапортами дорогу себе расчищает? Ведь ты только посмотри: одним доносом и тебя бьет и твоего зама гробит!

– Похоже на то, очень даже похоже.

– Только зря старается, подлец! Тебе в заместители мы какого-нибудь нашего дальневосточника отправим, сейчас много хороших ребят с фронта возвращается: обстрелянные, боевые, до войны здесь же и работавшие. Я поговорю с Гоглидзе, он всё устроит. Отношения у нас сложились вполне уважительные.

– Но кто же он, этот «Четвертый», кто? – мучительно напряг память Шадрин. Перед глазами замелькали лица многочисленных сотрудников отдела. – Узнать бы, а?

– И что тогда? – настороженно поинтересовался Севастьянов.

– Тогда можно было бы что-либо предпринять, изолироваться каким-то образом от доносчика.

– Узнать сложно, Саша. Не дашь ведь телеграмму: «Агенту «Четвертому» прибыть в Хабаровск для личного знакомства!»

– Разумеется, не дашь, – согласился Шадрин. – Таковую, причем зашифрованную телеграмму только сам нарком может ему отправить.

– Вот, вот... Так что относительно «Четвертого» тебе всё самому выяснять придется, но будь предельно осторожен. А теперь давай прощаться, даже домой тебя не приглашаю, чтобы это шакальё не дразнить! – он кивнул куда-то за окно. – Завтра до начала совещания получи инструкцию по радиосвязи с «Гао Шанем» в третьем отделе у старшего шифровальщика майора Кириченко. После совещания – немедленно в Читку, вплотную заниматься этой чертовой «Свободой». И крепко помни: дело на контроле у самого «Хозяина»!

– Забудешь тут, как же, – пробормотал Шадрин и кивнул на недопитую бутылку. – Ну, что, по стремянной, как говаривали забайкальские казаки перед походом?

– Наливай! – отчаянно махнул рукой Севастьянов.

⁴³ САВО – Средне Азиатский Военный Округ.

Глава 9

Был погожий поздний летний вечер. Над парками, улицами и площадями Москвы стихал приглушенный шум. Столица воюющей, истекающей кровью, но не сдающейся врагу страны, устало отходила ко сну.

Верховный Главнокомандующий Иосиф Виссарионович Сталин неторопливо прохаживался по своему огромному кремлевскому кабинету, держа в правой руке нераскуренную трубку. Его ноги, обутые в мягкие кавказские сапоги, ступали вкрадчиво и неслышно, словно не человек передвигался по отполированному паркету, а горный барс. На сутуловатой и чуть согбенной фигуре вождя красовался полувоенный мундир, без каких-либо знаков различия, сидевший на нем привычно и ладно. Но этого же нельзя было сказать о госте, стоявшем возле входной двери. Хотя в краповых петлицах его кителя красовались бордово-эмалевые ромбы комиссара государственной безопасности 3-го ранга, но по каким-то неуловимым признакам назвать этого человека военнослужащим не поворачивался язык, настолько не вязалась внешность со строгой военной формой, сидевшей на мужчине довольно мешковато. Создавалось впечатление, что эта одежда чужда владельцу, что ему, пожалуй, более привычен и удобен штатский костюм.

Средний рост, полноватая фигура, интеллигентное лицо с мягкими, чуть женственными чертами, спокойные близорукие глаза за круглыми стеклами очков, совсем не по-генеральски стеснительно-смущённое, отчасти даже безвольное выражение рта и в довершение ко всему – нетрадиционная, совершенно неуставная прическа со взбитым волнистым вихром. Возникла невольная мысль: что некий профессор консерватории или преподаватель исторического факультета, этакий потомственный гуманитарий, шутки ради или для праздничного маскарада, надел генеральский мундир какого-то своего приятеля.

Да, кто-то, наверное, мог бы так подумать, но только не Сталин. Уж кто-кто, а он-то совершенно точно знал, какая могучая воля и кипучая энергия, какая незыблемая стойкость, духовная мощь и отчаянная дерзость, скрываются за этой, довольно неприметной внешностью.

Вождь приостановился, окинул генерала цепким взглядом прищуренных глаз и спросил, делая те, типичные ошибки в произношении, какие обычно случаются у горцев:

– Скажите, а как называется эта банда?

– «Свобода», товарищ Сталин, – негромко, с деликатной готовностью сказал тот, дополнив тем самым портрет «профессора-гуманитария» – голос его тоже оказался совершенно не «генеральским», в нем начисто отсутствовала традиционная командирская сталь.

– Так... – глуховато проговорил Верховный. – А какая численность у этой самой «Свободы»?

– Согласно полученным агентурным данным, около восьмидесяти человек: городское подполье и лесной нелегальный отряд.

– Я не ослышался: восемьдесят человек!? – удивленно воскликнул Сталин.

– Совершенно верно! – подтвердил генерал, хотя более уместно в этой ситуации было бы сказать: «Так точно!»

– Недавно вы мне докладывали об убийствах в Забайкалье, о покушениях на работников советских и партийных органов, о налёте на склад со взрывчаткой, о диверсии на шахте... Это что, всё их рук дело?

– Думаю, что да, товарищ Сталин.

– Думаете или полностью увьерени? – возвысил голос вождь, его рука с зажатой в прокуренных пальцах трубкой вопросительно поднялась на уровень подбородка.

– Уверен, товарищ Сталин, – как ни старался генерал казаться спокойным, а голос все же чуть различимо дрогнул. Он отчетливо понимал, что может последовать за вопросом Верхов-

ного, на это наталкивало одно недоброе предзнаменование – его не пригласили сесть, как это случалось, по обыкновению. – Буквально вчера нам стало известно, что убийство секретаря райкома Бородин и диверсию на угольной шахте, бандиты совершили по приказу японцев. Каким-то непостижимым образом они установили контакт с маньчжурским Генеральным консульством в Чите...

– Непостижимым образом! – неприязненно повторил его слова Сталин и с резким негодованием закончил. – И это говорит начальник контрразведки всей страны! Бандиты преспокойно вступают в контакт с иностранным представителем, а вы мне заявляете, что это произошло каким-то непостижимым образом! Я расцениваю это, как нежелание вас и ваших людей выполнять должностные обязанности как того требует нынешнее время!

Произнося эти слова, Сталин отдавал себе отчет, что звучат они обидно и не совсем справедливо, но шел на это совершенно осознанно. «Хорошего работника нужно держать в чёрном теле!» – этот старинный постулат был для вождя отработанным приемом, образующим его стиль руководства. «Чтобы хвалить, много ума не надо, – считал он. – А вот чтобы заставить человека работать с полной самоотдачей, его нужно больше критиковать, нежели гладить по шёрстке!»

С человеком в генеральской форме вождь был знаком давно и достаточно близко. Оснований упрекать его в нерадении по службе у Сталина было меньше всего, но он и на этот раз остался верным своей манере общения. Авторитетов для вождя не существовало по определению: единственным мерилom при оценке деловых качеств того или иного человека у него было отношение оного к своим должностным обязанностям и способность трудиться с полной самоотдачей. Сам Сталин, умеющий работать не покладая рук, постоянно требовал этого и от соратников, облеченных высокой государственной властью. И вот сейчас, неторопливо прохаживаясь по своему огромному кабинету мимо застывшего в стойке генерал-лейтенанта, он думал именно о нем, о Петре Васильевиче Федотове, начальнике 2-го управления НКГБ СССР.

Он родился в Петербурге в самом начале нового столетия в бедной семье кондуктора конки и мелкой служащей. С детства мальчика отличало стойкое желание учиться, и он учился, насколько это позволял весьма скромный семейный бюджет. Сначала было трехклассное начальное училище, затем высшее четырехклассное училище имени Менделеева, а после октябрьской революции, командирские курсы при полтитотделе Южного фронта Красной армии, в которую он вступил восемнадцатилетним добровольцем, получив уже вскоре и боевое крещение, и первое ранение.

Смекалистого, инициативного и отважно воевавшего бойца заметили. В начале двадцатых еще совсем юный Петр Федотов был рекомендован на работу в органы ВЧК Северо-Кавказского края. Именно там, на острие борьбы с чеченским националистическим подпольем и бесчисленными антисоветскими бандформированиями, которые возглавляли местные шейхи, в непрерывном противостоянии с английской разведкой, формировался характер молодого чекиста, нарабатывался его оперативный опыт.

В течение семнадцати лет Федотов воевал и одновременно упорно и настойчиво учился тому, без чего невозможна работа контрразведчика на Кавказе. Вековые устои и традиции горцев, их законы и обычаи, своеобразная психология, языки и наречия, всё это, собранное по крупицам и пропущенное через сердце, постепенно превращалось для него в открытую книгу.

«Непревзойденный агентурист. Необходимая для работы энергия имеется, но таковая совершенно незаметна, ввиду тихого и спокойного характера». Эту характеристику он получил, когда был выдвинут на очередную вышестоящую должность. И действительно, именно целенаправленная работа Федотова с агентурой, умение находить дружеский контакт со старейшинами горских народов, зачастую позволяла проводить ту или иную чекистско-войсковую операцию без единого выстрела и, следовательно, без человеческих жертв.

Профессиональный рост Петра Федотова был стремительным, в короткое время он поднялся до поста начальника 4-го отдела УГБ Орджоникидзевского края. А вскоре был переведен на работу в Москву, где, переходя с должности на должность ещё более стремительно, занял ответственный государственный пост начальника 2-го управления НКГБ СССР, возглавив, тем самым, всю контрразведывательную деятельность страны.

Этому человеку Сталин, мало кому вообще доверявший, доверял больше всего, ценил и уважал как толкового специалиста. Также ему весьма импонировало то обстоятельство, что становление Федотова, как чекиста, прошло именно на Кавказе, на родине вождя. Кроме этого, Сталин совершенно точно знал, что Федотов является одним из тех, немногих руководителей, кто не боится докладывать ему действительную обстановку, какой бы драматичной и горькой она не являлась, и способен при этом брать на себя самую тяжёлую ответственность. Именно поэтому Федотов был достаточно частым гостем в Кремле, куда его приглашал лично Сталин. Этим мог похвастаться далеко не каждый нарком.

Верховный вдруг припомнил ту, совершенно уникальную операцию, разработанную и блестяще осуществленную Федотовым в сороковом году. С чьей-то подачи она впоследствии была названа: «Большое ухо комиссара Федотова», а его самого лично Сталин провозгласил профессором контрразведки, что очень точно соответствовало имиджу чекиста. Это уважительное прозвище, прозвучавшее из уст вождя, было для Петра Васильевича безмерно почётным и отождествлялось им с самой высокой государственной наградой.

Несмотря на заключенный между Советским Союзом и Германией Пакт о ненападении, в Кремле прекрасно понимали, что большая война стоит на пороге и что секретная директива № 21, проходившая в германском генеральном штабе под кодовым названием «План Барбаросса», уже принята высшим руководством Вермахта к изучению и последующему исполнению. Вопрос о начале войны был только во времени, и Сталин всеми силами стремился оттянуть эту трагедию хотя бы на год-два, дабы успеть подготовиться и завершить начатое перевооружение Красной Армии.

Чтобы ориентироваться в сложнейшей обстановке и принимать обоснованные и верные решения, нужны были самые достоверные разведанные международного уровня. Информации зарубежной агентуры было предостаточно, но большую её часть недоверчивый Сталин подвергал критике и сомнению. И вот именно в то тревожное время с инициативой выступил комиссар госбезопасности 3-го ранга Федотов. Разработанный им дерзкий план, поразил даже вождя, молодость которого прошла в бурной террористической деятельности.

В те предвоенные годы германское посольство в Москве возглавлял выдающийся дипломат граф Вернер фон дер Шуленбург, а военным атташатам при посольстве руководил не менее выдающийся дипломат и разведчик высочайшего класса генерал Эрнст Кестринг. Не один раз Сталин с гневной беспомощностью думал о том, что самые наисекретнейшие сведения, при добывании которых советские разведчики отдают свои жизни, находится в каком-нибудь километре от Кремля, как говорится, только руку протяни... Но всё выходило по писателю-баснописцу Ивану Андреевичу Крылову: «Видит око да зуб неймёт!»

Комиссар государственной безопасности 3-го ранга Федотов данную выдержку из басни во внимание брать не стал, но с истинно русским размахом, отчаянным и дерзким до невероятности, предложил взять под контроль всю тайную деятельность германского представительства!

План был простым, как и всё гениальное: неподалеку от здания германского посольства, располагался старинный особняк. Федотов организовал небольшую газетную шумиху, в которой прозвучали авторитетные мнения видных ученых-историков и архитекторов об его уникальности, а также о целесообразности его капитального ремонта. Разрешение Моссовета на проведение восстановительно-реставрационных работ вместе с необходимой суммой денег было вскоре получено. Большая бригада строителей тут же принялась за дело. Но никто не

догадывался, что еще одна бригада в то же самое время повела глубокий подкоп от торца дома в направлении здания немецкой дипмиссии, благо расстояние было невелико. Звуки и шумы ремонтно-реставрационных работ надежно маскировали ход работ секретных. В короткие сроки была прорыта горизонтальная штольня, которая вывела чекистов точно под пол здания германского посольства. А вскоре был выкопан вертикальный лаз и оборудован люк в одном из подсобных малопосещаемых помещений да такой незаметный, что хоть с лупой ползай по полу – ничего не увидишь!

Дальше было дело техники: в один из погожих летних вечеров, когда господин Кестринг, по чекистскому обозначению – «Кесарь», наслаждался балетом «Лебединое озеро» в Большом театре, а вся его многочисленная прислуживающая челядь разошлась по домам, специалист по замкам из оперативно-технического отдела НКГБ, бывший вор-«медвежатник» Игнат Пушкин, играючи вскрыл сейф вельможного генерала. Другие, не менее ловкие специалисты-радиоинженеры, тем временем, насовали, куда только можно, «жучков» для слухового контроля посольства, а третьи специалисты-фотографы, всё сверхсекретное содержимое сейфа пересняли и уже наутро положили на рабочий стол комиссара госбезопасности Федотова.

А через пару дней нарком НКГБ Всеволод Меркулов, рослый и могучий, светясь сдержанной, но многозначительной улыбкой, энергично шагал по кремлевским просторным коридорам на прием к товарищу Сталину. В кожаной объемистой папке он нес сведения такого характера и уровня, что правительство любой уважающей себя страны, не задумываясь, отдало бы за них половину годового госбюджета.

Документы остались на столе вождя, а на груди наркома вскоре заиграл рубиновой эмалью новенький орден Ленина. Иосиф Виссарионович оставался верен своему принципу о хорошем работнике и его чёрном теле... Впрочем, значительно позже, но свой орден «Красного знамени» получил и комиссар 3-го ранга Федотов.

... С той поры так оно и повелось: ловкие ребята с краповыми петлицами на отложных воротниках гимнастёрок, стали частенько захаживать в гости к господину генералу. Правда, самого хозяина в кабинете они ни разу не застали потому, что после очередного трудового шпионского дня, он, как обычно, отдыхал в своем шикарном особняке в Хлебном переулке, близ Арбата. Поэтому с содержимым его огромного квадратного монстра, сработанного из прочнейшей золингенской стали и намертво привинченного анкерными болтами к полу и стене, работники НКВД знакомились неторопливо и основательно.

Посольство могучего и невероятно агрессивного государства, подмявшего под себя уже пол-Европы, было взято под неусыпный контроль органами советской госбезопасности. Контрразведчики получили уникальную возможность контролировать переписку Кестринга с военными атташе Италии, Венгрии, Финляндии, Японии, Румынии и прочих государств-сателлитов оси Рим-Берлин-Токио. А «радиожучки» позволяли осуществлять прослушивание кабинета господина генерала во время проводимых им совещаний и его бесед с работниками посольства, а по совместительству, агентами Абвера, «Цепелина» и прочих спецслужб фашистской Германии... Кроме этого, герр Кестринг довольно часто наговаривал секретарше тексты сверхсекретных телеграмм, но бланки с их содержанием ложилось на кремлёвский стол Сталина гораздо быстрее, нежели на рабочий стол Гитлера в Берлине.

Также была налажена работа по нейтрализации выявленной «при помощи Кестринга» немецкой агентуры в Москве и стране в целом. Появилась возможность радиоигр с германскими разведцентрами. Стали организовываться устойчивые источники дезинформации и многое, многое другое... И во всех этих сложнейших и кропотливых делах инициатором и вдохновителем был комиссар ГБ Федотов, скромный, тихий, неприметный человек.

...А еще вспомнилась Сталину тревожная осень сорок первого, когда враги вплотную приблизились к Москве и опасность того, что они в неё войдут, стала вполне реальной. Пра-

вительство готовилось к эвакуации в Куйбышев, в запасную столицу, со дня на день туда же был готов убыть и сам Сталин.

Было принято решение оказать врагу жестокое сопротивление на улицах Москвы. Вождь народа тогда лично озвучил свой беспощадный тезис: «Под ногами оккупантов должна гореть советская земля! Смерть фашистским захватчикам!» Все значимые объекты и здания в количестве 1119, были заминированы, а электрические провода выведены в три точки подрыва, в так называемые управляемые минные станции. Создавалась сеть подпольных ячеек, закладывались тайники с оружием, боеприпасами, продовольствием, медикаментами, одеждой, отрабатывалась система радиосвязи, организовалось 85 агентурных групп, командиры которых заранее перешли на нелегальное положение.

Словом, за кратчайшие сроки была спланирована и проведена огромная работа. Осталось подобрать и назначить достойного руководителя, в чьих руках были бы сосредоточены все нити управления и который мог грамотно руководить подпольем.

На специальном совещании руководителей НКВД Лаврентий Берия предложил кандидатуру Федотова. Более подходящего человека, по мнению наркома, в то время было просто не найти. Никто так всеобъемлюще не владел обстановкой по вопросам минирования, по организационной структуре подполья, по знанию оперативной обстановки в столице и в соседних, прилегающих к ней, областях, как Федотов. Никто лучше его не знал тех людей, с кем предстояло работать. И ни у кого, пожалуй, не было такого симбиоза деловых качеств, как у Федотова. Интеллектуал и аналитик, прозорливый и вдумчивый руководитель, спокойный и уравновешенный человек, умеющий принимать в невероятно тяжелых условиях единственно правильное решение, Федотов подходил для этой сложнейшей работы как никто лучше. Сталин припомнил, как он попросил Берия кратко охарактеризовать Федотова, на что тот ответил со свойственной ему грубоватой лаконичностью:

– Болтает мало – делает много!

– А если? – вождь недвусмысленно смотрел на Лаврентия Павловича своими желтоватыми рысьими глазами и тот, отчетливо уловив, что Сталин имеет в виду, ответил, ни минуты не раздумывая:

– Можешь быть совершенно спокойным, Коба! Даже под самой страшной питкой не скажет ни слова, я верю в него как в самого себя.

Да, это был огромный риск, оставлять на территории, захваченной врагом, человека, владеющего таким невероятным объемом сверхсекретных сведений. Пойти на это можно было, лишь доверяя этому человеку полностью. И на это пошли, хотя в силу известных исторических обстоятельств, к своим новым должностным обязанностям Федотову приступить, тогда не довелось...

... Сталин вдруг вплотную приблизился к генерал-лейтенанту и, застыв напротив, вперился в его глаза пронизывающим взглядом:

– Я не могу понять: прямо под носом вашего ведомства образовался бандитский отряд, а вам и горя нет! Это что: потеря бдительности или того хуже – пособничество врагу? Чито ви собираетесь делать по этому вопросу, какие вообще мысли у вас есть?

– Факт контакта бандитов с маньчжурско-японским консульством в Забайкалье, товарищ Сталин, уникален по своей сути, и мы собираемся это немедленно использовать, – генерал понимал, что именно сейчас наступает тот кульминационный момент их беседы с Верховным, когда может решиться вопрос: жить или не жить! И он пошел, что называется, ва-банк. – Данное событие позволяет начать длительную и перспективную оперативную радиоигру с ...

– Радиоигру с японцами!?! – вопреки своему укоренившемуся с годами стереотипу поведения, Сталин прервал речь беседующего с ним человека. И Федотов вдруг всем своим нутром ощутил, что скверное настроение вождя вдруг изменилось. Изменилось в лучшую сторону!

– Оперативная игра с противником, дело очень хорошее, а с этими вероломными и коварными самураями настолко, чито и слов нет! – Сталин, наконец, набил трубку своим любимым табаком «Герцеговина флор», раскурил её, и снова, но теперь гораздо энергичнее, заходил от стены к стене. Генерал, ощущая, как неимоверное напряжение начинает оставлять его, провожал взглядом то просветлевшее лицо вождя, то его седой, чуть пригнутый затылок.

Контрразведчик высочайшего уровня, психолог, расчетливый и последовательный человек, генерал Федотов понимал, что сделал сейчас всё очень точно и правильно. Как бы, между прочим, он негромко произнес:

– То, что на нашей территории образовалась эта бандгруппировка, конечно, из рук вон плохо, но при этом есть и весьма положительные обстоятельства, товарищ Сталин.

– Понимаю, чито ви хотите этим сказать, товарищ Федотов, – во второй раз перебил его Сталин. – Если не трогать эту самую «Свободу», то на нее, как мухи на мед, рано или поздно слетится вся местная нечисть, так?

– Именно так, товарищ Сталин.

– Ну чито ж, задумка не самая плохая... – вождь пыхнул трубкой. – А каким образом ви парализуете банду?

– Мы работаем над этим вопросом и варианты уже появились. Но прежде всего, считаю, надо изъять у бандитов взрывчатку, всё остальное пока терпит.

– Взрывчатку изъять немедленно, чего би это ни стоило! – Сталин снова помрачнел. – Но это еще не всё: следствие провести самым строжайшим образом, виновных в её утрате, отдать под трибунал. Ви понимаете меня, товарищ Федотов?

– Понимаю, товарищ Сталин, – чуть приметно кивнул генерал-лейтенант.

Глава 10

В начале августа тысяча девятьсот сорок первого года 103-я пехотно-моторизованная гренадерская дивизия Вермахта была включена в 16-ю армейскую группу «Север» и передислоцирована из Франции в Россию, под город Тихвин, где готовилось очередное генеральное наступление на Ленинград. Для того, чтобы дивизия приобрела сокрушительную пробивную способность, командование фронта усилило ее полком «Туле» из знаменитой танковой дивизии СС⁴⁴ «Тотенкопф»⁴⁵, прибывшим из-под Вильнюса. Полк должен был в нужное время включиться в боевые действия, чтобы развить и закрепить успех гренадеров.

Доукомплектованная новейшими танками и самоходными артиллерийскими установками, 103-я дивизия, которой командовал неоднократно отмеченный фюрером генерал-майор Рудольф фон Штрамм, в первых числах сентября вступила в бой. Находясь на самом острие удара германских войск, она должна была прорвать русский фронт и при взаимодействии с другими соединениями захватить Тихвин.

После взятия Тихвина, основного оборонительного узла фронта, немцам представлялась реальная возможность выхода через Лодейное Поле на Ленинград, со взятием которого решались сразу две важнейшие задачи: политическая – уничтожение главного идеологического центра СССР, (фюрер называл его большевистским сердцем России). И – военная: Германия получила в своё владение город – крупный промышленный и стратегический объект с выходом в Балтийское море. Что, в свою очередь, лишало советский Балтфлот нескольких баз снабжения и делало его практически беспомощным. Кроме этого, германские войска смогли бы впоследствии действовать против русских в тесном соприкосновении с армией союзной Финляндии.

Но, несмотря на пополнение и усиление, темп продвижения частей 103-й дивизии ослабевал день ото дня. Русские бились насмерть. Каждый населенный пункт, каждый дом, каждый метр своей территории они защищали с невиданной стойкостью и отходили лишь тогда, когда обороняться было уже почти некому. Немецкое наступление никак не могло достичь той фазы, той необходимой силы и стремительности, чтобы перерасти во всё сметающую лавину брони и огня. Не помогло даже и то, что в бой было срочно введено два дивизиона тяжёлых штурмовых орудий из фронтового резерва. Русские организованно отступили на линию наскоро построенного и недооснащенного минными полями «УР»⁴⁶, и уже здесь встали в несокрушимую оборону, преодолеть которую германским войскам оказалось не по силам. И если на каком-то участке им удавалось с невероятным напряжением и большими потерями продвинуться вперед, то через какое-то время русские организовывали ответный удар и восстанавливали прежнюю конфигурацию фронта.

Казалось, что само провидение помогает им: здравому уму было непостижимо, почему из перепаханых вдоль и поперек снарядами и минами траншей, где, казалось, не должно было остаться ничего живого, поднимался такой ливень ружейно-пулеметного и артиллерийского огня, что захлебывалась самая решительная атака. Потеряв около сорока процентов лич-

⁴⁴ СС – (шутц штаффель) – «отряд защиты». Подразделения нацистской Германии репрессивно-карательного назначения, созданные по личной инициативе Адольфа Гитлера.

⁴⁵ Полное наименование: СС-Панцер-Дивизион «Тотенкопф» – Танковая дивизия СС «Мертвая голова».

⁴⁶ «УР» – укрепленный район, сложная система земляных и железобетонных сооружений, предназначенных для долговременной обороны. Ленинградские УРы строились гражданскими специалистами и мобилизованным местным населением практически без консультаций с военными. Доты и дзоты сооружались без учета местности, без эшелонирования в глубину, без взаимной огневой поддержки и визуальной связи, секторы стрельбы были ограничены естественными препятствиями и плохим устройством амбразур. Но, тем не менее, УРы сыграли большую положительную роль при защите города. (Из воспоминаний командующего Ленинградским фронтом генерал-майора Федюнинского И. И.)

ного состава и техники, 103-я гренадерская окончательно утратила наступательный порыв и перешла к обороне.

Генерал Штрамм был взбешен, он только что закончил крайне нелюбезный разговор по телефону с фельдмаршалом Йозефом фон Леебом главнокомандующим группы армий «Север». Тот отчитал его, старого вояку, как нерадивого мальчишку, за то, что наступление, которое и без того шло крайне медленно, теперь остановилось вовсе. На слова Штрамма о том, что к русским, вероятно, постоянно прибывают подкрепления, а его дивизия, понеся колоссальные людские потери, не получила взамен ни единого солдата, фон Лееб ответил с сановной презрительностью в голосе:

– Ваша тактическая разведка работает отвратительно, генерал Штрамм! Убежден, что вы даже не знаете, какие части вам противостоят. У большевиков нет и быть не может сейчас резервов, все силы брошены под Сталинград и Москву. Просто их рядовые воины умеют драться насмерть, а военачальники грамотно распределять имеющийся личный состав! – с этими словами фельдмаршал бросил трубку.

Но Штрамм прекрасно понимал, что разговор на этом отнюдь не закончен и над его головой сгущаются тучи: в резерве главной ставки околачивалось без дела немало генералов, готовых заменить любого, споткнувшегося так, как споткнулся он. Несколько успокоившись и поразмыслив над создавшимся положением, Штрамм приказал адъютанту вызвать командира разведывательного отряда дивизии, гауптмана⁴⁷ Вернера Либиха, сменившего убитого пулей русского снайпера майора Готфрида Хольмана.

Молодой, подтянутый, с отменной офицерской выправкой (он был родом из Восточной Пруссии, из семьи потомственных военных, чьи давние предки служили Германии еще при короле Фридрихе Великом), Либих вошел в помещение временного полевого штаба дивизии, устроенного в просторной и светлой русской избе, выкинул в нацистском приветствии руку вперед:

– Хайль Гитлер! – от резкого движения качнулся и коротко высверкнул граненым лучом «Рыцарский крест», висевший на высокой сильной шее гауптмана на черно-бело-красной муаровой ленте. Этим крестом он был награжден совсем недавно, после успешно проведенной разведывательной операции в советском тылу.

– Хайль, – сдержанно ответил генерал, подавляя в себе вспышку гнева при виде этого, казалось, ничем не обеспокоенного вальяжного офицера. Не предлагая ему сесть, Штрамм заговорил резким высоким голосом, готовым вот-вот сорваться на крик:

– На вашем мундире – орден «Риттер кройц», а в кобуре – именное оружие, гауптман Либих! Думаю, что я поторопился, представляя вас к столь высоким наградам Рейха! Ответьте мне, что вам известно о противнике? Что? Я спрашиваю! В утренней разведсводке нет ни единого слова о каких-либо его перегруппировках. А вся обстановка говорит о том, что они произошли. Вверенное вам подразделение не выполняет своих прямых обязанностей! Вы хоть знаете, чем закончилась сегодня первая атака моторизованного батальона СС «Вестфалия», присланного для того, чтобы наглядно показать нашим лодырям и трусам как надо по-настоящему воевать!

– Я только что вернулся из-под Волхова, господин генерал, и пока не в курсе дел, – ошеломленно ответил гауптман. Командующего соединением таким разъяренным он видел впервые.

– Атака завершилась крупной неудачей! – Штрамм злобно возвысил голос. – Вас надо расстрелять перед строем этого батальона, Либих, так как работа дивизионных разведчиков равна нулю! Огромные потери «Вестфалии» всецело на вашей совести. Как мне теперь прика-

⁴⁷ Гауптман – капитан (общевойсковое звание).

жете смотреть в глаза партайгеноссе обергруппенфюреру⁴⁸ Теодору Эйке? Чем я должен объяснить эти невосполнимые утраты?

– Готов понести любое наказание, экселенц, – проговорил офицер упавшим голосом.

– Что толку с наказания?! – снова взъярился Штрамм. – Этим не вернешь жизнь немецким солдатам. Подразделения были буквально выкошены пулеметами, невиданная плотность огня по сравнению с предыдущими днями! Это говорит о том, что русские усилили на этом участке фронта свои войска. До прихода циклона и непогоды, связанной с ним, авиаразведка докладывала о массовых перемещениях в тылах красных, о их активизации на рокадных и подъездных железных дорогах, только один вы и ваши люди пребываете в сладком неведении! Группа русских разведчиков прошлой ночью просочилась к штабу сапёрного батальона и истребила его до последнего человека! Погиб даже командир части майор Эрнст Оберкаммп! Это неслыханно! Но именно так должны действовать спецподразделения! Учитесь воевать у русских, Либих, это вам не долина Луары, где в составе роты вы гонялись по лесам за пятеркой «маки»⁴⁹ это – Россия! – генерал перевел бурное дыхание, затем, взлетая голосом на самые верхи, продолжил. – Я слышал, что вы весьма преуспели в покере, гауптман Либих, и, как правило, заканчиваете игру победителем. Но вы, очевидно, забыли, что находитесь на войне, только война не покер в компании светских бездельников, а тяжелая грязная работа! Так не пора ли вам использовать свой казуистический ум и лисью хитрость не за карточным столом, а в разведывательной деятельности?

Произнося в запальчивости эти слова и срывая накопившуюся злобу на молодом офицере, Штрамм в глубине души понимал, что отчасти неправ: Вернер Либих считался инициативным и храбрым командиром, ответственно исполняющим воинский долг.

– Я послал три поисковые группы в тыл к большевикам, – возразил гауптман, – не вернулся никто, в разведотряде большие потери.

– Это не оправдание, – постепенно Штрамм стал успокаиваться, овладевать собой. Словно забыв о присутствии гауптмана, он с напряженным вниманием всматривался в висевшую на стене избы огромную карту с четко вырисованными на ее коричнево-зеленом поле красными стрелками ударов по неприступным русским позициям.

Не по-стариковски стройный, высокий и плоский, как доска, шестидесятилетний Рудольф фон Штрамм был идеальным олицетворением офицера старой кайзеровской военной школы. Безупречного пошива мундир со скромным, по-немецки, набором наград, короткая прическа, широкие, поднятые на концах, усы, уставно-шарнирные движения конечностей, строгий взгляд светлых глаз, хорошо поставленный, стального тембра, голос.

– Командование дивизии никогда и ничего не жалело для разведки: необходимое пополнение отряд получит. Но и с вас теперь будет особый спрос, Либих! – наконец заговорил он, упирая свой крючковатый указательный палец в крутую грудь гауптмана. – Да, да, лично с вас! И запомните: если в самое ближайшее время я не буду иметь исчерпывающих данных о противнике, о его тыловых перегруппировках, о прибывших резервах, то вам придется расстаться с офицерскими погонами и отправиться рядовым в штурмовой взвод. Осознайте это, гауптман!

– Яволь!⁵⁰ – с явным облегчением воскликнул разведчик. Перспектива во мгновение ока стать рядовым, кажется, отодвигалась. По прошлому Либих знал, что командир дивизии слов на ветер не бросает и на расправу весьма скор: нерадивые старшие офицеры теперь командовали ротами и отделениями, некоторые, чином пониже, полегли на бесконечных заснеженных русских полях простыми солдатами.

⁴⁸ Обергруппенфюрер – генерал-полковник войск СС.

⁴⁹ Маки' – партизаны Франции.

⁵⁰ Есть! (немецк.)

– Ступайте, гауптман Либих, – генерал заложил руки за спину и сурово посмотрел на разведчика. – И помните: мне нужен «язык». Желательно, чтобы это был офицер штаба. Впрочем, выбирать тут не приходится, постарайтесь добыть хотя бы хорошо информированного капрала. Отправьте в русский тыл опытного командира.

– Опытных командиров, к сожалению, у меня больше нет, экселенц, – буркнул Либих. – Разрешите лично возглавить поисковую группу?

– В таком случае, кто останется за вас?

– Обер-лейтенант Россман.

– А почему его не пошлётё за линию фронта?

– Не имею морального права: позавчера, во время разведки боем, Эдмунд Россман ранен в предплечье, – хмуро пояснил Либих.

– Он что, не госпитализирован?

– Отказался категорически, ранение не тяжелое, пуля прошла по касательной. Проходит лечение без отрыва от службы.

Командующий соединением долго раздумывал, потом принял решение:

– Пусть будет по-вашему, гауптман, действуйте. Контрольный пленный нужен как можно быстрее.

– Яволь! – офицер на миг склонил голову с четким пробором в светлых волосах.

Этой же ночью группа из шести разведчиков, возглавляемая Вернером Либихом, перешла фронт и углубилась в глухие заснеженные леса, стремясь до рассвета выйти в тылы русских частей, обороняющихся на этом участке.

«... А еще сообщаю тебе, сын мой Павлик, что, вскоре после твоего ухода на войну, наш дом, наконец-то, посетила великая радость. Трудно было поверить, но вернулся тот человек, о котором я тебе столько рассказывала... Я его ожидала, никак не раньше, чем через пять лет, но вот он рядом: наш единственный и долгожданный. Горько сожалел о том, что не застал тебя. Случись это, судьба твоя наверняка сложилась бы иначе. Ты понимаешь меня? Уверена, что прекрасно понимаешь, мы ведь всегда очень тонко чувствовали друг дружку.

Сын мой, пока ты находился в учебной части, еще хоть какая-то крохотная надежда согревала усталую душу мою, а сейчас всё так неопределенно и страшно. Теперь ты пишешь уже с фронта, и я понимаю, насколько все стало сложнее... Что ж, воля матери и сила ее любви – не всемогущи, настала пора тебе самостоятельно принимать решения, скоро ведь переступишь двадцатилетний жизненный рубеж. Помни об одном: мы ждем тебя живого и здорового. Ждем каждый час, каждую минуту! Старый адрес забудь, там все закончено, началась новая жизнь. Куда писать – знаешь. Горячо обнимаем и целуем тебя, Павлуша, теперь уже вдвоем».

– Чё смурной, Паха, али новости худые? – рядовой Федор Горяев кивнул на письмо в руках младшего сержанта Борисенко.

– Ошибаешься, новости как раз отличные, – очнулся тот от глубокого оцепенения.

– Дак, а смурной-то чё, спрашиваю?

– Тебе-то, какое дело? – Павел недобро прищурился.

– Да не-е, мое дело – сторона... – Федор яростно начищал замок длинноствольного пулемета, установленного на разлапистой треноге перед амбразурой. – Просто узнать хотел, чё там новенького, в Ерёмине-то, в нашем?

– Не волнуйся, не провалилась еще твоя деревня, стоит.

– А твоя? – Федор внимательнее присмотрелся к напарнику.

Не отвечая, Павел чиркнул спичкой, прикурил плоскую трофейную сигарету, огоньком той же спички поджег письмо. Застывшим взглядом смотрел на бледное пламя, уничтожающее бумажный треугольник.

– Ты чё это письмо-то матушкино палишь? – удивленно спросил его Федор.

– Заткнешься ты, наконец!? – взорвался тот. – Задолбал дурацкими вопросами!

– Вот чё, паря, – нахмурился Горяев. – Сиднем сидеть – хорош, раскрой-ка ишшо один-другой цинкарь да набей лент с пяток. Запас, он сроду не лишний.

– Это ты мне приказываешь, сержанту, я правильно понял? – снова вспылал Павел.

– Дак, а чё ты расселся, быдто у тёшши на блинах? Сам же толковал: я – чишшу оружиё, ты – заряжашь. А стрелям – попеременки.

Борисенко докурил, нехотя поднялся с гранатного ящика, злобно посматривая на Горяева, принялся вскрывать патронную цинку широким немецким штыком. Федор тем временем закончил чистку, выставил на прицеле нужную дистанцию, примеряясь к оружию, повел гофрированным стволом влево-вправо, чуть подвернул валик угломера, потом, навалившись на затыльник пулемета плечом, стал задумчиво смотреть через амбразуру на заснеженное поле, сплошь избитое черными оспинами снарядных воронок. Проговорил тихо, как бы для себя:

– Наверяд сёдни ишшо пойдут и так порядком положили. Гансы щас обедают: кофий горячий трескают с жареной колбасятиной, прям – лафа! Даже воют с-суки по часам.

Павел молча сопел в углу бетонного колпака, возясь с патронной лентой. Снаружи ударили в окованную листовым железом дверь чем-то тяжелым раз, другой.

– Кинь-ка «шмайсс»⁵¹, – попросил Федор Павла, и, поймав на лету трофейный автомат, подошел к выходу, спросил, приложившись ртом к пазу люка:

– Каво там ишшо принесло?

– Открывайтесь, вояки! – раздался знакомый простуженный голос старшины пулеметной роты Камнёва. – Харч прибыл.

– Харч харчем, а пароль паролем! – никак не реагируя на издевательскую усмешку Павла, твердо потребовал Горяев.

– Ну, «гильза», забери вас черти! – в сердцах ругнулся старшина. – Чё кобенитесь, отпирайте, торчим из-за вас на холоду!

– «Гомель», – произнес Федор отзыв и одним рывком сдвинул рычаг клин-замка. Загородив своей массивной фигурой светлый проем, в дот протиснулся закуржавевший от мороза старшина, вслед за ним спустились двое угловатых, беспрестанно и пугливо озирающихся солдат-новобранцев из хоззвода. Крайний из них замешкался, зацепившись за что-то полой шинели и Федор по-хозяйски прикрикнул:

– Эй, салабо'н, а ну заползай шустрее, чё воро'тья распази'л, не май месяц, однако!

Когда из термосов в котелки пулеметчиков перековывалась часть наваристого горохового супа, а в порожнюю цинку из-под патронов была выложена солидная порция перловой каши, Камнёв с отцовской заботливостью проговорил:

– Ну, хряпайте на здоровычко, ребята.

Борисенко при этом не преминул злобно выругаться:

– Опять «шрапнель», мать их за ногу, этих поваров! То пшённой «кирзой» пичкают неделями, то «шрапнелью», твари!

– Ты жуй да помалкавай, – сердито заметил старшина, снимая с сивых усов ледышки. – Добро хоть это ишшо есть. В Ленинграде народ с сентября голодует, тышшами мрёт. Вот поду-

⁵¹ «Шмайсс», «шмайссер» – бытовавшее в солдатской среде ошибочное название массового германского пистолета-пулемёта калибра 9 мм. Известный оружейник Гуго Шмайссер не имел к нему никакого отношения. Истинным создателем модели был Генрих Фоллмер, генеральный конструктор фирмы Эрма Верке расположенной в городе Эрфурт. Правильное наименование оружия: «Машинен-пистолет-38/40» (МП-38/40).

май-ка – сутошная пайка хлеба для работяги всего двести пятьдесят грамм, а на ребятишков и стариков дак наполовину меньше. И хлеб то – одни отруби пошти што...

– Слышали про это... – угрюмо сказал Федор и указав на пулемет, добавил. – Ты скажи ротному, Михалыч, штоба кого-нибудь прислал заместо Василия. Уж два дня, как его убило. Вдвоем несподручно в доте работать, заряжающий шибко нужон. Када атаки часты', ленты быстро уходят, еле успевам набивать. А тут ишшо этих эсэсов хрен принёс на наш фланг. Отчаянны вояки, в рот имя' ды'шлину! Вчерась один мало не на гранатный бросок сбоку надбежал. Ладно, Паха вовремя заметил да с «ручника» положил, а то б хана... Я ночью сползал, «шмайсс» евонный забрал да патро'нья. – Фёдор кивнул на новенький пистолет-пулемёт. – У того ганса под маскировкой чёрна форма, на френчике крестов – как у дурака цветочков. Герой с дырой, бляха-муха!

– Сказать-то я, скажу лейтенанту, а толку? Ты знашь, сколь народу в роте осталось после утрешнего бою? – удрученно вздохнул старшина.

– Да уж догадываюся...

– Ну, дак, а чё тогда... – Камнёв, по-стариковски кряхтя, поднялся. – Заклинь-ка дверь за нами.

Солдаты выбрались наружу, а старшина, глянув через плечо Горяева на Павла, угрюмо сидевшего в глубине дота, вполголоса спросил:

– Чё напарник-то не в духе?

– А хто ево разберет? – пожал широченными плечами Федор. – Письмо от матушки получил, все читал да читал, а сёдни штой-то взял да спалил... И потом: призверел он малеха, вчерась психическу отбивали утром, я у станкача один работал, а он «дегтярь»⁵² сохватил. Сёк гансов с левой бойницы, с пол-отделения, однако, завалил. Я ево от пулемета еле отодрал. По мертвякам цельный диск ишшо измолотил, чуть дуло не расплавил. Призверел, каво уж там...

– Ясно море... – неопределенно пробормотал старшина, и, пожимая руку Горяева, вдруг добавил, вспомнив. – Да, чуть ли не забыл, лейтенант просил передать: сёдни ночью немцы на соседском участке взрывами завалили противотанковый ров.

– Ну и чё? – беспечно хрумкая сухарём, Фёдор не придавал значения этой новости.

– А то, баранья твоя башка, што броню могут двинуть! Проход вона где готовят, а прорыв на нашем участке хочут сделать, суки хитрожопые. У соседей местность для танков не подходя'шша, овраги... – Камнёв неловко затоптался на месте и как-то просительно выдавил. – Так што вы уж держитесь, Федька, в своём колпаке-то. Ежели вас скovyрнут, дак и всёй роте труба...

⁵² «Дегтярь» – (солдатский жаргон) – ручной пулемёт калибра 7, 62 мм конструкции советского оружейника В. А. Дегтярёва.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.